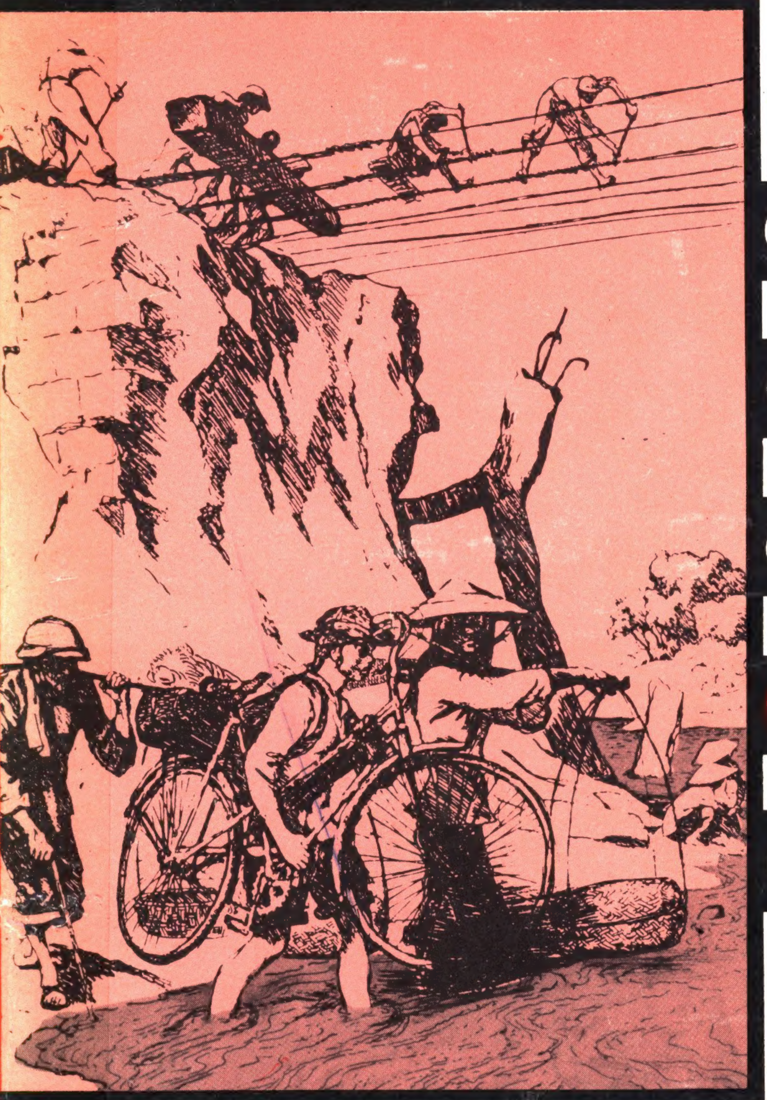
СЛОВО О ВЬЕТНАМЕ

ЗОЛОТЫЕ КОЛОКОЛА

О ВЬЕТНАМЕ

*говорят
вьетнамские прозаики
разных поколений
и молодые поэты,
а также
советские
журналист
и художник*

ЗОЛОТЫЕ КОЛОКОЛА

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1985

ПУБЛИЦИСТИКА

ГРАФИКА

СЛОВО О ВЬЕТНАМЕ

ПОЭЗИЯ

ПРОЗА

М. ИЛЬИНСКИЙ

Л. ДУРАСОВ

ЗОЛОТЫЕ КОЛОКОЛА

БАНГ ВЬЕТ,
СУАН КУИНЬ,
ФАН ТХИ ТХАНЬ НЯН,
НГУЕН ЗЮЙ,
ЧАН ДАНГ КХОА

ТО ХОАЙ, НГУЕН ТУАН, НГУЕН ВАН БОНГ,
ВО ХЮИ ТАМ, НГУЕН КОНГ ХОАН, ЧАН ЗУНГ,
ВАН ФАН, ХОАНГ ТХИ ЗИЕУ, НГУЕН ТХАНЬ ЛОНГ

84. 5В
З-81

Оформление
В. НЕВОЛИНА,
Ю. СЕЛИВЕРСТОВА

З $\frac{4701000000-050}{078(02)-85}$ 222—84

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ПУБЛИЦИСТА

М. ИЛЬИНСКИЙ. Писатель — вечный путник. Розы у рампы. Щедрое сердце художника. Тайны дельты, гор и долин. 7

СЛОВО ХУДОЖНИКА

Л. ДУРАСОВ 88

СЛОВО ПОЭЗИИ

БАНГ ВЬЕТ 127

В переводах Г. Фролова:

Приехав к горе Ароматной в год эвакуации. После дождя.

В переводах М. Павловой:

Зори. Услышано в полдень в Батчанге.

СУАН КУИНЬ 132

В переводах В. Корчагина:

Из «Подборки весенних стихов трем моим малышам»: Разъяснение, Петух, Примерная Ми. Где прячется жара зимой?

В переводах М. Павловой:

Рассказ о человеке. Камень гор Нгухань. Улица моего детства. Иду вместе с весной.

ФАН ТХИ ТХАНЬ НЯН 140

В переводах Б. Романова:

Рынок в праздник Тэт высоко в горах. Цветы тамаринда. Далат беглым взглядом.

В переводе Г. Иванова:

Сайгонские ночи.

ЛАМ ТХИ МИ ЗА 143

В переводах Л. Мигдаловой:

Голос бамбуковой флейты. Улицы столицы. Аромат арека. Сказки моей родины.

НГУЕН ЗЮЙ 146

В переводах М. Шаповалова:

Моя картина. Вьетнамский бамбук. Тепло соломенной постели. Про море.

ЧАН ДАНГ КХОА 149

В переводах М. Павловой:

Наказ сестренке. Похороны дедушки червяка. Пагода

в Байтяй. Ураганные деревья на острове Намиет. Напевы риса.

В переводах В. Куприянова:
Я проснулся среди ночи. Любуясь цветами.

СЛОВО ПРОЗЫ

ТО ХОАЙ. Улица. *Перевод М. Ткачева* 153

НГУЕН ТУАН. Круглый сладкий пирог зео. *Перевод М. Ткачева* 184

НГУЕН ВАН БОНГ. Орхидеи. *Перевод И. Глебовой* 190

ВО ХЮИ ТАМ. Парус. *Перевод Н. Никулина* 205

НГУЕН КОНГ ХОАН. Пусть печалятся наши враги. *Перевод Н. Никулина* 213

ЧАН ЗУНГ. Люди вокруг меня. *Перевод М. Кашель* 219

ВАН ФАН. Черепаховый браслет. *Перевод А. Моручкова* 230

ХОАНГ ТХИ ЗИЕУ. Под небом Семигорья. *Перевод А. Моручкова* 270

НГУЕН ТХАНЬ ЛОНГ. Молчит гора Шапа. *Перевод В. Чернышева* 277

М. ИЛЬИНСКИЙ

Я люблю Вьетнам, его мужественных, гордых и честных людей, его покрытые вековыми джунглями базальтовые горы, хребты, перевалы, плато, изумрудно-зеленые долины, могучие реки и водопады, золотые дюны у океанских берегов.

Позади у меня более десяти прожитых во Вьетнаме лет, но каждая новая встреча с этой страной удивляет и радует сердце.

1966 год. Тогда я стал свидетелем первых налетов американской авиации на столицу республики Ханой. Во времена американской агрессии шел по партизанским тропам Южного Вьетнама, ночевал в блиндажах и подземельях, стоял на берегу реки Бенхай, что более двадцати лет, словно ножом, разрубала по 17-й параллели землю Вьетнама. Мне довелось быть одним из первых иностранных журналистов в многострадальной общине Сонгми, где палачи американского лейтенанта Колли совершили чудовищные преступления.

Трудно перечислить все злодеяния империалистических агрессоров во Вьетнаме. Это и сотни миллионов тонн бомб и снарядов, обрушенных на города и селения; это и 100 тысяч тонн химических отравляющих веществ, распыленных по вьетнамской земле; это и полтора миллиона убитых. Нет прощения тем,

кто санкционировал и совершал эти чудовищные злодеяния.

Превозмогая огромные трудности и лишения, Вьетнам выстоял и победил. Я видел, каким счастьем светились лица вьетнамцев, когда пришла победа, — 30 апреля 1975 года освобожден Сайгон! 2 июля 1976 года страна стала единой от Каобанга на севере до мыса Камау на юге! Образовалась Социалистическая Республика Вьетнам.

Однако и после победы не прекратились происки сил империализма и международной реакции. Пользуясь всесторонней поддержкой и помощью Советского Союза, других братских социалистических стран, народ СРВ дает отпор своим врагам, уверенно строит социалистическое общество.

Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ, подписанный 3 ноября 1978 года, стал одной из ярких страниц в истории нерушимой советско-вьетнамской дружбы, у истоков которой стояли Владимир Ильич Ленин и Хо Ши Мин. «Когда пьешь воду, помни об источнике», — писал Хо Ши Мин.

Братские отношения между нашими странами подобны могучему дереву, у которого глубокие корни. Дружба наших народов строится на принципах марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма. Эта дружба, боевая солидарность наших стран и народов проверена временем.

Наступил 1985 год. Вьетнамский народ вместе с друзьями торжественно отметит такие замечательные даты, как 55-летие Коммунистической партии Вьетнама (3 февраля 1930 г.), партии, созданной и воспитанной Хо Ши Мином; 95 лет со дня рождения Хо Ши Мина (19 мая 1890 г.); 40-ю годовщину со дня провозглашения республики (2 сентября 1945 г.); 35 лет (30 января 1950 г.) со времени установления дипломатических отношений между СССР и СРВ; 10-летия освобождения Южного Вьетнама.

В марте 1985 года юноши и девушки СРВ торжественно отмечают 54-ю годовщину образования Союза коммунистической молодежи, с честью носящего имя великого вождя вьетнамского народа Хо Ши Мина. Свой праздник молодое поколение республики по традиции встречает новыми трудовыми успехами в социалистическом соревновании за претворение в

жизнь решений V съезда КПВ, выполнение планов социально-экономического развития.

Много славных дел и начинаний на счету комсомолии страны, СКМ Хо Ши Мина взял шефство над крупнейшими народнохозяйственными объектами, строящимися в СРВ. Комсомольско-молодежные коллективы работают на гидроузле Хоабинь, теплоэлектростанции Фалай, цементном заводе в Бимшоне, суперфосфатном комбинате Ламтхао.

Велик вклад молодежи Вьетнама и в развитие сельского хозяйства страны. На освоении целинных земель, строительстве новых экономических районов, крупных специализированных хозяйств по производству риса, продовольственных и технических культур, животноводческих фермах трудятся тысячи юношей и девушек, прибывших по комсомольским путевкам.

Тесные узы братской дружбы и всестороннего сотрудничества связывают СКМ Хо Ши Мина с ВЛКСМ. Вьетнамские комсомольцы внимательно изучают опыт советских друзей, молодежных организаций других социалистических стран.

Важное событие в жизни вьетнамской молодежи — состоявшийся в апреле 1984 года расширенный пленум ЦК Федерации молодежи Вьетнама — одной из самых массовых общественных организаций республики, объединяющей в своих рядах более восьми миллионов юношей и девушек.

В нынешней международной обстановке, подчеркивалось на пленуме, важнейшей задачей молодого поколения Вьетнама является борьба вместе со своими сверстниками из Советского Союза, других братских стран социалистического содружества за укрепление мира и безопасности на нашей планете. Молодежь в силах поставить прочный заслон на пути воинственных планов американского империализма и реакции. Огромную роль в укреплении сплоченности молодого поколения планеты призван сыграть XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве.

— Советско-вьетнамское сотрудничество — это веление времени. Это воплощение чаяний наших народов. Советско-вьетнамское сотрудничество, — говорил мне председатель Комитета общественных наук СРВ, профессор Дао Ван Тан, — это многочисленные программы по созданию и развитию различных отраслей вьетнамской экономики.

Действительно, нет сейчас, пожалуй, такой отрасли, в развитии которой не помогал бы Вьетнаму Советский Союз. Ярким свидетельством углубления научно-технических связей между СССР и СРВ стал полет в космическом корабле «Союз-37» совместного советско-вьетнамского экипажа. В его составе был первый человек Азиатского континента вьетнамский гражданин Фам Туан.

И в том, что вьетнамский летчик, защищавший небо Ханоя в годы американской агрессии на советском МиГе, на борту советского корабля вместе с космонавтом Страны Советов совершил легендарный полет, заложен глубокий смысл. В этом еще одно выражение нашей братской дружбы, сотрудничества. Этот полет послужил убедительным доказательством преимущества социалистической системы.

В результате 30-летнего советско-вьетнамского экономического сотрудничества построены и введены в эксплуатацию около двухсот важных народнохозяйственных объектов. Они стали символами советско-вьетнамской дружбы и сотрудничества. В настоящее время Советский Союз оказывает содействие братской стране в строительстве и проектировании более 90 крупных объектов.

Генеральный секретарь ЦК КПВ товарищ Ле Зуан подчеркивал на V съезде КПВ: «Сплоченность и всестороннее сотрудничество с Советским Союзом были и являются краеугольным камнем внешней политики нашей партии и государства. Во имя интересов народов двух стран и впредь будем еще более активно крепить боевую сплоченность и развивать всестороннее советско-вьетнамское сотрудничество».

ПИСАТЕЛЬ — ВЕЧНЫЙ ПУТНИК

Каждый раз, возвращаясь во Вьетнам, неизменно встречаюсь с близкими моему сердцу людьми, теми, кто вложил свои силы, свой талант в дело победы идеалов Великой Октябрьской и Августовской революций, выстоял в борьбе с колонизаторами, агрессорами, внес свой немалый вклад в развитие самобытной вьетнамской национальной культуры, в формирование молодого поколения Социалистической Республики Вьетнам.

Октябрь 1983 года. Война уже давно отгремела. Как изменился Ханой за прошедшее десятилетие! Невольно вспоминалось прошлое. Блиндажи, уличные бомбоубежища под окнами, надрывный вой сирен, воздушные тревоги, налеты, авиационные бои, залпы с зенитных и ракетных позиций.

Как и тогда, лучи заходящего солнца едва касались верхушек высоких деревьев сау, бликами ложились на черепичные крыши ханойских домов. Простые, уютные, эти дома лишены архитектурных «капризов» и восточной чопорности. Они обладают каким-то своим изысканным вкусом. В каждое лепное украшение на стенах и крышах зодчие пытались вложить, пожалуй, единственный смысл — радушие, гостеприимство. Каменные «хвосты драконов» на крышах — символ мира и спокойствия жителей. Ведь издревле, как доносят до наших дней легенды, дракон — повелитель вод — наделен великой добродетелью. Он верно служил и защищал людей. Впрочем, и сам Ханой еще примерно столетие назад назывался Тханглонгом — городом Поднимающегося дракона.

И повсюду цветы. Они — под моими окнами. В скверике — перед фонтаном Лягушки — провозвестницы дождя *. Цветы, «перепрыгнув» через улицу Нго Куен, потянулись к городской мэрии и ручейками разбежались по всему городу. Лотосы в многочисленных озерах, хризантемы в парке имени В. И. Ленина, гладиолусы и пионы у пагоды Восходящего солнца на берегу озера Возвращенного Меча — это феерия, хоровод красок, пылающее многоцветье улыбок, доброты ханойской земли.

В течение веков складывалось во вьетнамском народе представление, будто драгоценные камни и цветы воплощают высшие человеческие качества.

Хризантема стала символом благородства. В холодную трудную пору этот цветок испускает более сильный аромат, чем в погожее летнее время. Смысл — друг познается в годину испытаний.

Цветы фузунг с их роскошными пурпурными шапками — словно короткая, но яркая человеческая жизнь. Они цветут всего двенадцать часов.

Орхидею называют цветком весны. Она распус-

---

* Согласно древней легенде лягушка или жаба своим кваканьем вызывает дождь. Появление же оленя предвещает наступление сухой поры.

кается накануне Нового года по лунному календарю. И посему почитается как цветок любви, молодости, элегантности.

Цветок сливового дерева — символ чистоты, стойкости, верности.

Молодые побеги бамбука после сезона дождей — само буйство природы, будто разметавшиеся гривы боевых коней.

Бамбук — это рыцарь земли вьетнамской. В литературе и народных сказаниях его называют «святым воителем». Это рыцарь возвышенных чувств, превзошедший повседневные заботы, готовый вечно служить людям. Это и символ крепкого духа, свойственного человеку благородных целей.

Но бамбук — это и леса новостроек, это и мачты парусников, уходящих в открытый океан, это и днища трудяг-плотов на реках Вьетнама. Это и смертоносные стрелы, в течение столетий служившие оружием для вьетнамцев...

* * *

...Стук в дверь прервал ход моих мыслей. На пороге стоял старый друг — Нгуен Туан, он, как и Нгуен Ван Бонг, То Хоай, неразлучные Суан Зиеу и Хюи Кан, Те Лан Вьен и Те Ханьб, Динь Куанг и Чан Ван Кан, человек прекрасных качеств, величайшего гражданского мужества. Эти люди, которых я назвал, — писатели, поэты, режиссер, художник. Каждый из них оставил важную веху в современном вьетнамском искусстве и литературе. Их нередко называют интеллектуальной сердцевиной Вьетнама, его золотыми колоколами.

Земля, что щедро дарит рис и плоды, щедра добрыми и открытыми людьми.

Нгуен Туан пожал мне руку, а затем протянул небольшую глиняную тарелку.

— Четырнадцатый век, — улыбнулся он в густые усы. — Старому человеку приличествует носить с собой вещи, которые старше его по крайней мере на несколько столетий. Но я подарю тебе еще и новую книгу. — Он протянул мне ее: — Старому человеку надлежит еще писать и новые книги, они особенно полезны молодым. Им принадлежит будущее в нашей литературе. Им по плечу рог буйволиный сломать...

Нет, не изменился Нгуен Туан, подумал я. Тем же веселым, добрым светом сверкали из-за очков его глаза. Тот же высокий лоб, обрамленный седыми длинными волосами, ложившимися на воротник его шерстяной рубашки. Те же воинственные усы. Та же обкуренная трубка...

Я готовлюсь к каждой встрече с Туаном, знаю его любимые цветы фузунг, которые он называет цветами «прекрасных мгновений». Их чудесные шапки всегда воскрешают воспоминания о далеких годах. Когда-то с цветами фузунг встречала писателя после возвращения из колониальной ссылки жена. С цветами фузунг шагал Нгуен Туан к площади Бадинь 2 сентября 1945 года — в день провозглашения Демократической Республики Вьетнам, когда Хо Ши Мин зачитал Декларацию независимости. Эти цветы стояли в самодельной вазе из снарядной гильзы, когда он заканчивал «Очерки войны Сопротивления», удостоенные национальной премии по литературе (правительство республики наградило Нгуен Туана орденом Сопротивления I степени). С цветами фузунг я видел Туана вечером 30 апреля 1975 года, когда в честь освобождения Сайгона весь Ханой вышел на улицы. Нгуен Туан стоял в окружении пятнадцати внучат. Он смотрел в небо, которое разрывали огни победных фейерверков.

— Ты знаешь, — начал беседу Нгуен Туан, — сегодня я почему-то в мыслях возвращаюсь к прошлому, к моей юности. Это было более сорока лет назад в Ханое в канун нового, 1941 года. Я прибыл в столицу... в наручниках, в арестантском вагоне в сопровождении полицейских. Возможно, кого-то и ожидал новогодний праздник, а я отправлялся в ссылку. Это был мой второй арест по политическим мотивам. В 1929 году мне пришлось уже отсидеть в бангкокской тюрьме. Как часто в жизни в трудные моменты нам видятся безвыходные тупики, но время и борьба доказывают, что это были не тупики, а лишь крутые и порой опасные повороты. И вновь перед тобой дорога.

Однажды в полицейском участке ему был задан вопрос: «Род занятий?» — «Литератор», — ответил он. «Лицо без определенных занятий», — было занесено в протокол.

Порой судьба изощряется в ненависти к человеку, думал тогда, в 1941-м, Туан, вспоминая старую леген-

ду: «Два мандарина обратились к королю, желая определить судьбу поэта. У этого человека, говорили они, есть два пути: или с нами, или на плаху. Талант не живет в одиночку...»

— Правда, до плахи дело тогда не дошло. Но и с королями я не пошел, — продолжал Нгуен Туан. — Через несколько дней события резко изменились.

Колониальная администрация, желая успокоить индокитайскую интеллигенцию, присудила первую премию за книгу «Тени и отзвуки времени». Вскоре я получил не только свободу, но и чек в Индокитайском банке на целых 500 пиастров. По тем временам это была довольно солидная сумма, учитывая, что мешок в сто килограммов риса стоил два-три пиастра.

Что делать со свободой, я знал, но как поступить с деньгами?.. — Туан улыбнулся в усы. — Решение было найдено. Разыскал одну из своих знакомых — известную в те времена певицу — и отправился с ней в банк. Получил деньги, отдал их даме. Прежде, в трудные годы, она не раз помогала мне.

Но вряд ли эти деньги могли покрыть те расходы, которые она несла, оплачивая долги молодого писателя. И есть ли вообще та монета, которой оплачивается доброта?

В годы первой войны Сопротивления, — продолжал Туан, — наши дороги разошлись. Я ушел в партизанские районы, а она осталась в столице, не теряя связи с революционерами. Однажды друг привез от нее посылку. Я развернул сверток и обнаружил слиток золота и шелковый платок. Слиток золота? Я отдал его революционной власти. А вот платок... — Туан вытащил его из нагрудного кармана и развернул, — я храню по сей день.

Долго, сосредоточенно смотрел он на причудливые вензеля. Затем сложил платок и спрятал в нагрудный карман.

— Она погибла во время первой войны Сопротивления. Как и при каких обстоятельствах — не знаю. Мне неведомо, где ее могила; но память о ней сохранил навсегда. Я запомнил ее слова: «На востоке краешком засветилось солнце: заря — это предвестница дня, это путь к дневному курьеру». Сейчас этот дневной курьер несется над всем Вьетнамом.

* * *

Я знаю Туана уже много лет. Знаю, сколь длинный и трудный путь прошел этот человек. Он приобрел известность в литературных кругах в середине 30-х годов. Еще до Августовской революции 1945 года без колебаний включился в революционную борьбу. В 1946-м стал коммунистом, первым генеральным секретарем Ассоциации литературы и искусства Вьетнама. И каждая новая книга Нгуен Туана проникнута любовью, верностью родине, оптимизмом, гражданственностью, человечностью.

«Читатель видит в нас источник нравственной силы. Он не прощает нам слабых, бездушных строк. Чашечка зеленого чая утоляет жажду, рис кормит человека, а книга насыщает мозг».

«Сумей найти жемчужину, скрытую в человеческой душе, и опиши ее» — эти слова часто повторяет Туан, размышляя о назначении писателя в обществе. Сам он сумел отыскать эту жемчужину. Его книги и рассказы «Тени и отзвуки времени», «Чашка чая из утренней росы», «Без родины», «Храм музыки», «Дух сопротивления», «Черная река» и многие другие отмечены романтической приподнятостью, отточенностью стиля, который известный вьетнамский критик Ву Нгок Фан назвал «неповторимым, истинно вьетнамским стилем». В переводах Нгуен Туана Вьетнам «открыл» Чехова, Н. Гоголя, И. Ильфа и Е. Петрова... Он автор статей о творчестве Л. Толстого, Ф. Достоевского.

— Это прекрасно — переводить их творения, — говорит Нгуен Туан. — Быть даже тенью большого и сильного дерева — это уже немалое блаженство и достоинство. Но что такое быть писателем? Это — умение найти выход из сложнейшего лабиринта. Литература — это заветная кладовая, ключи от которой получают лишь немногие.

Нгуен Туан нашел эти ключи, но для этого он многое пережил, проехал тысячи километров на своем стареньком велосипеде по дорогам Вьетнама. И в дождь, и в жару, и во время тайфунов, и во время ожесточенных бомбардировок. «Главное, — писал он, — узнать свою землю. Каждый ее уезд». Вот, например, так в рассказе «Люди строят дорогу» (1959 г.) Нгуен Туан рассказал о прокладке новой транспортной арте-

рии в легендарном уезде Дьенбьен: «Не умолкая грохочут взрывы. В расщелины между камнями тяжко вонзаются ломы. Никнут утесы, расступаются рассеченные надвое холмы. Могучее эхо катится вдаль, точно гул наступающей армии. И вековые валуны, торчащие, как грибы, далеко впереди, посреди старого шоссе, настораживают уши...» Идет наступление на мирном трудовом фронте. Но автор описывает строительство так, будто воскрешает в памяти осаду и разгром французского экспедиционного корпуса весной 1954 года при Дьенбьенфу.

Когда массированным налетом американской авиации подвергался угольный район Вьетнама — Хонгай, он писал гневные репортажи с места событий для ханойской газеты «Тхонгнят» — «Единство».

Как-то я застал Туана за письменным столом. Он заканчивал новеллу «Островной уезд». За окном громыхала гроза. Писатель открыл ставни: «Люблю буйство природы. Дожди вспучивают ручьи и реки, правда, они грозят прорвать дамбы, но зато обновляют землю». Пока Туан заваривал крепкий зеленый чай, я углубился в чтение его новеллы:

«Вот уже который день подряд море вокруг Вандона (древнее название уезда Камфа в провинции Куангнинь) гудит и волнуется под напором северного ветра. Мокрый берег пустует. Занимается утро. Толстые бревна все тлеют и тлеют в костре, словно никак не желают сгореть. Мне почему-то стало жаль этот костер, похожий на человека, мечущегося в бессоннице. Я не мог уснуть, сажусь у огня. А ветер раздувает пламя и нагоняет с моря валы.

Я вспоминаю, что происходило здесь, в Вандоне, в далекие времена. В гулких ударах волн и свисте ветра мне чудится грохот боя и победные клики воинов Чан Куанг Кхая. Они на наших галерах потопили флот юаньского императора...»

Легендарные герои словно восстают из огня туановской водяной бамбуковой трубки — кальяна...

Гудит северный ветер. Голубоватые блики пламени пляшут на бревнах. Я чувствую, как глубоко в душу мне западают знакомые издавна стихи прославившегося в боях князя Чан Куанг Кхая. Да будет дозволено мне перевести на нынешний наш язык их начертанные старинными иероглифами строки:

Не надо жалеть
ни стараний, ни сил,
чтоб мир вековечный
на нашей земле наступил...

Нгуен Туан тоже не жалел своих сил во имя этой великой цели. От груза добродетели не затонет лодка, борясь с врагами, не заржавеет перо писателя.

Когда над Винем— главным городом провинции Нгетинь, что лежит примерно в 300 километрах от Ханоя, и днем и ночью патрулировали американские самолеты, Нгуен Туан приезжал на зенитные батареи, в рыбачьи селения и читал бойцам, крестьянам, строителям дорог свои новеллы, полные непреклонной веры в победу *. Когда в декабре 1972-го стратегические бомбардировщики сбрасывали «ковровую» смерть на Ханой, превращали в руины Кхамтхиен — улицу древних Звездочетов, он писал книгу «Ханой сбивает самолеты». Очерки и новеллы, составившие книгу, рассказывали о людях фронта, которые давали решительный отпор агрессорам, защищали Вьетнам, строили новую жизнь. Ракетчики и летчики, бойцы ударных строительных бригад и отрядов самообороны... Их подвиги, описанные Нгуен Туаном, вошли в антологию современной вьетнамской литературы.

Каждую книгу Нгуен Туана храню как драгоценную реликвию. Сколько труда, мужества, воли вложено в них!

«В годы мира силы свои напрягай», — повторял он слова Чан Куанг Кхая. «Тысячу лет будут озарены светом горы и реки твои». И тут же замечал: «Деревья хотят тишины, но ветер им этого не позволяет». Мне понятны его слова, слова, сказанные в период обострения международной обстановки, когда каждый житель земли должен сделать все возможное во имя сохранения мира на всей планете.

— Жизнь — как крутая горная дорога. Писатель — вечный путник, — часто слышал я от Нгуен Туана. — Он словно поднимается в горы, по крутизне, где надрываются даже идущие без вьюка кони. И как он мечтает тогда о нежном и ласковом море!

---

* Нгуен Туан писал о Вине еще на заре своего литературного творчества в рассказе «Сенсация», входящем в сборник «Тени и отзвуки времени».

Пот льет с него градом. Жажда все сильнее. Но помни: чем труднее, тем соленее должно быть питье. Прими крупицу-другую соли, и ровным станет шаг, ноги бодрей пойдут по острым камням, не защемит болью сердце (с солью во Вьетнаме часто ассоциируется понятие воли человека. — *М. И.*).

* * *

Вряд ли в Ханое вы встретите человека, который бы не знал этого мастера слова. Знают его и далеко за пределами страны. Среди его друзей были Анри Барбюс и Мадлен Риффо, И. Эренбург и К. Симонов, Л. Соболев и М. Луконин... Однако многие страницы его большой и интересной жизни пока оставались неизвестными даже добрым знакомым.

«Самое опасное для писателя — это испепеляющие мозг обыденность, статичность, равно как и усталость от частой смены мест», — повторяет Нгуен Туан.

Еще в тридцатых годах его пригласили в качестве актера на съемки фильма «Донг ма» («Долина призраков»). Фильм прогорел. Все актеры находились в нервозном состоянии, были истощены до предела и, как говорил Туан, дошли до «состояния призраков». А сам Туан? Он, оказывается, был счастлив: написал новеллу о том, как вредно сниматься в плохих фильмах. Впрочем, полвека спустя он все-таки снялся в фильме «Лампа гаснет» по роману Нго Тат То, и на сей раз с большим успехом. (Фильм был снят в Ханое.)

Киноактеры, режиссеры, писатели, художники из разных стран — частые гости в небольшом трехэтажном доме на улице Чан Хынг Дао. Перед домом — четыре высокие пальмы. Когда-то дом этот принадлежал помещику из Тхайбиня, затем японскому офицеру. Тот на свой лад его перестроил. Теперь здесь живет семья Нгуен Туана и еще одиннадцать соседей. Писатель гордится своим двухкомнатным жилищем. В его библиотеке более тысячи редчайших томов соседствуют с керамическими изделиями, возраст которых измеряется столетиями. Книги, чтение Туан называет самой счастливой свадьбой, объединяющей человека с миром знаний. И при этом добавит: «На этой свадьбе я самый ненасытный жених». Ласковая улыбка над седыми усами.

Вечный шутник. Он утверждает, что его старость,

серебряная седина, белые усы не портят уюта тесной комнаты. И комната эта всегда полна друзей.

Его манера говорить напоминает и юмористическую манеру письма литератора. Слушаешь Нгуен Туана и словно перечитываешь его повесть «Судьба Нгуена», написанную еще в 1940—1945 годах. Писатель умеет тонко, с иронией, на полутонах раскрыть человеческие характеры, описать драматические коллизии...

Главный герой произведения, как и два второстепенных персонажа, — писатели. Путем сопоставлений, убедительных замечаний, порой полных сарказма, Нгуен Туан сумел показать, что инертность, излишний рационализм, самолюбование, эгоизм, отсутствие стремления к достижению социально полезной цели неизменно приводят писателя к краху.

— Подлинное искусство никогда не снизойдет до простого ремесла. Писатель не может жить в паутине похвал, — продолжал Нгуен Туан. — Мягко ложе лести. Но нет ничего губительнее этого. Оно лживо и ложно, это ложе. Это я всегда повторяю молодым литераторам. И еще. Каждая поездка, как капля за каплей, наполняет чашу жизненного опыта.

«Я хочу, — писал он в одной из своих первых книг, — чтобы изо дня в день вдохновляла меня новизна. Хочу, чтобы каждый день мне дарил удивление, из которого рождается тяга к работе. Если человек отвыкает удивляться, ему остается одно — вновь встать глиной и прахом». Вот, пожалуй, литературное и человеческое кредо Нгуен Туана.

* * *

Если меня спросят, кто лучше всех знает вьетнамские легенды, я отвечу: Нгуен Туан. Если меня спросят, кто глубже всех познал вьетнамскую древность, я отвечу: он же, Нгуен Туан, и, вспомнив его добрую улыбку, продолжу его словами: если умеешь почитать старость, надолго останешься молодым.

Нгуен Туану уже за семьдесят (он родился 10 июля 1910 года), но если спросить писателя о его возрасте, он рассмеется и скажет: «Я молод, еще очень и очень молод. А сколько мне лет? Не считал».

Одному из журналистов он сказал: «Сколько мне лет? Посчитайте сами. Я родился, когда моя мать

сорвала украдкой цветок персика в саду у Тэй Выонг Мау — мифической хозяйки запада. А персиковое дерево согласно древним легендам расцветает один раз в три тысячи лет и дает плоды один раз в три тысячи лет».

Когда журналист в смущении опустил голову, думая, что допустил бестактность, поинтересовавшись возрастом писателя, Туан дружески пожал ему руку и сказал: «Мне более семидесяти, а отвечаю так сложно, чтобы вы узнали еще одну из наших легенд».

Нгуен Туан всегда дает разъяснение любому народному поверью или легенде. Например, он часто использует принятые на Востоке численные символы: тхат бао — семь драгоценностей: золото, серебро, глазурь, перламутр, агат, янтарь, коралл; там кык — три предела: земля, небо, человек. Там тай — три бедствия: пожар, наводнение, война; там ак — три зла: алчность, зависть, страстное желание...

Сколько разных сказаний и легенд, национальных частушек — казао поведал Нгуен Туан, посвящая меня в мир символов. Так, я узнал, что в литературе Вьетнама под названиями животных подразумеваются определенные слои общества, профессии и занятия людей. Буйвол, например, — крестьянин; конь — военачальник; пес — стражник; пиявки, оводы — сборщики налогов; маленькая змейка — простолюдин; тигр, слон — помещик; курица — нижний чиновник; козел — хранитель реестров; муравей — обездоленный человек и т. д. Туан часто прибегает к языку легенд и сказаний и как-то одному нетерпеливому ученику в назидание поведал следующее:

«...Это было очень давно, когда павлин и ворона стыдились белого цвета своих перьев. По совету дракона они приобрели самые дорогие краски и решили прилететь к людям, чтобы блеснуть новым чудесным опереньем, удивить их. Когда взошла полная луна, ворон, справедливо считая, что первые наложенные краски всегда хуже вторых, принялся первым разрисовывать павлина. Работа была закончена. Благодарный павлин решил приложить все свое умение и сделать ворона еще более прекрасным. Он старательно выводил каждый узор. Но вдруг раздались удары гонгов и барабанов, возвещавшие о том, что в ближайшей деревне начинался пир. И ворон стал торопить павлина. Павлин же терпеливо продолжал рабо-

ту. «Если ты будешь тянуть, несчастный глупец, люди съедят все без нас!» — злобно кричал ворон.

Опасение пропустить пир оказалось всесильным. Ворон оттолкнул бедного павлина, схватил ведро с краской и вылил его на себя. Краска оказалась черной. Ворон взлетел и, громко крича, полетел туда, где ломились столы от дорогих блюд. Люди не пустили к себе черного уродца. И с тех пор ему приходится питаться одними отбросами. Так вы понимаете, почему ворон черный, а перья павлина подобны радуге?»

— Те, кто торопится к пиру и забывает о натруженной кисти, непременно обольют себя черной краской. Впрочем, и те силы, что обливают наш новый мир черной краской, непременно оказываются в положении того ворона.

Не только легенды, но географию и историю Вьетнама можно изучать по его книгам. Помню, в 1960 году, когда я еще был студентом, вышла в свет его «Черная река». Восемнадцать лет спустя я зачитывался его очерком «Багрянец Черной реки». Он посвящен стройке советско-вьетнамской дружбы, возведению крупнейшей в Юго-Восточной Азии ГЭС на реке Черной.

Заканчивать каждое свое новое произведение Нгуен Туан непременно возвращался в столицу.

— Воздух Ханоя меня вдохновляет, — поясняет Нгуен Туан. — Настоящий ханоец до начала рабочего дня всегда выкроит время, чтобы проехать вокруг озера Возвращенного Меча или пройти по тенистой дороге Конгы, между двумя озерами — Западным и Белого Бамбука. Эти районы в столице сравнивают с двумя легкими, которыми дышит в жаркие тропические дни Ханой.

Однажды утром, когда еще не распустились бутоны фиолетовых и пунцовых цветов, мы шли от озера Возвращенного Меча в сторону Западного озера — самого большого в Ханое. Его живописные берега некогда были излюбленным местом отдыха королей и знати, теперь стали местом прогулок горожан. Туан в своих рассказах представлял это озеро как великолепную картину, выполненную в бордовых тонах, а поднимающуюся над ним луну называл огромным плодом, только что сорванным с мангового дерева.

— Как я люблю этот уголок Ханоя! — говорил Нгуен Туан.

Там, где на набережную выходит улица Чан Нгуен Хан (вьетнамский полководец XV века), стоит дерево вынг * с густой, низко нависшей над землей кроной. Обычно оно цветет по весне. Но бывает, что вновь зацветает и осенью. И кажется, будто его лиловые цветы нанизаны на алую шелковую бахрому, спадающую с огромного зеленого зонта. Яркие лепестки усеяли кромку прибрежной травы.

— Помню, — рассказывал Туан, — лет тридцать назад я завел обыкновение присаживаться в тени под этим деревом, когда на нем распускались цветы. Вынг приобретает особую красоту, когда на его ветвях поселяются белые аисты. Эти удивительные птицы своим изяществом словно подчеркивают, что выбрали самое красивое дерево.

Здесь задумал я тогда повесть «Зеленые огни... перепевы гудков» — зарисовки о Ханое.

Немало людей были знакомы со мной в ту пору. Многих из них нет больше в Ханое. Они вернулись (так говорят во Вьетнаме о покойных).

И вот тридцать лет спустя я снова прихожу под мое дерево. Думаю об ответственности перед людьми, о чести. Я думаю о мире, который мы завоевали в суровой и долгой борьбе ценой больших жертв.

На память мне пришел очерк Нгуен Туана «На освобожденной земле Куангчи». Рассказывая о строительстве новой жизни, писатель будто заглядывал в души и сердца людей: «Я услышал слова молившихся женщин. Большей частью старухи, они, наверное, все были матери, и молитвы их —то горькие, то радостные — были о мире. Обретенному этому миру едва исполнилось несколько недель».

Я взглянул на друга, он сидел, глубоко задумавшись.

Разнообразны сферы познания и интересов писателя. Помню, как-то у книжного магазина на улице Чантиен Нгуен Туан не мог не углубиться в историю вьетнамской книготорговли. Он поведал о том, что первый книжный магазин в Ханое был заложен в 1879 году. Первая библиотека в Тонкине открылась в 1919 году. В 1954-м, уходя из столицы, колониза-

---

* Вынг — дерево с маслянистыми плодами, используемыми для приготовления лекарств.

торы вывезли ценнейшие книги. Все пришлось начинать с нулевой отметки. Ныне в центральной ханойской библиотеке около 800 тысяч книг.

Постоянно бывает писатель и в центральной библиотеке города Хошимина, которая считается по своему значению второй после ханойской. Здесь собраны уникальные подшивки газет, впервые выходивших на вьетнамском языке в южной части страны. Такой первой газетой была «Жиадинь бао», появившаяся в Сайгоне — Жиадине в 1880 году. Одна из ценнейших книг, хранящихся в библиотеке города Хошимина, — первый вьетнамо-испано-латинский словарь, выпущенный известным католическим миссионером Александром де Ротом в 1651 году. Здесь же, в библиотеке, копия комплекта 50 текстов древних вьетнамских опер (туонг ко), начертанных тушью и кистью на старинной вьетнамской письменности «ном». (Оригинал этого комплекта опер был вывезен западными дельцами и ныне находится в Лондонском музее.)

— А первые книги о России? Они, — рассказывает Туан, — появились в лавках букинистов на берегу озера Возвращенного Меча в 1885 году и принадлежали перу известного французского путешественника Габриэля Бонвало и ботаника Гийома Капюса. Выехав из Москвы в 1880 году, они проехали всю Восточную Сибирь, Туркестан, собрали богатую коллекцию азиатских трав, растений и насекомых. Бонвало был личным другом Пржевальского. Во время перехода из России в Индию он был захвачен в Афганистане людьми эмира и несколько месяцев провел в плену. Затем его выкупили. Он преодолел перевалы Памира и стал первым французом, прошагавшим из России в Индию. Своего друга Пржевальского он почитал за мужество и искренность, упорство и увлеченность. Бонвало вынашивал план перехода из Москвы в Индокитай. Но ему не хватало средств для экспедиции.

Нгуен Туана приводила в восхищение фраза Бонвало: «Я хочу дышать горным воздухом Азии, а не задыхаться в кулуарах бурбонского дворца».

Возможно, именно эта фраза известного путешественника навела писателя на мысль покорять горные вершины. В 1957 году, поддавшись соблазну альпинизма, он сумел подняться на самую высокую гору Вьетнама — Фансипан. В горах, говорил он, разлита какая-то неистощимая могучая энергия, заложен ко-

лоссальный эмоциональный заряд, заряд мысли, действий, движения.

И теперь, спустя много лет, рассказывая о своих путешествиях в горы, Туан не смог удержаться от остроты:

— До моего восхождения ни один писатель не бывал на вершине Фансипан, и высота горы считалась 3141 метр, а теперь во всех справочниках значится 3142. Не обязана ли этим гора моему пребыванию на вершине?

«Обитель мою подметите в горах — пусть в гости придут облака», — вспомнил писатель древние строки...

Не только горы, но и море — давнее пристрастие писателя. И не потому ли Туан часто прибегает к сравнению: цель морехода — достигнуть берега, цель писателя — завершить творческий поиск новой книгой. Старые маяки могут угаснуть, но новые всегда освещают путь, говоря о близости земли...

Нгуен Туан большой поклонник картин Айвазовского, повестей и рассказов Новикова-Прибоя, Соболева. И еще Нгуен Туан — знаток истории Российского флота. В домашней библиотеке Нгуен Туан хранит антикварный «Тонкинский сборник», в котором на 191-й странице сообщается, что первым русским кораблем, бросившим якорь у берегов Северного Вьетнама, был крейсер первого класса «Забияка». В сборнике содержится справка из газеты «Тонкинские новости» о корабле: «Его ширина — 10 метров, длина — 80 метров, на борту 153 моряка и 15 офицеров, 17 пушек. Средняя скорость — 14 узлов, мощность машинного отделения — 1500 лошадиных сил. Капитан первого ранга Доможоров — один из самых молодых и блестящих капитанов русского флота».

«Посланцев России, — зачитывал своим басовитым голосом Нгуен Туан, — торжественно встречал Ханой во вторник, 30 января 1894 года. Офицеры поселились в «Гранд-отеле». Они завтракали на берегу озера Возвращенного Меча в небольшом кафе «Гран Лак», которое содержал некто по имени Шансон. В честь русских моряков в губернаторском дворце доктор Ле Лан читал стихи, которые он обнаружил в неизвестно каким образом попавшем в Ханой сборнике «Черная роза», изданном в Петербурге. Стихи имели большой успех. Один из офицеров «Забияки»,

растроганный аплодисментами, сел за фортепьяно, исполнил мелодию Гуно и имел не меньший успех». Впрочем, фортепьяно, за которым сидел русский офицер, и по сей день находится в ханойском театре.

В пятницу, 2 февраля 1894 года, — продолжал чтение писатель, — в Ханое в честь офицеров с «Забияки» был дан бал. По всем улицам танцевали вприсядку «Русскую» и кадриль. Лучшим танцором был признан князь Трубецкой. В те дни в Ханое все даже пытались одеться «по-русски».

Когда-то, в колониальные времена, у него был документ «Протеже франсе» (охраняемый Франции). Это позволяло ему пешком и на велосипеде путешествовать по Индокитаю и много писать. Метранпажи находили его в небольших кабачках, где он, отставив чашку кофе, заканчивал очередной очерк. Наутро его «подвалы» читали в газетах Тонкина. Он всегда исключительно точен, этот человек. И точность расценивает как элемент культуры.

Имя Нгуен Туана было уже широко известно по всему Индокитаю. Но вдруг он прослыл в литературных кругах... повесой. В чем секрет этой «славы»? Теперь он с усмешкой вспоминает о том случае.

В Сайгоне объявился «литератор», который понял, что наилучшее пристанище в жизни — это женское сердце, «продукт шутки луны и ветра». В жертвах не было недостатка. И вот что произошло однажды. Весьма состоятельная дама, почувствовав мудрость и литературную силу молодого Туана, но не зная его лично, возгорела неудержимой любовью к талантливому прозаику. Она обнаружила номер его почтового ящика (35) и решила излить свои чувства на бумаге. Но некий сайгонский авантюрист перехватил любовное послание, увлажненное слезами и надушенное французскими духами. Основа интриги была заложена. Лжелитератор каждый раз изымал письма из ящика № 35 и умелой рукой подделывал почерк и стиль писателя.

Пламя любви разгорелось в уютной вилле на 20-м километре под Сайгоном. История взаимоотношений самозванца и интеллектуалки завершилась, когда лжелитератор угодил под суд, разоблаченный в какой-то другой амурной афере. Обманутая почитательница таланта выступила с гневной речью на суде, а затем, завернув в платочек стопку писем, отослала их

Туану вместе со своей фотографией. Дама оказалась упорной ценительницей таланта и вплоть до 1954 года продолжала переписку с Туаном. Писатель, помня адрес сайгонской незнакомки, дал его в 60-х годах своим коллегам-патриотам, которые сражались за свободу и независимость на Юге. Бойцы Фронта освобождения всегда встречали помощь и понимание той уже постаревшей женщины, которая и по сей день хранит книги Нгуен Туана.

* * *

...Давным-давно, в 1956 году, Иветта Ивановна Глебова, моя преподавательница вьетнамского в Московском государственном институте международных отношений, принесла нам в аудиторию гранки своего перевода повести Нгуен Ван Бонга «Буйвол», которую готовило к выпуску Издательство иностранной литературы. Эта повесть была первым крупным произведением писателя, издавшего ее в 1952 году и получившего за нее литературную премию Ассоциации культуры Вьетнама. Так Нгуен Ван Бонг стал одним из первых лауреатов этой премии, а повесть «Буйвол» — первым крупным произведением вьетнамской литературы, изданным в Советском Союзе. Одну из первых делегаций вьетнамских писателей, приехавших в Советский Союз в 1957 году, возглавлял Нгуен Ван Бонг. А ведь это был совсем молодой писатель, начавший свой литературный путь в годы войны Сопротивления против французских колонизаторов (1946—1954). Этому времени и был посвящен «Буйвол».

Мы спросили Иветту Ивановну: «Почему ваш выбор пал именно на эту повесть?» Она ответила: «Когда поработаете во Вьетнаме, вы поймете, что буйвол для вьетнамского крестьянина — величайший символ. Это не просто животное, это все: и урожай риса, и спасение от голода и феодальной кабалы, и борьба за землю, за жизнь. Во время войны Сопротивления крестьяне прежде всего берегли буйволов, они знали, что враг стремится уничтожить рабочий скот и обречь население на голод». За «Буйволом» последовали новые повести: «Огонь в очаге» (1955) и «Таблички на полях» (1955), сборники рассказов и очерков — «Старшая сестра» (1960) и «Вступая в новую

весну, идущую с Юга» (1961), сценарий «Дорога на Юг» (1963); эти произведения принесли автору признание не только в своей стране, но и за рубежом. А потом наступило долгое молчание, Нгуен Ван Бонг перестал писать... Помню, как в 1968 году, в самый разгар американской агрессии, в ханойской гостинице «Тхонгнят», в номере 112 Нгуен Ван Бонга заключил в крепкие объятия Леонид Соболев.

«Ваш «Буйвол», — сказал Соболев, — словно вечный корабль, плывет по рисовым полям Вьетнама, наперекор огненным тайфунам, сквозь дым военных пожарищ. Он преодолеет все трудности и добьется славной победы. До встречи в Сайгоне!» Эти слова я записал в свой блокнот, не подозревая, что в тот же вечер мелким, аккуратным почерком их занесет в записную книжку Нгуен Ван Бонг. Тогда, во время той далекой теперь встречи, Бонг сидел на плетеном стуле и разливал по маленьким фарфоровым чашечкам зеленый чай. Я видел, как внимательно он слушает, словно впитывает, каждое слово Леонида Соболева. Несколько лет спустя, уже после смерти Леонида Сергеевича, Бонг скажет: «Это был мудрый писатель. Он навсегда останется для меня воплощением писателя, который, как моряк, подчинил себе безбрежное море, и имя этому морю — «мысль».

Американская агрессия продолжалась. Бомбардировщики B-52 разрушали земли, города и селения Северного Вьетнама, напалмом выжигали нивы, засыпали джунгли, поля, деревни отравляющими химическими веществами. Совершалось чудовищное преступление против вьетнамского народа. Матери, дочери, сыновья, жены оплакивали погибших.

В центральных районах страны, где неподалеку от океанского побережья, в провинции Куангнам-Дананг, затерялось родное селение Бонга, были созданы интервентами так называемые «зоны выжженной земли». Несколько севернее Куангнам-Дананга колючая проволока и минные поля «линии Макнамары», проходившей по южной части демилитаризованной зоны вдоль 17-й параллели, по замыслам вашингтонских стратегов должны были увековечить раздел Вьетнама...

Именно здесь, у 17-й параллели, в освобожденных районах Южного Вьетнама состоялась наша новая встреча. У реки Тхатьхан патриоты принимали быв-

ших политических узников, вырвавшихся из лагерей смерти Пуло Кондора, из тюрем и застенков сайгонского режима. На их телах следы пыток: спины в незарубцевавшихся ранах, ноги и руки в кровоподтеках и синяках, с вмятинами от кандалов. У некоторых отрезаны уши. Люди истощены до такой степени, что едва держатся на ногах.

Главный редактор газеты «Освобожденный Куангчи» Ле Нием разостлал циновку у самой обочины дороги, вытащил солдатский кисет.

«Перекурим, пока не подъедет Чан Хиеу Минь», — предложил он.

Мне было известно имя этого человека по репортажам и рассказам, печатавшимся в газетах и журналах, выходивших на Юге Вьетнама. Он писал о том, как в боях закалялись кадры революционеров, партизан, солдат Народно-освободительной армии, всех борцов за единство Вьетнама.

Рядом, обдав нас красной дорожной пылью, затормозил старенький, с продырявленными крыльями фронтовой «джип». Дверцы распахнулись, и из автомашины выскочили трое молодых военных, затем вылез человек в штатском. На нем был клетчатый партизанский шарф, а на голове — яркая, я бы сказал, ковбойская шляпа. Все четверо спустились к реке, с наслаждением ополоснули руки и лицо.

— Вот он и приехал, сейчас я тебя познакомлю с Чан Хиеу Минем, — улыбаясь, сказал Ле Нием. — Остроумнейший и добрейшей души человек, прекрасный собеседник, великолепный психолог и знаток обычаев Севера, Центра и Юга Вьетнама, — наблюдая за поднимавшимися по крутому склону людьми, продолжал говорить Ле Нием. — Он совсем недавно вернулся из Сайгона и расскажет тебе о происходящих там событиях.

Через несколько секунд военные и человек в штатском уже стояли на дороге и обнимались с Ле Ниемом. Затем после традиционных приветствий настал и мой черед. Передо мной был... Нгуен Ван Бонг!..

«О том, что у одного человека два имени, ты сможешь написать лишь после войны, после нашей победы. А пока во Вьетнаме есть два писателя: Бонг — на Севере и Минь — на Юге! Запомни это!» — сказал он мне. И в глазах его вновь заиграла столь знакомая мне озорная веселость.

Мы проговорили всю ночь. Огромная луна заливала землю таким ярким светом, что, казалось, я могу различить каждую морщинку, появившуюся на лице друга после нашей последней встречи. Но все тот же прищур глаз, те же непокорные жесткие волосы, та же красочная речь. Он рассказывал мне о своей жизни среди партизан и подпольщиков, о рейдах в Сайгон, о потерях боевых друзей и обретении новых товарищей — верных бойцов революции. Утром мы простились, и Бонг протянул мне небольшую книжечку, на которой была надпись: «Другу и брату».

«Следующая встреча, надеюсь, будет в Москве, — сказал он мне. — Пройдем по Красной площади, побываем у моих советских друзей и, конечно, встретимся с товарищами в редакциях газет, журналов, в издательствах...»

Он уехал, красная пыль клубилась из-под колес «джипа». В тот же день я прочел его книгу «Вот он, наш Сайгон!». В своих очерках о патриотах, бойцах сайгонского подполья писатель словно утверждал мысль о неизбежности победы и освобождения Сайгона. Впрочем, до полного освобождения Юга ему предстояло еще жить, сражаться и писать в течение нескольких лет.

Под псевдонимом Чан Хиеу Минь были написаны книги: сборник рассказов и очерков «Бушующий Меконг» (1965), отмеченный премией Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, сборник очерков «Вот он, наш Сайгон!» (1970) и роман «Лес Уминь» (1970).

Как и предполагал Нгуен Ван Бонг, мы встретились на московской земле, в гостинице «Россия», где состоялся необычный вьетнамский литературный вечер, на котором вместе с переводчиками-вьетнамцами были известные писатели, поэт Суан Зиеву и прозаик То Хоай, о которых ниже пойдет речь. Присутствовал здесь и Нгуен Ван Бонг — Чан Хиеу Минь. Так случилось, что многие из нас, собравшихся в тот вечер, не видели друг друга долгое время и потому, понятно, вспоминали о далеких товарищах, собратьях по перу, о тех, с кем свела жизнь и сдружила работа во Вьетнаме, и, конечно, говорили о том, что все ближе становится День победы во Вьетнаме, когда каждый патриот с гордостью скажет: «Вот он, наш Сайгон!»

Нгуен Ван Бонг слушал друзей, больше молчал, чем говорил.

— О чем ты сейчас пишешь? — спросил я Бонга.

— У меня сложилась привычка не рассказывать о своих ненаписанных работах. Но для тебя скажу — повесть «Белое платье». В ее основу положена подлинная история сайгонской школьницы Нгуен Тхи Тяу. За активное участие в революционной борьбе девушка была арестована и брошена в тюрьму. Она узнала, что такое пытки в сайгонских застенках. Но ничто не могло сломить патриотку, она не выдала своих товарищей. В тюремной камере на черной стене она вывела строки своих первых в жизни стихов:

Я недолго носила мое белое платье,
Боль, беда и насилие камнем пали на счастье.
Но запачкать не в силах вражье зло и ненастье
Нашей гордости символ — это белое платье.

— Белый цвет, — продолжал Бонг, — с давних времен считается во Вьетнаме символом душевной чистоты и верности. Впрочем, у нас это еще и цвет траура. В борьбе за свободу и независимость страны погибло много наших людей.

Всегда, когда бывает тяжело, надо не забывать, что на смену скорби и боли непременно придет добро и радость. Перевернется страница жизни, и перед человеком откроется день, залитый солнцем, предвещающим счастье. Конечно, многие не увидят этого света, но, вступая в борьбу, они верили в то, что яркие, полные надежд и счастья времена ожидают их народ, их верных боевых друзей, с которыми шли дорогами войны в великом сражении за свободу и независимость родины.

После встречи с друзьями мы с Бонгом долго бродили по Москве, стояли на Крымском мосту и верили, что придет день, когда вот так же мы будем стоять на Игрековом мосту * в Сайгоне.

Сразу после освобождения Сайгона 30 апреля 1975 года писатель Чан Хиеу Минь вошел в президентский дворец вместе с первыми бойцами Народно-освободительной армии. Танк народной армии под номером 879 взломал чугунные ворота президентского двор-

* Игрековый мост — самый большой мост в Сайгоне, имеющий форму Y.

ца и остановился перед входом. В Белом зале в глубоких креслах, стоявших на огромном ковре ручной работы, на котором было выткано слово «тхо» — «долголетие», сидели 44 последних сайгонских министра, возглавляемых Зыонг Ван Минем. И Бонг, бывший южновьетнамский писатель Минь, стал свидетелем этого исторического момента, который он описал в очерке, напечатанном в газете «Ван нге» («Литература и искусство»), главным редактором которой он стал после победы и объединения страны.

«Генерал Зыонг Ван Минь, или Большой Минь, так называли его в западной печати, поднялся навстречу офицеру народной армии и сказал: «С самого утра мы с нетерпением ждем вас, чтобы выполнить процедуру передачи власти». Офицер ответил ему: «Вся полнота власти перешла к восставшему народу. Прежней администрации больше не существует. Поэтому невозможно передать то, чего уже нет». Во всех ста залах и сорока подземельях дворца находились войска народной армии»...

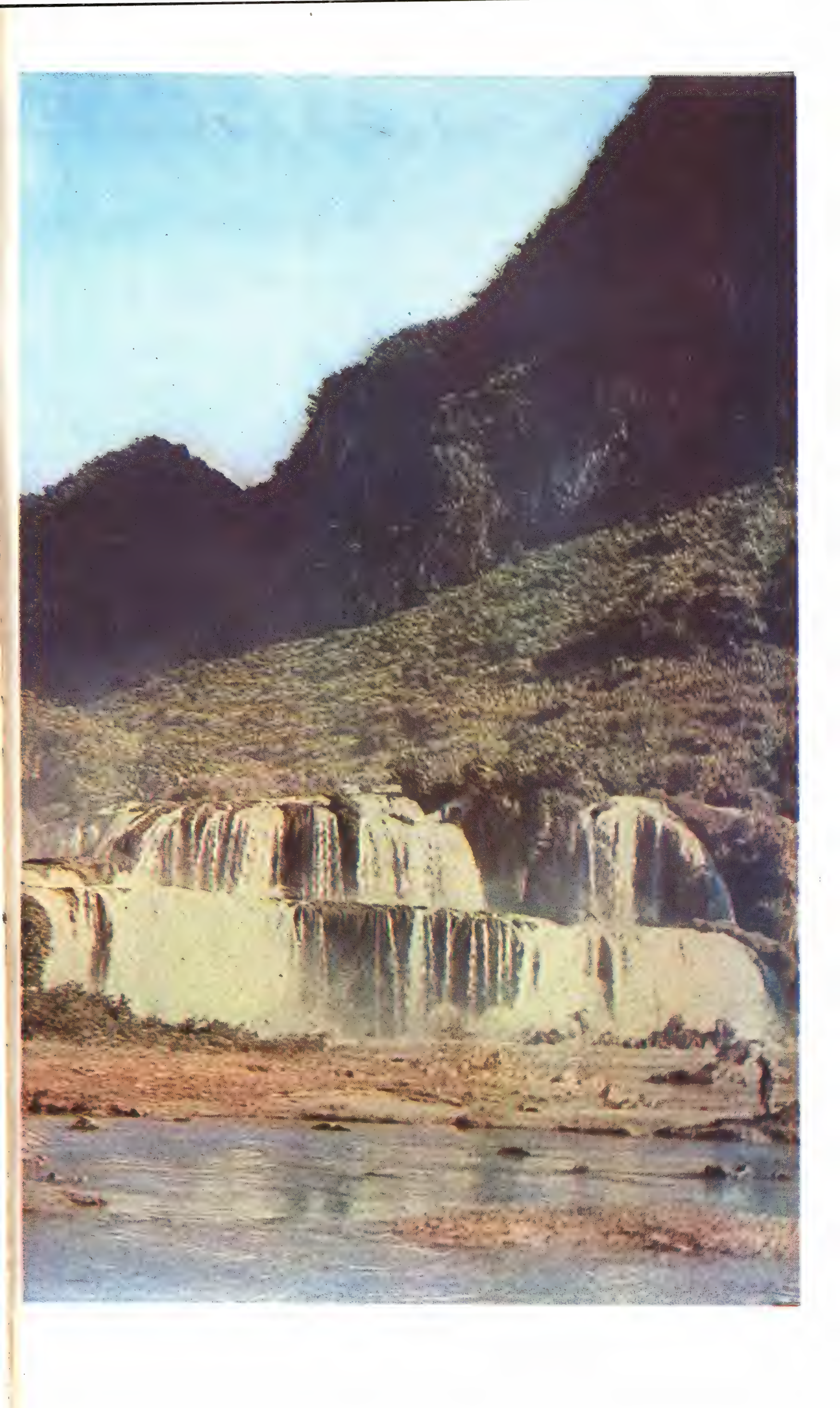
Рано утром 14 мая 1975 года мы с Бонгом шли на парад Победы. По центральным улицам Сайгона, громыхая, двигались танковые колонны, ехали артиллерийские дивизионы, сжимая в руках автоматы, маршировали воины народной армии и вчерашние партизаны. Я глядел в лица солдат и невольно вспоминал рассказ Нгуен Ван Бонга «Как я стал бойцом Народно-освободительной армии». Теперь бойцы эти достигли поставленной цели, завершив операцию «Хо Ши Мин», добились полного освобождения своей родины. Передо мной проходили герои очерков Бонга, его книги «Вот он, наш Сайгон!». Писатель наделил их честностью, романтичностью, мужеством, чистотою поступков и помыслов. Такими они и были в жизни, вьетнамские патриоты, герои великой освободительной войны народа Вьетнама.

Чан Хиеу Минь стал вновь Нгуен Ван Бонгом. Повесть «Белое платье» была опубликована в 1973 году уже под настоящим именем. Пройдя через все испытания войны и подполья, не раз находясь на краю пропасти, познав все горести потерь и радость победы, ощутив тяжесть прожитых лет, человек и писатель становится мудрее, взыскательнее и в то же время человечнее. Ему открываются души людей, он тоньше понимает их психологию. Таким из Сайгона,

что ныне носит имя Хо Ши Мина, возвращался писатель Чан Хиеу Минь в Ханой, чтобы вновь стать Нгуен Ван Бонгом. Однако, приехав на Север, писатель не может забыть Юга своей страны, неизменно возвращается в своем творчестве к местам, к людям, ставшим столь близкими его сердцу. Так, у него вышли сборник очерков «Записки о Тэйнгуене» (1981), многочисленные рассказы, и в еженедельнике «Ван нге» печатались главы романа «Сайгон-67». В рассказах «Орхидеи», «В туманном Далате», «Неподалеку от Сайгонского моста» писатель старается проникнуть в души и мысли людей, которые в прошлом так или иначе были связаны с проамериканским режимом и теперь, поняв цели и задачи вьетнамской революции, стремятся обрести себя в новой жизни. И Нгуен Ван Бонг помогает этим людям в поисках верного пути, чтобы преодолеть возникающие в жизни трудности и не просто приспособиться к новым условиям, а найти достойное себе место в рядах строителей нового общества. Писатель воспевает чистоту человеческих отношений, верность и любовь, готовность протянуть им руку помощи.

Большую работу проводят писатели СРВ, и среди них Нгуен Ван Бонг, по перестройке мировоззрения людей южной части Вьетнама. Ведь в течение десятилетий они были подвержены проамериканской пропаганде. Печать испытывала на себе удары драконовской цензуры. Сайгонская так называемая «служба по координации искусств» свирепствовала, преследовала прогрессивных литераторов. Их арестовывали, бросали в тюрьмы и концлагеря.

— Руководители этой «службы», — рассказывал Нгуен Ван Бонг, — становились своеобразными «идеологами» неоколониалистской упаднической культуры. Один из них, некий «литератор» Тхо Ты, вкладывал в уста своих «героев» свое жизненное кредо: «Тот, кто не жульничает в этом мире, полном жуликов и негодяев, — тот сам негодяй». Само собой разумеется, эти псевдолитераторы в 1975 году бежали из Вьетнама вместе со своими хозяевами за океан. Теперь ни для кого не секрет, что их «писательское» перо полностью направлялось представителями психологических служб США. Досье многих «литераторов» старого Юга Вьетнама — агентов ЦРУ хранилось в архивах Лэнгли.

На территории президентского дворца в тени высоких деревьев стоит Дом Хо Ши Мина — великого сына вьетнамского народа. Сюда со всех уголков планеты приезжают тысячи людей, чтобы воссоздать в памяти и отдать дань одному из крупнейших деятелей рабочего и коммунистического движения, основателю Коммунистической партии Вьетнама.

Мавзолей Хо Ши Мина. Он был возведен при содействии Советского Союза в 1975 году. Он находится на легендарной площади Бадинь, на которой товарищ Хо Ши Мин 2 сентября 1945 года зачитал Декларацию независимости, возвестившую миру о рождении первого рабоче-крестьянского государства в Индокитае и Юго-Восточной Азии.

19 мая 1890 года в селении Кимлиен, что находится в провинции Нгетинь, родился товарищ Хо Ши Мин. Под его руководством 3 февраля 1930 года была создана Коммунистическая партия Вьетнама, прошедшая героический путь, мобилизовавшая народ страны на борьбу против японских милитаристов, французских колонизаторов, американских агрессоров, против сил международной реакции. «Нет ничего дороже свободы и независимости». Эти слова Хо Ши Мина хранит в своем сердце каждый гражданин братского Вьетнама.

Митинг, посвященный дню рождения Хо Ши Мина, на электростанции Тхакба.

Стройки Вьетнама. После освобождения Южного Вьетнама весной 1975 года, объединения страны и провозглашения 2 июля 1976 года Социалистической Республики Вьетнам страна прилагает большие усилия по развитию промышленности. Возводятся такие гиганты, как ГЭС Хоабинь на Черной реке мощностью почти 2 миллиона киловатт, цементный завод Бимшон, шахта Хетам. Эти и многие другие стройки ведутся при содействии СССР.

Дельта Красной реки и дельта Меконга — главные рисоводческие районы СРВ. Урожай риса в республике собирают дважды — весной и осенью. Большинство сельского населения на Севере Вьетнама входят в кооперативы. В настоящее время быстрыми темпами проходит процесс кооперирования в южной и центральной частях страны. Особое значение для сельского хозяйства Вьетнама имеет разветвленная ирригационная система. Каналы, дамбы, плотины протянулись на многие тысячи километров на вьетнамской земле.

Быстрыми темпами развивается и промышленность. Химия — одна из молодых отраслей вьетнамской экономики.

В период французской колонизации более 80 процентов населения во Вьетнаме было неграмотным. С этим мрачным наследием покончено навсегда. Школы, техникумы, профессиональные училища, институты открыты по всей стране. В Ханойском политехническом институте, построенном при помощи СССР, учатся тысячи студентов.

В каждой общине, так же, как в этой, что находится в окрестностях Хайфона, работают школы 1, 2 и 3-й ступеней.

Юность города Хошимина.

Парк имени В. И. Ленина в столице СРВ — Ханое. Сюда после трудового дня любят приходить молодые люди города на Красной реке.

Озеро Возвращенного Меча, что находится в самом центре вьетнамской столицы. Посередине его высится храм Черепахи, той самой, что вручила согласно легенде меч-победитель национальному герою Вьетнама полководцу Ле Лою, разгромившему в XV веке северных захватчиков. Панцирь этой легендарной черепахи хранится в музее, что находится в пагоде на берегу озера Возвращенного Меча.

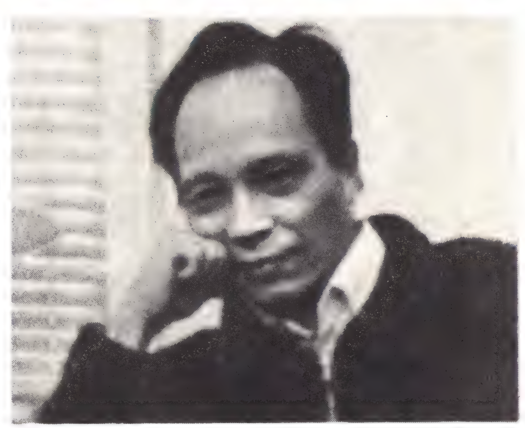

В городе Бьенхоа, в нескольких десятках километров от города Хошимина, работают знаменитые мастерские по производству керамических изделий. Здесь трудятся десятки талантливых художников, чьи произведения известны далеко за пределами Вьетнама.

Старейшина вьетнамских писателей Нгуен Туан. Эта работа принадлежит кисти художницы Тхинь из города Хошимина. Подпись под портретом гласит: «Нгуен Туан — человек и гуманист XX века».

Акварель Зиеп Минь Тяу. Старый Сайгонский порт. Именно отсюда в 1914 году отплывал в далекое заокеанское плавание Хо Ши Мин.

Писатель Нгуен Ван Бонг в редакции газеты «Известия». Это его роман «Буйвол» стал первым вьетнамским литературным произведением, переведенным на русский язык в Советском Союзе.

Бить Хоа — активистка Общества вьетнамо-советской дружбы в провинции Шонгбе. В годы отпора американской агрессии она была комиссаром в одном из партизанских отрядов.

Пагода в Вунгтау. В этом районе советские специалисты помогают братскому Вьетнаму в разведке и разработке нефтяных запасов.

Эта картина крупнейшего художника СРВ Чан Ван Кана — «Девушка, моющая голову» — вошла в сокровищницу лучших произведений вьетнамской живописи.

«Девушка-студентка». Работа художницы и скульптора Чан Тхи Хонг — выпускницы Ханойского института изобразительных искусств. ▷

Актеры традиционных театров Тео и Туонг. ▷

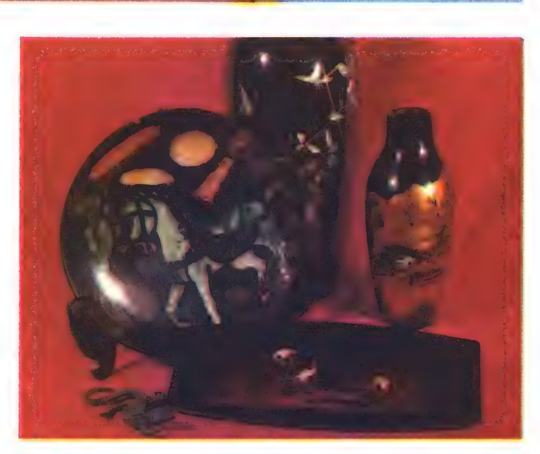

Вьетнамское искусство. Старинные фарфоровые вазы, изящные тарелки, изделия из слоновой кости, уникальная резьба по дереву, традиционный лубок из деревни Донгхо, лаковая живопись, изделия из бронзы снискали славу не только в стране, но и далеко за ее пределами. Эти произведения вьетнамских мастеров находятся не только в музеях. Их можно увидеть и в простых вьетнамских домах.

Летчики — герои Вьетнамской Народной армии. В составе экипажа космического корабля «Союз-37» был первый человек Азиатского континента — вьетнамский гражданин Фам Туан.

Электростанция Фалай, апатитовый рудник и обогатительная фабрика Лаокай, двухъярусный мост «Тханглонг» через Красную реку, проведение геологоразведочных работ и подготовка к добыче нефти и газа на континентальном шельфе юга Вьетнама — все эти и другие стройки и работы стали яркими цветами в букете советско-вьетнамской дружбы.

Делегация Общества советско-вьетнамской дружбы, приехавшая во Вьетнам на празднование 5-й годовщины Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ.

Хайфонский порт— главные морские ворота Вьетнама.

Встреча вьетнамских пионеров и ветеранов труда на борту советского теплохода «Витим».

Вьетнамская ткачиха трудится на Щекинском комбинате «Химволокно».

«Писатели» — агенты ЮСОМ (американской оперативной миссии, обосновавшейся в Сайгоне сразу же после заключения Женевских соглашений 1954 года по Индокитаю) образовали своеобразную «школу», проповедовавшую так называемую «философию отдохновения воина». Одни представители этой школы призывали южновьетнамскую молодежь «забыться в объятиях любви и вина»; другие, как, например, Тхе Уен, открыто признавали что «их удел — быть вечно желтыми наемниками». Оголтелый антикоммунизм, оправдание чудовищных убийств, садизма, наркомании, разврата — вот что насаждала «философия» той «литературной группы» в среде сайгонской молодежи. И не случайно многие представители группы оказались одновременно членами гангстерских банд, известных под названием «Черные рубашки», «Серый тигр», «Кровавая рука», «Лас-Вегас» и другие.

— Революция вымела из Вьетнама это реакционное отребье, — говорил Нгуен Ван Бонг. — Среди населения ведется большая воспитательная работа. Народной власти приходится искоренять это тяжелое наследие неоколониализма.

В 1982 году Нгуен Ван Бонг отметил свое шестидесятилетие. Он полон сил и творческих планов. Он вечно в движении, в поиске. Он всегда желанный гость Страны Советов, и каждая его новая книга — новая встреча советских людей со своим другом.

* * *

Третий известный вьетнамский прозаик — То Хоай.

В беседе со мной он как-то сказал:

— Ты знаешь, о чем я думаю? В глубокой древности в феодальном Вьетнаме короли, а затем императоры считались наместниками неба на земле. В их руках была сосредоточена вся полнота власти. И все-таки даже от тех давних времен сохранилась у нас во Вьетнаме пословица: «Государева воля отступает перед обычаями народа».

Во вьетнамских деревнях самыми высокими, издалека заметными ориентирами всегда были кроны могучих баньянов. Они возносились к небу возле деревенских ворот, на холмах или рядом с динем — общинным домом. В этих кронах, по преданию, жили

добрые духи. И каждый человек, проходя мимо, кланялся им или, став на колени, отбивал земные поклоны.

Я еще тогда не родился, но отец рассказывал мне, что в 1917 году, после победы Великой Октябрьской революции у вас, в России, в нашем Вьетнаме на зеленых вершинах баньянов взметнулись красные флаги. Они были знамением светлых перемен для всей страны и для каждого человека труда.

Эти флаги вызывали страх классов имущих. И начались облавы, выслеживание революционеров, аресты. Сколько людей, которые первыми подняли эти флаги, пали, простреленные пулями. Но на их место вставали новые борцы. Бедняки сшивали из кусочков ткани, склеивали из бумаги красные флаги и водружали их на баньянах. Багряными бликами вспыхивали алые флажки в окнах тюремных камер и бараков концлагерей. Бывало, флаги выкрашивали кровью — алой, живой, горячей кровью революционеров. И над Вьетнамом флаги продолжали развеваться. Так было и в дни Августовской революции, и в годы первой войны Сопротивления, и в годы отпора империалистической агрессии. Флаги реют над баньянами и сейчас, когда страна приступила к мирному послевоенному развитию, строительству социализма. Эти флаги водружаются в память о тех, кто отдал свою жизнь за свободу и независимость Вьетнама.

О героях своей страны пишет То Хоай — лауреат национальной премии литературы и трех международных премий, один из основателей Ассоциации литературы и искусства Вьетнама. Писатель издал более семидесяти книг: романы, повести, сборники рассказов, очерки, сатирические сказки, пьесы. Он выступает в разных литературных жанрах. То перед нами великолепный исследователь психологии людей из национальных меньшинств, то терпеливый и дотошный собиратель народных легенд и сказаний, знаток обычаев и характера жителей Ханоя и его предместий. Знают То Хоая и как блестящего автора статей о литературном мастерстве, как пропагандиста революционных традиций Вьетнама. Меня всегда поражала отточенность стиля писателя, его манера быть исключительно «разным» в каждом произведении. Разным, но всегда узнаваемым. Не ищите в этой оценке противоречия. И вот какое разъяснение этому дал

сам То Хоай еще в 1969 году в интервью с известным литератором, своим другом и учителем Нгуен Конг Хоаном (1903—1977).

«Допустим, писатель вырос идейно, его политические позиции верны и незыблемы — я преисполнен уважения к нему. Но ежели он нисколько не продвинулся вперед в овладении искусством слова, то и идеи его, и позиции утратят отчасти средства своего выражения... Я отношусь к тем людям, которые стремятся не потерять, не забыть ни единого нового слова, ни одного острого словца, оборота речи, поразившего слух».

«Писатель должен быть всегда «новым», следуя велению переменчивого времени. Я решил всегда, непрестанно обновлять свой стиль. Жизнь не повторяется никогда, и воплощение ее — в данном случае в слове — также не должно повторяться».

Я думал над этими словами, как бы перелистывая книгу жизни и творчества То Хоая. Он родился в предместье Ханоя, в деревушке Нгиадо, 16 августа 1920 года. Родители дали ребенку имя Нгуен Сен или Шен — Лотос, — конечно, и не подозревая, что почти полвека спустя их сын станет одним из первых лауреатов международной премии «Лотос», присуждаемой писателям за наибольший вклад в развитие литературы стран Азии и Африки.

Вместе с дипломом лауреата, врученным То Хоаю в 1970 году в Дели, он получил и премиальные пять тысяч фунтов стерлингов. Вьетнам сражался тогда против американских агрессоров, и писатель передал все эти средства в фонд своему народу, который дал ему жизнь и талант. Как, впрочем, и писательский псевдоним. Ведь То Хоай — это имя, составленное из первых слогов названий реки Толить и уезда Хоайдык, где лежит деревушка Нгиадо. Это селение друзья по-свойски так и величают: «Деревня То Хоая».

Мне неоднократно доводилось бывать в ханойской квартире писателя, посиживать в маленькой уютной комнате, где почетное место занимает знаменитый старинный шкаф, в котором То Хоай хранит свои рукописи. «Во время войны, — говорил писатель, — я особенно боялся за судьбу этого громоздкого шкафа. Ведь в случае прямого попадания или пожара я не смог бы вытащить его на улицу. И тогда прощайте

мои рукописи. А в них моя жизнь, моя многолетняя лаборатория».

Мне давно хотелось побывать в деревушке Нгиадо, где началась его жизнь. Он обещал свозить меня туда, но всегда что-то мешало. То военные годы, то командировки. Но То Хоай помнил о данном обещании.

«Я, видимо, начинаю уподобляться «гостеприимному» хозяину, тому самому, который зазывает к себе, но предупреждает: когда вы придете, знайте, что меня не будет дома. И чтобы, наконец, не быть таковым хозяином, давай точно определим дату и время: на Тэт — вьетнамский Новый год по лунному календарю 1978 года, вернее, на второй день Тэта, когда по нашим обычаям надлежит наносить дружеские визиты и принимать гостей. Итак, к 9 часам утра. По рукам?»

На второй день нового, 1978 года по лунному календарю, на второй день года Лошади (Тэт тогда отмечался с шестого на седьмое февраля) я прискакал на «газике», приехал вместе с Нгуен Туаном и Нгуен Ван Бонгом в деревушку Нгиадо, что примерно в 12 километрах от центра Ханоя. По дороге Нгуен Туан беспрестанно балагурил: «Вот вы задали работу То Хоаю. Небось всю ночь простоял за повара, а сейчас прихорашивается. Наверное, встретит нас в черном костюме, в белоснежной манишке и при шляпе».

...У небольшого рынка «газик» затормозил. Это уже Нгиадо. Перед входом в деревню старые каменные ворота. Над ними перевили свои ветви столетние баньяны. Листья размером в две ладони напоминали зеленые саперные лопаты, те самые, что завозили еще не так давно американцы в Южный Вьетнам. Это сравнение возникло как-то сразу, когда я увидел в Нгиадо такую лопату в руках мальчугана, разгребавшего ею кучу срубленных листьев баньяна.

У ворот нас встречал То Хоай. Несмотря на моросящий дождь, голова не покрыта. Зеленый плащ наброшен на плечи. Его окружала стайка пареньков.

Хозяин прошествовал с нами по главной, чисто подметенной деревенской улочке. Он то и дело останавливался, обменивался поклонами с жителями.

Как истинно радушный хозяин, писатель со свойственной ему манерой не считать мелочи мелочами старался меня срочно ввести во все детали и тонкости

деревенского быта и обычаев. Чтобы не прослыть невеждой и не ударить лицом в грязь перед родственниками То Хоая, я с прилежанием школьного отличника постигал таинства деревенской жизни. По достоинству оценил великолепное состояние скотного двора и курятника. Порадовался за старого буйвола, которому мальчуганы пристроили маску дракона между рогами, и, конечно, не мог не прийти в восхищение от количества овощей в огороде.

То Хоай был мной явно доволен и, видимо, поэтому преподнес плод ку нау, заметив при этом, что его соком можно быстро выкрасить мою белую рубаху в коричневый цвет. И так как несогласия с моей стороны не последовало, он милостиво объяснил, что жители Нгиадо уже не первое столетие занимались ткачеством и знают толк в красителях. А с рубахой? Это так, шутка!

Затем он сорвал длинный «ноготок», напоминающий гороховый стручок, только иссиня-черного цвета. Этими стручками бо кеть, заверил он, крестьяне к Тэту моют голову, а смешивая с коркой памплимуса, получают снадобье от выпадения волос, что полезно каждому, кто перешагнул за 30 лет.

Особенно красочного рассказа удостоились коренья плода ау, произрастающего в прудах. В заключение писатель даже прочитал стихи, написанные в старину деревенским поэтом из Нгиадо. Смысл сводился к тому, что ау — это своеобразный синоним слова «истина», «правда». Ау всегда одинаков, где бы он ни рос. Ау не обманет. Ау всегда отличишь от других плодов. Ау никогда не бывает круглым. В отличие от всех других корней у этого корня всегда три угла, без которых ему никак нельзя.

Перед домом старшего брата (То Хоай называл его Ань — старший брат. Так и я буду его впредь именовать) по местному обычаю меня ожидал подробный рассказ о том, как строилось это жилище, как вкапывались четыре столба из железного дерева — они-то и стали опорой для стен. На крыше, где перекрещиваются балки, вдоль всего дома укладывается самый прочный ствол бамбука, именуемый тхыонглыонгом. Момент его возложения приурочивается к какому-либо празднику.

— Конечно, беден простой крестьянский дом, — говорил своим тихим голосом То Хоай. — Но как бы

из поколения в поколение ни была трудна жизнь вьетнамского крестьянина, он умел оставаться великим оптимистом, каждую, даже небольшую, радость или успех превращал для себя и для других в праздник. В феврале, например, созрела фасоль — это праздник. Дети не будут голодны. В марте поспели баклажаны — это тоже праздник: можно сделать множество вкусных блюд и пригласить соседей. В апреле — вспашка земли: это праздник труда. В мае — первые ливни и посадка риса — это праздник надежды, ожидания хорошего урожая. Июнь — время вызревания чудесных плодов лонган и личжи. И разве это не праздник?

По старинному национальному обычаю мы отмечаем не только эти «домашние», но и «большие» праздники, — говорил То Хоай. — Пока я не говорю о Тэте — Новом годе по лунному календарю. Речь идет о другом празднике. Например, на третий день третьего месяца по лунному календарю, — продолжал То Хоай, — даже в самых бедных деревенских семьях едят пироги «баньчой». И при этом не следует разжигать огонь. И вот почему. Когда-то давным-давно жил добрый человек по имени Чой. Он помогал всем людям в округе. Но однажды прослышал король, что Чой выступает в защиту людей и требует сокращения налогов с крестьян. Разгневался повелитель и приказал привести к нему Чоя, а затем публично казнить.

Но народный защитник, узнав о грозящей ему смерти, скрылся в лесу. Еще больше разгневался король и повелел выжечь джунгли, где находился Чой. Так и погиб в огне народный защитник. С тех пор, как гласит легенда, крестьяне в память о Чое на третий день третьего месяца по лунному календарю делают из рисовой муки и жженого сахара пироги «баньчой» и не разжигают огонь. (На электрический свет этот обычай, конечно, не распространяется, — улыбнулся То Хоай.)

«Баньчой» по виду напоминает биллиардный шар. Пирог держат довольно долго в кастрюле с водой и едят только после того, как «баньчой» всплывает.

— Весной именно к празднику «Чой», — продолжал То Хоай, — крестьяне ханойских предместий стремятся поставить свой новый дом. Ведь легенды тоже связаны с жизнью. С третьего дня третьего ме-

сяца предстоит большой объем полевых и земляных работ, и нет времени строить жилище. Но будут еще в году передышки, будут и новые праздники, и тогда надо помочь соседу, родственникам, знакомым поднять и их ствол бамбука тхыонглыонг. И лучше всего успеть к празднику фруктов, на пятнадцатый день седьмого месяца, к празднику Чунгтху — Середины осени, на пятнадцатый день восьмого месяца по лунному календарю, к празднику урожая десятого месяца, к празднику помилования или прощения, «дарованного небом».

Этот праздник отмечается с незапамятных времен и также связан с древней легендой о двух супругах — Волопасе и Кружевнице. Они живут на двух сторонах Серебряной реки — Млечного Пути — и воссоединяются лишь один раз в год, в день Зам тханг бай — пятнадцатого числа седьмого месяца по лунному календарю. В этот день в старину даже короли объявляли о помиловании. В честь такого праздника как не построить дом сыну, внуку, племяннику, соседу или даже, наконец, себе самому? — рассмеялся То Хоай. — Но если у меня до строительства нового дома не доходят руки, то почему же не порадоваться за других!

Крестьяне, возложив бамбуковый ствол, устраивают праздничное застолье. Соседский дом считается заложенным. Под стволом бамбука укреплялась «на веки вечные» пальмовая ветвь, которую в зависимости от поэтического настроя жителей называют тхиен туэ — сто тысяч лет, или ван туэ — десять тысяч лет. То Хоай считает жителей своей деревни людьми рациональными и разумными, и посему они согласны на название ветви ван туэ — пусть дом простоит хотя бы десять тысяч лет.

В доме Аня, впрочем, как и в любом другом вьетнамском деревенском доме, — алтарь доброму духу этого участка земли. На алтаре курились благовонные палочки. Во дворе маленький фруктовый сад, кусты алых роз, арековая пальма, бетель — символы верности и любви. Рядом небольшой пруд, подернутый зеленовато-желтой ряской.

— В таких домах в этой деревне и набирался своей доброты наш друг То Хоай, — заметил Нгуен Туан, усаживаясь за праздничный стол. — Вот здесь он, наверное, задумал своего знаменитого «кузнечика Ме-

на», который теперь путешествует по всем континентам.

Я вытащил из походной сумки увесистый голубоватый том, вышедший в Москве в серии «Мастера современной прозы». В книге глава «Сказки» открывалась знаменитым произведением То Хоая «Жизнь, приключения и подвиги славного кузнечика Мена, описанные им самим». Я протянул эту книгу Аню.

Но чтобы в возрасте 20 лет суметь создать «кузнечика Мена», сотворить целый мир забавных зверюшек, надо было иметь талант и знать темперамент, характер, быт мальчишек из ханойских предместий. Вспоминая о своем детстве, писатель с благоговением говорит о родителях, отце, по профессии ткаче-кустаре. На медные монеты родители определили маленького Лотоса в школу, в которой, как признавал сам писатель, к грусти стариков, не был самым примерным учеником, но зато проникся любовью к книгам. И недаром по окончании школы первой ступени односельчане-ткачи уважительно величали «грамотеем» маленького Лотоса, чей вес едва перевалил за сорок килограммов.

— Впрочем, собственному малому весу, — сейчас улыбнулся То Хоай, — я многим обязан. В конце 30-х годов где только не пытался найти работу, вплоть до обувного магазина. Повсюду постигали неудачи. Однажды решил завербоваться в качестве неквалифицированного рабочего и отбыть в метрополию, во Францию. Но и на этом поприще ожидало фиаско. «Чиновный господин доктор» счел меня дистрофиком. Так сорококилограммовый вес спас меня от поднятия тяжестей и в определенной мере толкнул к поднятию кип исписанной бумаги.

То Хоай начал усиленно писать для различных газет. Лишь немногие из репортажей и стихотворений увидели тогда свет. Но это не обескураживало будущего писателя. И вот в 1941-м он завершил аллегорическую повесть-сказку «Жизнь, приключения и подвиги славного кузнечика Мена».

— Повесть-сказка была напечатана в трудные годы начала второй мировой войны, — вспоминал То Хоай. — Колониальная цензура сделала немалые купюры, узрев в условном сказочном мире «кузнечика Мена» признаки беспощадной сатиры, мысли о переустройстве общества, пусть еще нечетко оформив-

шиеся, но навеянные революционными идеями, надежду на утверждение принципов справедливости и мира.

После издания повести-сказки То Хоая «заметили» не только в читательских кругах, но и некоторые ловкие книжные дельцы. Используя тяжелое материальное положение молодого литератора, они пытались превратить его в «поденщика пера».

«Живешь пером — живи по заказу. Тогда будешь напечатан». Но этот буржуазный принцип вызывал решительный протест То Хоая, чьи мысли и действия уже были отданы обществу социальной справедливости. И поэтому о годах своего творчества, предшествовавших Августовской революции, он с полной искренностью и ответственностью напишет: «...Я стремился сохранить в своей душе свет идеалов, которым я следовал. Мне приходилось идти по вязкой трясине, случалось, у меня кружилась голова, темнело в глазах, но я не впадал в упадничество, не унижался до приспособленчества». Не об этом ли говорят его рассказы тех лет: «Малолетние супруги», «Сборщик долгов», «Месяц, который не умел разговаривать»...

Во время оккупации Индокитая японскими милитаристами сколько раз То Хоай рисковал жизнью. Он сотрудничал в нелегальной печати патриотического фронта Вьетминь, доставлял листовки, газеты в различные районы дельты Красной реки. В 1944 году он был арестован, закован в кандалы и подвергнут допросам в охранке города Намдинь. За неимением прямых улик писателя отпустили, пригрозив, что при следующем аресте он будет расстрелян.

— Но разве можно было прекратить борьбу! — говорил То Хоай. — Я видел на рынках, на улицах, на дорогах изможденных людей, тела умерших рядом с харчевнями, в которых пировали японские оккупанты. Ночами пьяная солдатня разгуливала по улицам, стуча каблуками. Она горланила песни и гремела саблями...

Итак, писатель То Хоай бесповоротно избрал свой путь. В 1943-м писатель стал членом нелегальной Ассоциации «За спасение Родины», входившей в патриотический фронт Вьетминь и находившейся под руководством Коммунистической партии Индокитая. С тех пор вся жизнь То Хоая связана с революционной борьбой вьетнамского народа.

Победа Августовской революции. Но проходит всего несколько месяцев, и французские колонизаторы начинают военные действия на юге молодой республики. То Хоай получает журналистскую командировку и едет на фронт, туда, где вспыхнул огонь войны Сопротивления. Творческим отчетом, первым вкладом в будущую победу стала его книга очерков «В Южном Чунгбо». Писатель вернулся в Ханой, в редакцию газеты «Кыукуок» («За спасение Родины»), что находилась в городе «Тридцати шести улиц», в Барабанном ряду. Там в грозном 1946 году, накануне всеобщей войны Сопротивления, он был принят в Коммунистическую партию.

В декабре 1946-го писатель-коммунист вместе с последними бойцами Столичного полка покидал баррикады на Шелковой улице, чтобы уйти в джунгли и сражаться. В освобожденных районах собрались лучшие представители вьетнамской творческой интеллигенции, друзья То Хоая — писатель Нгуен Туан, Нам Као, Нгуен Динь Тхи — нынешний генеральный секретарь Союза писателей Вьетнама, художники, артисты. Вместе с Нам Као, с которым То Хоая связывала еще юношеская дружба, писатель отправлялся в дальние поездки. Фронт был повсюду. И повсюду нужно было партийное газетное слово.

Валила с ног малярия. Чтобы добраться до редакции, приходилось прорываться через засады карателей, но газета «Кыукуок» выходила номер за номером. В 1951-м товарища Нам Као не стало: он был схвачен колониальной охранкой и расстрелян. Трудно передать боль утраты друга. «Теперь надо работать за двоих», — говорил То Хоай. И он работал, писал о боевых буднях, о том, как закладывались народной властью и набирали силу ростки новой жизни. За проявленное мужество и огромный труд фронтового корреспондента То Хоай был удостоен высшей военной награды — ордена Сопротивления I степени.

...Труд фронтового журналиста. Теперь, более тридцати лет спустя, То Хоай нечасто рассказывает о том, как вместе с Нам Као не раз зарывались в землю, попав под артобстрел, как в непосредственной близости от врага печатали подпольные газеты и листовки, как хоронили боевых друзей. Но зато, когда он приходил ко мне и видел на столе разостланную карту, по которой намечался маршрут поездки во вьет-

намскую глубинку, веселым светом молодости загорались его глаза.

— О, северо-запад Вьетнама! Его надо полюбить! Эти хижины на сваях. Бамбуковые мостики через ущелья, на дне которых грохочут ручьи. Эти низвергающиеся водопады и неожиданные контуры гор. Головокружительная высота перевалов, откуда даже вековые деревья выглядят карликовыми. Здесь даже легкий ветерок хочется сравнить с шелестом старинного пергамента. У каждого селения — свой музыкальный слух и свои голоса, а джунгли наполнены многоголосой болтовней птиц и цикад. Едва умолкают одни, как в беспрерывный хор вступают другие.

...Когда преодолеешь перевал, тебя наполняет чувство одержанной победы. Старые горцы говорят: чем больше тебе лет, тем чаще поднимайся на перевал. Тем самым ты продлишь себе жизнь...

Я слушал То Хоая и понимал, что так говорить о северо-западе Вьетнама может только человек, долго проживший в этих далеких уголках страны. Впрочем, для меня, как и для многих других читателей его цикла «Повестей о северо-западе Вьетнама», за который еще в 1955 году То Хоай был удостоен премии Литературы, его «Западного края» (1965), — не секрет, что еще в годы войны Сопротивления с колонизаторами он трижды прошел через весь горный северо-запад республики. Он выучил язык народностей тхай и мео, собирал их фольклорные песни, предания, сказки, современные устные рассказы.

До То Хоая было немало написано о национальных меньшинствах вьетнамского северо-запада, в частности, французскими литераторами, которых в первую очередь тянула экзотика, первозданность этого края. Здесь их ожидала охота на диковинных животных, «любование» всякого рода шаманами и заклинателями, скупка старинных изделий из редких металлов, столь ценных в метрополии.

Совсем с иной целью пришел в горы северо-запада То Хоай. Через перевалы он перебирался вместе с бойцами народной армии, помогал горцам строить новую жизнь, накапливал материал для повестей, которые служили бы всему вьетнамскому народу, показывали, что только путь свободы, равенства, поднятия культуры необходим национальным меньшинствам и племенам. Эти народности находились до революции,

пожалуй, на самой низкой ступени общественного развития, и перестройка всего уклада их жизни, формирование нового человека, нового мировоззрения протекали в исключительно сложных условиях, требовали большой государственной гибкости и мудрости.

В начале романа «Западный край» описывается дореволюционная ярмарка в горном селении Финша. Такие ярмарки-рынки или им подобные существовали во всех районах Вьетнама. За соль — продукт роскоши в этих краях — заезжие купцы вымогали то, что было действительно роскошью. А что доставалось простому горцу? «Иной из стариков ходит на ярмарку всякий год, но так за всю свою жизнь не отведал и крупицы соли». Лишь одной этой фразой сумел То Хоай точно показать огромную проблему северо-запада до революции: «соляной голод» и грабеж местного населения купцами и колонизаторами. Остроту этой проблемы прочувствовал не только горец, но и житель дельты, морского побережья Вьетнама. Ведь по всей территории страны колонизаторы, помещики, феодалы, купцы наживались на бесправии, разобщенности, слабости маленького человека; они навязывали ему свою волю, свои законы, свои цены и условия, грабили и унижали его. Эти маленькие люди жили «как мыши, как косули, скрывающиеся от охотника». Августовская революция внесла коренной переворот в их существование.

То Хоай завершает роман также описанием ярмарки в Финша уже при народной власти. Здесь царит атмосфера дружелюбия, всенародного праздника. «Поколение двадцатилетних, повинуясь велению сердца, шагнуло во все концы страны. И если наши девушки и парни узнают, — писал То Хоай, — ценой каких усилий и жертв народ отстоял и преобразил горные склоны Финша или устье Хуоика, неприметную деревушку Наданг и речку Намма, если молодежь поймет, как преданы новому строю люди мео и са, зао, хани и лоло... она сочтет свой труд во имя будущего этого горного края делом чести».

Писатель предвидит перспективы мира, труда в Финша, как и во всей стране. И не случайно последние слова романа наполнены оптимизмом: «А весенний лес затопил горы робкой еще зеленью. Близился срок, когда надо высаживать рис на поля, и над зем-

лею, над расселинами скал поднимался терпкий сладостный дух».

...Старший брат То Хоая разложил по тарелкам пироги. Его внучки, находившиеся за спиной у гостей, расставили пиалы с рисом, разлили суп из петушиных потрошков и бульон кань. Словно по мановению магической палочки, веером расставились блюда с блинчиками — нэм зан, с лапшой и свиным мясом — миен сао...

Затем подняли тост, пожелав дому хозяина, селению Нгиадо и всем его жителям ван туэ десяти тысяч лет жизни.

...Празднество завершалось. Нас угощали пирогами баньтынг и баньзэй. И, как водится в деревне знаменитого сказочника, самому юному из присутствовавших здесь внучат было предложено поведать собравшимся древнюю легенду об этих пирогах, заботливо укрытых свежими банановыми листьями. Малыш не заставил себя упрашивать. Он взобрался на табурет и под одобряющие возгласы гостей начал рассказ:

— Было у короля Хунга VI двадцать два сына. Но кому из них оставить престол? Мудрый дракон посоветовал Хунгу VI отправить сыновей в дальние страны. И тот, кто привезет рецепт самого вкусного кушанья, станет наследником.

Итак, принцы отправились в путь. Только Ланг — самый младший из сыновей — остался дома. Он не надеялся на успех. Где ему, малышу, тягаться в силе и опыте со старшими братьями.

Но однажды во сне он увидел старца, который и порекомендовал ему, как лучше выполнить задание отца: возьми клейкого риса, сделай из него круглую лепешку баньзэй, отвари ее. Затем приготовь из риса четырехугольный пирог баньтынг. Круглая лепешка означает благодарность Небу, а четырехугольная — Земле (в древние времена вьетнамцы считали, что небо имеет круглую форму, а земля — квадратную. — *М. И.).*

И Ланг последовал совету старца. Наконец наступил долгожданный день смотра талантов двадцати двух принцев. Во дворце появились самые изысканные блюда. Но лучшим из них старый король признал пироги баньтынг и баньзэй. С тех пор на Тэт наши родители и готовят эти лепешки и пироги.

Малыш соскочил с табурета, радостно уткнулся в колени сидевшего рядом Нгуен Туана.

— Что же! Опустим голову как можно ниже. — Нгуен Туан заметил мой недоумевающий взгляд и объяснил: — Так принято у нас говорить. В детях воплощение чистоты. Склоняясь к ним — возвышаешься сам.

Но где же сам То Хоай? Писателя в доме не было.

— Не беспокойтесь, — успокоил нас Анъ. — Вы ведь его знаете. Он должен обязательно пройти по улицам деревни, заглянуть буквально в каждый дом, поздравить людей с Новым годом, узнать об их жизни, успехах, справиться о нуждах, какую и кому необходимо оказать помощь. Такой уж это человек...

— Да. Он умеет думать обо всех людях, — заметил Нгуен Ван Бонг. — Он такой же и в Ханое. (То Хоай депутат Национального собрания СРВ, столичного народного Совета, был председателем народного комитета в своем квартале.) Вот так же заходит к людям в дома или принимает посетителей у себя. Угостит чаем, внимательно выслушает и даст добрый совет.

— Но послушай, Бонг! Какие же мы будем писатели, если не сможем понять мысли и чувства людей! — В дверях стоял То Хоай. — Какие же мы без этого писатели? Конечно, постоянные встречи с людьми требуют немало времени, но зато какая отдача! Мы знаем доподлинно, чем и как живут люди; мы всегда в курсе событий. И стараемся взаимно помогать друг другу. Это и есть коллективизм. В этом характерная черта нашего социалистического общества, в этом — достижение и завоевание нашей революции!

Я вспоминаю великолепный рассказ «Улица», в котором проявилось его глубокое понимание не только людей из предместий, но и великолепное знание своего города, его улиц, рабочих кварталов.

Так берегите свою улицу, призывает писатель. Но главное — берегите ее людей.

Вот почему проза То Хоая всегда остается одинаково хорошо услышанной тысячами почитателей его таланта. И будто прикасаешься к силе его слова, за которую он благодарен «безымянным и бесчисленным учителям», всем тем, с кем он общается ежедневно, от кого он услышал запавшие ему в душу слова...

...В доме Аня стоит старый самодельный письменный стол. За ним уже многие годы, облачаясь в темно-коричневую крестьянскую одежду, во время отпуска работает То Хоай. Нгуен Туан заметил, что за этим столом писатель завершил роман «Десятилетие», писал главы «Затерянного острова» и «Чужбины». Да только ли этих романов?

— Но почему вы говорите об этом столе в моем доме? — заметил Ань. — В Нгиадо для То Хоая в каждом доме найдется место для работы. Но чаще всего вы увидите его сидящим на корточках, привалившись к баньяну. Он заносит свои записи в тетради, похожие на ученические, и в блокноты. Для него творчество — и труд, и отдых, и удовлетворение. А по вечерам он засиживается с детворой. Вряд ли кто лучше, чем он, понимает этот особенный, исключительно веселый, искренний и преданный мир.

...Пришло время и откланиваться. Мы вновь обошли ставшую нам близкой деревню Нгиадо, поблагодарив каждого из знакомых нам теперь людей. Добрались до большого луга. У деревенских ворот малыш собирал опавшие листья.

То Хоай уезжал вместе с нами из Нгиадо. У него было еще немало дел на его ханойской улице. Теперь и ему, приняв гостей у себя дома, предстояло нанести визиты, положенные в честь праздника Тэт.

* * *

Как на Севере, так и на Юге Вьетнама нет более радостного, веселого и красочного праздника, чем Тэт. В зависимости от фаз луны он выпадает на конец января — начало февраля, и каждому году 12-летнего лунного цикла присваивается название мифического существа, животного, пресмыкающегося или птицы. Так, 1973 год — год подписания Парижского соглашения о прекращении войны во Вьетнаме, был годом Буйвола. 1975 год — годом Кошки. В народе сложилась тогда новогодняя юмореска: сайгонский диктатор-марионетка Нгуен Ван Тхиеу родился в год Мыши. В 1975 году — в год Кошки — Кошка уничтожила Мышь: патриоты разгромили марионеточный режим и освободили Юг Вьетнама. 1982 год был годом Собаки; 1983 стал годом Кабана или Свиньи, годом благополучия, радости. 1984-й — годом Мыши.

1976 год — год объединения Вьетнама был годом Дракона.

1977 год проходил под знаком Змеи. А 1978-й, который мы отмечали вместе с То Хоаем, носил, как уже говорилось, название Лошади.

В какой бы год по лунному календарю ни вступал Вьетнам, красочно выглядят все города и селения республики. В гирляндах разноцветных лампочек улицы Ханоя и Хайфона, Хонгая и Намдиня, Нячанга, Дананга, города Хошимина. Традиционных бумажных и картонных драконов проносят люди по улицам и паркам. Праздничные фейерверки взрывают ночное небо. В каждом вьетнамском доме стоят в вазах небольшие персиковые деревца, покрытые нежно-розовыми и лиловыми цветами. Персиковые и мандариновые деревца с маленькими оранжевыми плодами заменяют вьетнамцам наши новогодние елки. Но эти деревца еще и символы мира, благополучия, счастья. Старые люди нередко говорят: если в доме стоит маленькая веточка дао — персикового дерева, то зло не должно переступить порог.

В ночь перед Тэтом считается самым почетным пройти по улицам города с человеком, прожившим более 70 лет. А в первый или второй день нового года полагается самому отправиться на «поиски счастья» — найти утренний цветок с капельками росы на лепестках, сорвать веточку цветущего персикового дерева и, конечно, наделить подарками друзей. И тогда, как считают вьетнамцы, новый год должен принести вам счастье...

За неделю до Тэта, как правило, с субботы на улице Ханглыок — улице Расчесочников — открывается традиционный цветочный рынок. Писатели всегда покупают здесь веточки цветущего персика. Их привозят крестьяне из деревушки Няттан, расположенной за Западным озером. В старину говорили, что людям искусства на Тэт подобает покупать персиковые ветки, привезенные в столицу только из этой деревни.

Иной вкус у молодых художниц. Они отдают предпочтение мандариновому деревцу, усыпанному ярко-оранжевыми плодами, и нежно-белым орхидеям.

Там же, на рынке Ханглыок, все покупают под сводами небольшой пагоды лубочные картины с традиционными парными изречениями и различными изображениями Свиньи, которые делают кустари из

деревушки Донгхо. Считают, что эти картины приносят радость в дом.

В военные годы на праздничном столе вьетнамцев, случалось, не бывало традиционных угощений. Но зато всегда были ветки персика, а на стене красовались лубочные картины из деревни Донгхо. И это уже создавало людям теплое праздничное настроение.

До позднего вечера можно бродить по многолюдному цветочному базару Ханглыок. Мигающие красно-синие лампочки освещают улицу, прилавки с пирогами баньтынг и баньзэй, вьетнамскими лакомствами, терпко-сладкими фруктами. Здесь продают и красочные фонари. Их делают из кусков ткани или бумаги, как и в старину, выкрашивая в красные, желтые и голубые тона. На этих квадратных или шестигранных фонарях сверкают нанесенные золотистой краской звезды, серп и молот.

Нелегко выбраться из района рынка цветов. Проезд автомобилей во время Тэта запрещен. Да и вряд ли кто в Ханое отдал бы предпочтение современным видам транспорта и упустил бы счастливую возможность побывать в гуще предновогодней суеты. То и дело мы останавливались у аквариумов с разноперыми рыбками, присаживались на корточки и рассматривали рисунки самодеятельных художников. На листах тонкой бумаги изображены традиционные петушиные бои.

Во время Тэта разгораются настоящие петушиные бои на территории древнего Храма литературы. Здесь же, на Ханглыоке, пожилые люди любезно предлагали нам длинные бамбуковые шесты. Зачем? Их следует «посадить» перед входом в дом, и тем самым вы закроете дорогу злым духам.

Пожалуй, во Вьетнаме и сама природа готовится к Тэту — чудесному празднику весны. Если в Ханое берега Красной реки и озер покрылись нежно-розовым персиковым цветом, то в городе Хошимине властвует белый цвет, заливающий абрикосовые деревья. После Тэта над Вьетнамом разливает свои краски весна...

Суан Зиеу (Нго Суан Зиеу родился 2 февраля 1917 года в провинции Нгетинь) — один из крупнейших вьетнамских поэтов старшего поколения. Он из той плеяды литераторов, о которых говорят: «В одно прекрасное утро проснулся известным». Поэтическое счастье рано улыбнулось Суан Зиеу. Уже первый сбор-

ник «Поэзия поэзии» (иногда эту книгу называют «Стихи»), вышедший в 1938 году, принес ему широкую известность. В последние десятилетия многие годы он посвятил работе над переводами поэмы В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Приезжая в Советский Союз, он неизменно посещал ленинские места. Мы бродили с ним как-то по аллеям в Горках Ленинских, и мне вспомнились его стихотворение «Шалаш Ильича» и одна из статей, написанная в канун XXVI съезда КПСС:

«Для вьетнамского народа имя Ленина, родина Ленина — это алое знамя, победно развевающееся на высокой мачте исполинского корабля социализма, это свет и созидание, это сила, движущая историю».

Суан Зиеу вспоминал рассказ Хо Ши Мина о том, как впервые великий вьетнамский революционер прочитал на французском языке ленинские «Тезисы по национальному и колониальному вопросам». «Тезисы» Ленина, — говорил Хо Ши Мин, — взволновали меня, окрылили, озарили, наполнили неизбывной верой. Радость вызвала у меня слезы. Сидя один в своей комнате, я вдруг заговорил, возвысив голос, словно обращаясь к многотысячным массам: «Слушайте, униженные и страждущие соотечественники! Вот то, что нам необходимо; вот он, путь нашего освобождения».

Президент Хо Ши Мин называл ленинизм «солнцем, озарившим наш путь к окончательной победе», и подчеркивал, что влияние Октябрьской революции и В. И. Ленина было для вьетнамских революционеров «подобно воде и пище для изможденного жаждой и голодом путника». Хо Ши Мин в течение всей своей жизни претворял учение Ленина в жизнь, он внес огромный вклад в национально-освободительное движение народов, в развитие вьетнамской революции и ее торжество. И когда вьетнамский народ чтит память Хо Ши Мина, он чтит также память великого вождя международного пролетариата Владимира Ильича Ленина.

В саду за резиденцией президента стоит маленький домик. Там жил Хо Ши Мин. На стене — фотография Ильича.

И вдруг в воображении моем
Возник просторный светлый дом,
Увенчанный полощущимся алым стягом,
И Ленин в нем, шагающий стремительно.

Весь мир он озарял
Великой мысли светом... —

прочитал стихи Суан Зиеу, а затем добавил:

— И этот дом Ленина — вся Советская страна.

А вот другая статья Суан Зиеу, оригинал которой я обнаружил в своем архиве. Она была посвящена 1 Мая — празднику Международной солидарности трудящихся. В ней, в частности, он писал:

«Блестящие достижения родины Великого Октября стали опорой для всех народов, борющихся за национальное и социальное освобождение. И я, поэт, пишу мои строки под глубоким впечатлением от свершений советских пятилеток во всех областях экономики, науки и культуры...

Советский Союз и КПСС, — продолжал Суан Зиеу, — дали молодость земному шару, ибо коммунизм — это вечная юность мира, это возрождение, это самое прекрасное вдохновение для интеллигенции, художников, писателей, поэтов...

Советский Союз открыл новую эпоху для всех людей труда, для всех, познавших человеческую теплоту.

Когда-то Бодлер воскликнул: «О, горькая боль! Время съедает жизнь!» С точки зрения старого мира, время приносило разрушения, ассоциировалось со старостью, Акрополем и целыми городами, превращенными в руины. Ныне же, в эпоху строительства коммунизма, мы видим собственными глазами на примере Советского Союза, что время — это покорение космоса, это полет творческой мысли, время — это созидание, возведение новых ГЭС, строительство новых городов, социальный прогресс; время — это вечная весна. Время в Стране Советов и других социалистических государствах создает новое каждый час, каждый день.

Я словно живу воспоминаниями о моих поездках в СССР. Я помню нежные цветы грушевых садов в молдавском колхозе имени Кирова. Я говорю «здравствуйте» соснам на морских берегах Латвии, которые называю соснами Яна Райниса, помня о его прекрасных поэмах.

Недавно я перечитал «Живые и мертвые» К. Симонова. И еще раз ощутил величие советской литературы, которая стала частью огромного, беспримерного подвига советского народа в защите социалистических завоеваний, в героическом труде».

Суан Зиеу достал из кармана куртки небольшую книжку и нежно положил ее на стол.

— «Два крыла моего Вьетнама». 72 поэмы... — и добавил: — На этот раз более половины поэм... о любви. Время войны позади...

...Поэт любви. Так назвали Суан Зиеу еще в 30-х годах. Пожалуй, не было ни тогда, ни сейчас ни одной школьницы во Вьетнаме, которая бы не носила в портфеле сборника стихов Суан Зиеу или не переписала любимые строки в свою тетрадь-дневник.

Нелегким было детство Нго Суан Зиеу. И вот в конце 30-х годов 20-летний Суан Зиеу уже признанный во Вьетнаме поэт, один из самых талантливых представителей школы «Новой поэзии».

Суан Зиеу помнит и любит стихотворения своих юных лет.

Я бы солнечный луч погасил, если б мог,
Чтобы краски не блекли, не меркли закаты,
Если б мог, я поймал бы в силки ветерок,
Чтоб крылатый не смел уносить ароматы.

Несмотря на то, что известность пришла быстро, жизнь не обещала быть легкой. В годы второй мировой войны поэту пришлось перепробовать множество профессий, вплоть до таможенного чиновника в Кантхо. Он считал своим долгом поставить на ноги младших сестер, посылал деньги Хюи Кану, чтобы верный друг детства смог закончить учебу. И, конечно, он писал и писал стихи. Он начинал переосмысливать окружающую действительность, все глубже проникаясь идеями освобождения народа и обновления мира. И поэтому победившая Августовская революция наполнила «паруса его поэзии мощным ветром и направила корабль его чувств и мыслей вместе с народом по пути великих свершений». Так скажет мне почти сорок лет спустя Суан Зиеу, когда мы встретимся вновь в канун Тэта 1984 года в его доме на улице Дьенбьенфу. Впрочем, «в его доме» — это не совсем точно сказано. Здесь живет и вся семья Хюи Кана, его жена, дети. Младшего сына Хюи Кана — племянника Суан Зиеу зовут Ха Ву. Он родился в день, когда впервые советский гражданин Юрий Гагарин поднялся в космос. И два поэта дали первенцу Хюи Кана и сестры Суан Зиеу, доктора института традиционной медицины, имя, состоящее из двух слогов: Ха — Ха-

ной и Ву — космос. Так и вышел в жизнь малыш Ха Ву — Ханойский Космос. Теперь он вырос и надеется стать летчиком, а потом, возможно, и космонавтом.

...У них всегда все вместе в этом доме. И нет ничего более прекрасного, чем эта верность сердец, верность единого дома.

...Итак, революция наполнила мощным ветром «паруса поэтического корабля» Суан Зиеу: уже в 1945-м выходит его книга «Национальный флаг», в 1946-м — поэма «Совет рек и гор». В этой работе, сохраняя романтический строй чувств, он провел историческое сравнение: первое Национальное собрание первого в Юго-Восточной Азии государства рабочих и крестьян он уподобил всенародному вечу, созванному в 1285 году и сыгравшему важнейшую роль в период борьбы против иноземных захватчиков. Поэтическое сравнение «через века» может показаться спорным, но поэма совпала по времени с началом войны, развязанной колонизаторами, и служила призывом к решительному сопротивлению, к всенародному подъему на борьбу.

Долгие годы войны. Поэт отдает народу все силы, сражается с врагом своим пером, своими стихами, издает в освобожденных районах книги «Под золотой звездой», «Свет» и «Мать и дитя». Его герои — это бойцы народной армии, идущие по дорогам войны, это партизаны, не дающие покоя врагу в сельской местности, это крестьяне и рабочие, весь борющийся народ, давший клятву отстоять и освободить родину. Из колыбели революции — Вьетбака, из освобожденных районов Севера Суан Зиеу возвращался в Ханой. «Мы восемь долгих лет не видели Ханоя, Идем к нему, но навсегда, Вьетбак, останемся с тобою», — писал в те дни Суан Зиеу.

Однако по вине империалистов страна была расколота по 17-й параллели на две части — Север и Юг. И боль снова звучала в стихах поэта:

Распилены массивы гор,
Их склоны в рваных ранах ям,
В агонии лежат поля,
Разрубленные пополам.

Суан Зиеу, как и все истинные патриоты Вьетнама, верил, что день воссоединения родины придет. Но во имя этого предстояла долгая и трудная борьба.

Мы за стежком кладем стежок,
Поскольку мы игла и нить,
Сшиваем жизнь по лоскутку,
Чтоб времена соединить.

Тема Юга в творчестве поэта стала одной из самых главных в период с 1956 по 1964 год. Он много лет в прошлом прожил в южной части страны, ему близки ее природа, ее люди. Он любит их. Он верен им. Эта верность, любовь и боевой дух Суана Зиеу нашли отражение в его трех книгах: «Личное и общее», «Мыс Камау, взявшись за руки», «Красный сгусток в сердце».

1964 год. Военный пожар вновь взметнулся над Северным Вьетнамом. Вся страна надела военную форму. Плечом к плечу встали матери и отцы, братья и сестры. В те военные годы мы встречались с Суан Зиеу после почти каждой его командировки на фронт. Варварским налетам подвергались практически все города и селения страны. (Я не стану приводить данные о количестве разрушений и жертв, причиненных Вьетнаму американскими агрессорами. Они общеизвестны. Приведу лишь одну: 168 килограммов смертоносного металла обрушили интервенты на каждого вьетнамца!) Но фронтом у нас, журналистов, было принято называть районы «четвертой зоны», то есть южнее 20-й параллели (от провинции Тханьхоа до Виньлиня), где бомбился с воздуха или простреливался с моря каждый километр земли, все переправы и горные перевалы.

Однажды в 1967-м Суан Зиеу вернулся из поездки в район города Винь особенно взволнованным. Мы просидели тогда на корпункте до позднего вечера. Перед самым уходом он мне сказал:

— Мир можно видеть в разном цвете: голубой — это любовь, радость, счастье. Черный — это ненависть, гнев. Я столько лет писал, видя мир голубым. Ты помнишь эти строки?

Раскрыты крылья наших душ во весь размах.
Надул их ветер, но они летят и сами.
О лучшем хочется мечтать, парить в мечтах
Так высоко, как можно плыть под небесами.

Я помнил эти стихи. Я знал что он всем желает только самого доброго, счастливого, радостного. Но сейчас я видел его суровым, решительным, даже

яростным. И я понял, что речь пойдет о чем-то более серьезном. И не ошибся.

— Теперь, когда враг посягает на нашу землю, — продолжал поэт, — я вижу заокеанских пришельцев в самом черном цвете.

Из поездок он вынес такие стихи:

Каждую пядь я запомнил, помню почти уже год
месяцы давних бомбежек, месяцы долгих невзгод.
Люди ложились в лощину и в придорожный кювет,
над переправами в небе вспыхивал яростный свет.
Вихрями шли самолеты, небо тонуло в пыли,
пули свистели, а в лодках женщины стоя гребли.

Эти стихи выражали справедливый патриотический настрой, боль и чаяния всего народа. Но был и особый момент, скажем, личного порядка. Оказывается, Суан Зиеу работал на горе Куэт, рядом с Виньской электростанцией, где собирал материал для газетного очерка. (Все поэты и писатели Вьетнама в военные годы работали и как журналисты.) Неожиданно начался налет. Комсомолец-зенитчик прикрыл его своей грудью и был тяжело ранен. Он спас жизнь поэту. Когда Суан Зиеу пришел в госпиталь навестить бойца, то юноша, перенесший тяжелую операцию, сказал: «Я закрыл вас грудью и сделал бы это еще много раз. До тех пор, пока жив. Ваши стихи мощнее тысяч зениток. Они не только стреляют по врагу, они воспевают жизнь, вселяют веру в победу. Они для нас вместили и зернышко риса, что принесет крестьянский урожай, и снаряд, выпущенный по американскому самолету, и горечь утрат, и радость встреч с родным домом. Так бейте сильнее врага своими стихами. И за меня... тоже».

На следующее утро юноша скончался.

Плоть я от плоти твоей, мой терпеливый народ,
Кровь наша разом струится, разом струится наш пот.

* * *

Как поэт, писатель, журналист Суан Зиеу с гневом обличает империализм, международный терроризм, геноцид, варварские преступления милитаристов на нашей планете. Я помню, когда Вашингтон поднял шумную клеветническую кампанию против

Советского Союза и Вьетнама, обвиняя наши страны в том, что они якобы применяют отравляющие газы в Афганистане и Кампучии, вдруг пришло письмо. Прислал его мне Суан Зиеу. Он, оказывается, был в это время в Париже, услышал об этой лживой кампании и написал письмо между лекциями о вьетнамской литературе, которые читал в Сорбонне. «Империалисты нас пытаются ложно обвинять в том, в чем повинны они сами, — писал Суан Зиеу. — Ведь это мы, вьетнамцы, наша земля, леса, поля страдали от американского химического оружия. И теперь обвиняют нас. Ложь и позор! Я прочитал французским студентам стихи, написанные еще во время войны. Они обвиняют именно империализм США за применение химического оружия. И надеюсь, мои строки оставили след в умах французской молодежи. Я не искал верленовской рифмы, я излагал смысл:

Враг чужеземный! — Он губит леса, и деревья золою
становятся серой!
Враг чужеземный решил все леса уничтожить дотла,
Газом теперь отравляет страну, заражает смертельной
чумой и холерой.
...Тело сжигает губительный яд,
Гибнут стволы-великаны.
Чернеет в земле полусгнивший батат,
Гнутся к земле, погибают бананы.

Поэт-патриот, поэт-интернационалист, Суан Зиеу ведет большую переводческую работу. Он дарил вьетнамскому читателю шекспировские сонеты, главы из «Евгения Онегина» и, конечно, переводы стихов многих советских поэтов. Подготовил к печати сборник «Стихи всего мира сражаются вместе с Вьетнамом». Но и его стихи сражаются за счастье не только Вьетнама, но и других народов.

«Поэт не может оставаться равнодушным, когда и над чужим домом нависает беда, когда зло и насилие вершат свое черное дело», — говорил Суан Зиеу. Он писал гневные стихи, обвиняя империализм, когда разыгрывалась чилийская трагедия, когда юаровские войска вторглись в Анголу, когда израильская военщина бесчинствовала в Ливане, чинила варварские расправы в Сабре и Шатиле, когда американская военщина вторглась в Гренаду.

После парижского письма наша встреча с Суан Зиеу произошла весьма неожиданно в Москве. Он был

пролетом всего на одну ночь. Он много говорил о Париже, где не был уже почти тридцать лет, рассказывал, как живут старые друзья по Ханою, затем перешел к разговору о своих лекциях.

— Я провел целый цикл выступлений, — говорил Суан Зиеу, — и понял, что французская молодежь благодаря коммунистической печати знает и ценит вьетнамскую литературу. Я рассказывал о творчестве То Хыу, Нгуен Динь Тхи, Те Лан Вьена, Те Ханя, Хюи Кана — нашего старшего поколения поэтов. Видел, ощущал большой интерес слушателей. Я рассказывал о плеяде литераторов, выросших в годы войны с американскими агрессорами и, конечно, о самых молодых поэтах Вьетнама.

Меня спрашивали о самом юном поэте Чан Данг Кхоа, известность которому во Франции создала Мадлен Риффо. Она говорила: «Кхоа — это маленький Моцарт. Он словно родник, из которого струится музыка». И это действительно так. Непосредственное восприятие ребенка, незаурядный выбор поэтического образа, очаровательная напевность стиха обещают, что в лице этого молодого человека (родился в 1958 году) природа подарила Вьетнаму еще одного большого поэта.

Поэзия, это доказано веками, живет в сердце каждого вьетнамца.

«Поэзия... Какая маленькая ракушка, но в ней умещается целое море, — цитировал Суан Зиеу слова нашего друга поэта Те Лан Вьена. — Поэзия... Какие маленькие весы, но ведь это весы самой жизни».

...Издревле ни один праздник, ни одно событие в жизни народа, радостное или тяжелое, не проходило, не оставив после себя стихотворных строк. Глубокое ощущение поэтического слова передавалось из поколения в поколение, крепло в тяжелые времена схваток с силами природы — тайфунами, наводнениями, засухами, проникало в народное сердце в годы испытаний, когда иностранные поработители вторгались в земли Вьетнама. Патриотизм предков, верность родному краю неизменно передавались и будут передаваться юным. Недаром крупнейший современный поэт Вьетнама То Хыу написал строку, которую знает теперь каждый вьетнамец: «Четыре тысячи лет Вьетнама смотрят в будущее». Героическое прошлое и настоящее неотделимы. Это прошлое и настоящее помноже-

ны на революционность духа вьетнамского народа, его верность идеям марксизма-ленинизма. Участник событий Августовской революции, член Политбюро ЦК КПВ То Хыу писал:

Прошел я по многим дорогам,
И тихим и шумным,
Я понял просторы, открытые ленинским думам,
Я понял, что в новой судьбе молодых поколений
Сияет, живет и работает
Ленинский гений.
...Он солнцем сияет,
Он море колышет волнами,
Плывем мы сквозь бурю,
И Ленин, как истина, с нами.

К образу Ильича прикованы мысли и известного поэта Те Ханя.

И расступилась снежная мгла,
И Сегодня шагнуло в Завтра.
Под сильными пальцами ожила
Революция музыки — Аппассионата!
В ней слышен времени неистовый бег,
В ней ночь уступает свету...
Заслушался Ленин, из-за прищуренных век
Окинув пророческим взором планету.

Я помню, когда Те Хань терял зрение, молодые литераторы ежедневно приходили в его дом, присылали письма из различных уголков Вьетнама. Юная поэтесса из племени эде, что живет на Центральном нагорье, прислала Те Ханю букет чудесных орхидей. «Я сорвала эти цветы у вершины могучего дерева, — писала она поэту. — Посылаю их Вам в знак благодарности за то познание красоты, что Вы, могучее дерево вьетнамской литературы, подарили нам, молодым поэтам».

Те Хань нежно прижимал к своим впалым щекам букетик бледно-розовых орхидей. А поэт Те Лан Вьен, пришедший навестить друга, под впечатлением услышанного прочитал ему свои стихи:

Я рукою коснусь своей земли,
здесь растет упрямая трава.
Бомбы выжечь ее не смогли,
не отняли детей у Вьетнама.

В 1968 году, в разгар американских бомбардировок Северного Вьетнама, поэт Те Лан Вьен показал

мне письмо, полученное от его юного коллеги из Южного Вьетнама. В то время на Тэт патриоты поднялись на всеобщее восстание в 140 городах Юга. В письме были следующие строки: «Чтобы писать, нужно много душевных сил. Днем приходится то идти в поход, то отбивать атаки карателей, то прятаться от бомб, то работать на полях. Вечерами, когда берешься за перо, чувствуешь себя совсем обессиленным...» Те Лан Вьен ответил своему молодому другу: «Я очень люблю писать, сидя за столом у окна, выходящего на тихое озеро и фруктовый сад. Но я больше доверяю тому, что написано в трудных условиях. Тот, кто умеет ценить свет от слабой лучинки, заботится о том свете, что упадет с бумаги в душу читателя. Я верю твоим стихам. Я люблю их».

— Те Лан Вьен. Мой старый друг Те Лан Вьен, — продолжал Суан Зиеу. — Он родился тремя годами позже меня в той же провинции Нгетинь. Детство, в котором его звали Фан Нгок Хоан, он провел в Центральном Вьетнаме в провинциях Куангчи и в городе Куиньон. Писать стихи начал рано. Свой псевдоним Те Лан Вьен взял в шестнадцать лет, когда выпустил первую книгу «Запустение». Первый слог Те заимствовал от имени древнего героя государства Чампа. Лан Вьен — Сад Орхидей.

С первых же дней Августовской революции Сад Орхидей стал активным ее участником. В годы войны Сопротивления был политработником и журналистом и все время писал стихи, поэмы, рассказы. Лирическая сила и эмоциональность, интеллектуальное восприятие мира и романтическая окрыленность, взволнованность за судьбы людей звучат в его стихах о войне, о революции, об истории народа, о высоком назначении искусства.

— Как каждый вьетнамский поэт, — улыбнулся Суан Зиеу, — Те Лан Вьен, безусловно, лирик:

В сплетенье веток — глаз твоих огни.
Твое лицо мне из ручья смеется;
Душа к тебе взывает: «Догони!»
О ночь любви! В ней лунный лик твой льется.

— Лирик, но не оторван от реальной жизни, — рассмеялся Те Лан Вьен. — Так я писал в юности. Теперь я не скажу луне: «Догони!» Ведь к ней совет-

ская ракета прилунилась. Ныне я пишу иначе, примерно так:

Какой малыш не грезил миром лунным...
Как вкусен край лепешки этой желтой!
А девушкам, восторженным и юным,
Цветок луны к прическе так пошел бы!

...Семнадцать лет назад, в один из мартовских вечеров 1967 года, во фронтовом блиндаже под Ханоем после очередного налета американской авиации эти стихи известного вьетнамского поэта Те Лан Вьена читал совсем юный боец-зенитчик. При тусклом свете керосиновой лампы было едва различимо его лицо. Но голос воина властвовал над бревенчатым накатом, заставлял солдат затаить дыхание:

Строфы — нервы. И радость и горе.
Судьба.
Ритмы сердца, обретшего в битве себя.

Потом солдаты долго беседовали с поэтом, чьи книги или отдельные стихи, переписанные девичьей рукой, бережно уложенные в походные рюкзаки, прошли с ними тысячи километров по партизанским тропам, помогали жить и бороться. После Августовской революции 1945 года, в период первой войны Сопротивления его стихи обрели новых героев, чье мужество и труд выковывали победу под руководством партии коммунистов. Поэтический сборник тех лет «Ваш, братья» (1955) стал одним из самых популярных во Вьетнаме. Стихи доходили до сердца каждого патриота как на Севере, так и Юге страны:

Люблю солдат: и стариков, бывалых, крепких, закаленных,
И новобранцев — молодых, слегка сконфуженных, зеленых,
Приклад ружья рукою сжат, и сжаты челюсти сурово.
Как далеко родной бамбук — когда его увидишь снова?..

С первыми разрывами американских бомб на вьетнамской земле полыхнули гневным огнем и строки стихов Те Лан Вьена. Поэтический сборник из двух циклов «Цветы будничных дней» и «Буревестник» (1967) обличали варварские преступления американских агрессоров и их сайгонских марионеток, поднимали патриотов на бой, требовали справедливого отмщения.

На родине Те Лан Вьена в провинции Нгетинь, той самой, где были созданы в 1930 году первые во Вьетнаме народные Советы, я видел в одном из общинных

домов полку, на которой собраны книги Те Лан Вьена. Лучшим выпускникам местных школ уже вошло в обычай дарить произведения поэта. «Книги Те Лан Вьена для нас — это своего рода путевка в жизнь, в длинный и честный трудовой путь», — говорили они. Молодежь и люди старшего поколения с проникновенной верой и искренней любовью относятся к своему народному поэту — народному депутату, депутату Национального собрания СРВ.

...Свет от стихов. Он всегда звал вьетнамский народ на борьбу, на строительство новой жизни.

Колониальная война, империалистическая агрессия США не могли сломить дух патриотов. Если пали в боях многие сыновья и дочери Вьетнама, отстаивая свободу и независимость родины, то живы их стихи, песни, рассказы.

В 1968 году во время всеобщего восстания пал смертью героя 28-летний поэт Ле Ань Суан (настоящее имя Ха Ле Хиен). Его стихи о родном Бенче, собранные в книгу «Цветы кокосовой пальмы», увековечили его имя. Поэтесса Зыонг Тхи Минь Хыонг (Зыонг Тхи Суан Кун) погибла в 1969 году, отражая налет карателей. В ее полевой сумке осталось недописанное стихотворение. Прошел через тюремные застенки и концлагеря марионеточного сайгонского режима молодой поэт Нгуен Кхоа Дьем, чьи стихи теперь знает вся республика.

* * *

«В годы мира силы свои напрягай — тысячи лет будут озарены светом горы и реки твои», — словно пульсировали в висках слова Туана, заимствованные из древних вьетнамских писаний.

РОЗЫ У РАМПЫ

— Этот человек словно вобрал в себя солнечный свет, — говорил мне Суан Зиеу, когда мы, выйдя из гостиницы «Тхонгнят», у книжного магазина «Нян зан» свернули к центральному ханойскому театру. — Он значительно моложе

меня, ему недавно исполнилось пятьдесят, — продолжал поэт, — но ему, режиссеру, удалось подняться на Олимп театрального искусства Вьетнама. Сегодня он обещал быть на концерте. В театре для встречи с передовиками производства соберутся ведущие актеры, драматурги, режиссеры, художники, писатели.

У театра уже зажглись старинные фонари. Над ними, словно огромные опахала, шелестели кроны высоких пальм. Суан Зиеу утверждал, что эти фонари, пальмы, как и само здание, — ровесники. Они украсили центр вьетнамской столицы еще на заре нынешнего века.

В давние колониальные времена к театру подкатывали кареты, запряженные арабскими лошадьми, прибывали паланкины, на которых восседали вельможи. Здесь пробегали рикши в соломенных шляпах и парковались автомобили европейских марок.

В театре тогда собиралась лишь знать. Для простолюдинов вход в театр был категорически запрещен. Рассказывают, что вплоть до 1925 года на театральной площади кнутом наказывали вьетнамцев, как правило крестьян, попавших в столицу и по незнанию останавливавшихся ближе десяти метров перед входом в это здание. После победы Августовской революции над театром взметнулось Красное знамя демократического Вьетнама. Но в 1946-м столицу захватил французский экспедиционный корпус, и театр вновь стал недоступным для простого народа. Так продолжалось еще восемь лет. В сентябре 1954-го колонизаторам и их приспешникам было суждено прийти сюда на спектакль, как говорил Суан Зиеу, «под занавес и без поднятия занавеса».

Вот как это было. Плантаторы, тучные промышленники, владельцы отелей в белых костюмах с темными галстуками-бабочками, хозяева угольных копей и заводов, попыхивавшие сигарами, светские дамы в лучших нарядах, с веерами из слоновой кости в руках... Всем своим видом они хотели показать, что, мол, их позиции незыблемы, никакая сила не выбросит их из Вьетнама, столица Ханой — под их властью. И вдруг... полная неожиданность! Не успел пробить третий удар колокола, как рабочие вырубили свет в театре. Откуда-то сверху были разбросаны тысячи листовок. Неизвестный музыкант заиграл «Интернационал». В зале поднялся переполох. Зрители в

испуге ломали кресла, забыв о галантности и светском этикете, отталкивая дам, бросились к выходу. Сорваны с петель знаменитые резные двери. Разбиты в них стекла. Площадь внезапно ослепила выбежавших на нее ярким электрическим светом. Затем прожектор перебросил луч на красное знамя с золотой звездой — знамя первого рабоче-крестьянского государства в Индокитае.

Несколько дней спустя, 10 октября, в столицу вступили части народной армии. Театральная площадь вновь была залита светом, светом свободы. Народ стал навсегда хозяином своей столицы. И новый зритель пришел в Большой Ханойский театр. Прогрессивные профессиональные актеры, верные делу революции, дали для рабочих, крестьян, жителей города на Красной реке, для воинов-освободителей свой первый концерт. (Всех желающих театр, конечно, вместить не мог, поэтому актеры, отработав свой номер даже не переодеваясь, ехали в другой театр — «Золотые колокола», где параллельно давался еще один концерт.)

— Я помню, какое чувство духовного подъема, восторга испытывали мы тогда, направляясь к театральному входу, — своим тихим, нежным голосом продолжал Суан Зиеу. — Театр был наш, все вокруг было наше! Люди обнимали друг друга. Торжественно гремела музыка. Повсюду алели флаги молодой республики. Представить только, с тех пор пролетело тридцать лет!

Мы поднялись по тем же каменным ступеням, предъявив пригласительные билеты, миновали те же старые двери. В вестибюле уже собрались десятки людей. Несколько заводских пареньков в белоснежных рубашках протягивали девушкам кулечки с печеньем бань.

— Но где же Динь Куанг? — спросил я Суан Зиеу.

— Пройдем за кулисы. Вернее всего, он там.

Поэт не ошибся. Динь Куанг был среди готовящихся к выступлению.

Это человек лет пятидесяти. Внимательный взгляд из-за больших очков.

Он провел нас в зрительный зал, усадил рядом с собой в пятом ряду. Режиссер назвал почему-то этот ряд самым удобным. Позже я узнал причину. Динь

Куанг отсюда хорошо видит всю сцену, чувствует настроение актеров, наблюдает за их игрой, не смущая своим присутствием учеников, знающих его режиссерский вкус, требовательный глаз и тонкий слух.

В зале погасили огни. Тишина. Слышно лишь, как поскрипывают лопастями огромные вентиляторы, разгоняя жаркие слои тропического воздуха. С первыми звуками музыки зал загрохотал от аплодисментов. Да, вьетнамцы умеют приветствовать актеров.

Программа концерта была составлена так, чтобы представить зрителям все основные виды вьетнамского сценического искусства. Отрывки из спектаклей классического театра туонг сменялись сценами из пьес современного «разговорного» театра кить ной, старинными северовьетнамскими напевами, используемыми в театре тео, песнями из пьес театра Юга кайльюнг. После выступлений артистов ханойского балета прозвучала ария из советской оперы «Овод». И, конечно, со сцены неслись «Катюша», «Подмосковные вечера», песни социалистических стран. Песню «Ханой — моя гордость» великолепно исполнил Чунг Киен. Его имя в переводе означает «верность и мужество». Когда актер во Вьетнаме приходит на профессиональную сцену, он обычно берет псевдоним. С годами зритель оценивает, насколько точно выбран псевдоним. Чунг Киен оправдал свой выбор. Затем выступил певец Кхань, это его голос вот уже многие годы каждое утро несется из репродукторов.

Концерт произвел большое впечатление. Но, признаюсь, меня несколько смущало усталое, с какой-то грустинкой выражение глаз Динь Куанга. За кулисами я попытался узнать его мнение о концерте.

— В целом неплохо, — ответил Куанг. — Я видел, что зрителям концерт понравился, и многие, возможно, скажут, что успех полный. Но я — профессионал, и посему мои требования выше. Мне видны, например, пробелы, которые не так легко исправить. Потребуются годы труда. Пробелы эти, впрочем, носят скорее объективный характер. Они связаны с общими трудностями нашего народа и вызваны десятилетиями войн, большими потерями, лишениями, невысоким еще техническим уровнем. И это вам должно быть понятно. Если говорить исключительно об энтузиазме, самоотдаче искусству, искренности, работоспособности и таланте актеров, то здесь можно испытывать

чувство удовлетворения. Но есть еще и другие критерии. Нам необходимо более широко использовать постановочные возможности, которыми располагают современный театр, эстрада и другие виды сценического искусства. И это, как бы вам сказать, позволит приблизить и самих актеров к современному театру, конечно, не отбрасывая и наших национальных традиций.

Вы знаете, — продолжал Куанг, — как трудно восстанавливать разрушенные города. Но поверьте, не легче возрождать и развивать искусство. Ведь оно обладает такими нежными, хрупкими, порой неосязаемыми струнами! А зритель должен получить не только удовлетворение от увиденного на сцене, но и вынести определенный моральный настрой, так сказать, «пищу для размышлений». И тогда это успех каждого из нас в частности и пьесы в целом. Вы скажете, я максималист? Наверное, да!

Человек, желающий собрать букет прекрасных роз, должен ли он бояться шипов?

Впрочем, сегодня уже довольно поздно. А завтра, если найдете время, приходите к 9 часам утра сюда, в театр. Постараюсь рассказать, какие проблемы стоят перед нами, каковы основные жанры вьетнамского театра, что сделано и над чем продолжаем работать.

Мы простились с режиссером, вышли на ночную театральную площадь. Гасли огни старинных фонарей. И только по-прежнему покачивали своими шапками старые пальмы. На велосипедах разъезжались по домам актеры. Девушки с букетами цветов, ловко оседлав седапы (так называют во Вьетнаме велосипед), уносились в глубину улиц.

Суан Зиеу взял меня под руку и тихо прочитал стихи нашего друга Те Лан Вьена, когда-то посвятившего их незнакомой актрисе:

Цветы, которые дарят тебе, — горные цветы шим.
Суп, который ты ешь, — из лесных плодов, не из риса.
Пудришься, наклоняясь над зеркалом самым большим —
Над чистым горным ручьем, влюбленным в тебя, актриса.

А затем добавил:

— Тебе, наверное, мой друг, Динь Куанг показался несколько сухим, резким и педантичным? Поверь, это не так! Со временем ты поймешь, что это человек с

тонкой, глубоко эмоциональной душой поэта, художника, артиста.

Но ведь я тоже начинал понимать Динь Куанга и, видимо, потому ответил Суан Зиеу его же стихами:

Раскрыты крылья наших душ во весь размах,
Надул их ветер, но они летят и сами,
О лучшем хочется мечтать, парить в мечтах
Так высоко, как можно плыть под небесами...

...Наутро я вновь был в театре. Среди рядов в зрительном зале вышагивал невысокий худой человек. На нем серая рубаха навыпуск, зеленые солдатские брюки. В руках текст «Кремлевских курантов». Он читал, и я видел, с каким восторгом во взоре слушали его находившиеся на сцене и в зале актеры. Затем он внезапно остановился, резко повернулся и сказал:

— Сумейте проникнуться духом времени. Это же революция, величайшая из революций! Ее первые труднейшие годы. Так помогите зрителю прочувствовать их. Больше силы, эмоциональной выразительности, воли, энергии

Так говорил своим ученикам Динь Куанг — режиссер, созидатель, новатор вьетнамского театра.

Заметив меня, он аккуратно сложил отпечатанный на машинке текст пьесы, назначил актерам время очередной репетиции, затем подошел своим размашистым шагом, дружелюбно протянул руку:

— Как у вас говорят: утро вечера мудренее? У нас утро начинается с рассвета. Сейчас еще утро, но уже не рассвет, — рассмеялся он, явно имея в виду положение дел во вьетнамском театре. — Что же, продолжим нашу беседу. Почему вчера я начал разговор с трудностей, с которыми сталкивается наш театр? Объясню. Вы, конечно, знаете, что наше искусство обладает исключительно глубокими корнями. Но сколько раз иноземные враги, а также феодалы, силы внутренней реакции пытались обрубить их, засушить древо духовной жизни нашего народа. Во Вьетнаме издавна бытует поговорка: не хватило времени на улыбку, как пришла новая беда. Феодальный и колониальный гнет, иноземные вторжения, многолетние войны, буйства стихии... Какие только бедствия, наносившие колоссальный ущерб материальной и духовной жизни, не познал наш народ!

Из поколения в поколение люди Вьетнама, как лилия к водной поверхности, тянулись к искусству. И вьетнамского зрителя я бы назвал зрителем-энтузиастом. Еще в старину подмечали, что в дни празднеств люди были готовы довольствоваться даже тем, что на улице их собиралось огромное множество. И это уже было для них зрелище, дающее наслаждение. Но если еще появлялись и бродячие актеры, то это почитали за счастье, ниспосланное в селение. Об этом после говорили много дней, ожидая новых радостей. С тех пор пролетели века, но дух зрителя-энтузиаста сохранился. В стране не проходит ни одного представления, будь то силами профессиональных актеров, будь то любительскими коллективами, чтобы в зале пустовали места. При этом мы понимаем, что полный сбор — это еще не полный успех. Наш зритель идет на каждое представление. Для него каждый концерт, спектакль — это и отдых, и развлечение, и общение с внешним, часто незнакомым ему миром. И зритель готов пройти пешком, проехать на велосипеде многие километры, чтобы посмотреть представление. И мы в большом долгу перед зрителем. Мы, режиссеры, драматурги, актеры, композиторы, обязаны учитывать и учитываем особенности и условия жизни нашего народа, его культурные потребности. Но наши возможности еще ограничены прежде всего техническими средствами. Во многих спектаклях актеры играют под открытым небом, в необорудованных помещениях. И это, несомненно, накладывает свой негативный отпечаток и на исполнительское мастерство, и на режиссуру.

На нынешнем этапе социалистического строительства, — продолжал Динь Куанг, — мы ставим задачу всемерно способствовать поднятию культурного уровня зрителя, его интеллектуальному прогрессу. Предстоит переступить определенный барьер, и зритель, широкий зритель, будет яснее видеть в спектакле не только вчерашний и сегодняшний, но и завтрашний день, будет бороться за него не только с оружием в руках, но и своей гражданственностью. И основа для этого создана надежная.

Теперь проследим в целом процесс развития вьетнамского театра. Под руководством партии наш театр, все его жанры в первые годы народной власти, во время войны Сопротивления колонизаторам и отпора

империалистическим агрессорам активно помогали мобилизации населения на борьбу за свободу родины. Все наше сценическое искусство концентрировало основные усилия на двух главных темах — национально-освободительная борьба и построение нового, социалистического общества. Разумеется, пьесы об освободительной борьбе, о героизме, об отпоре врагам были более сильными, злободневными. И вот теперь наступил новый исторический момент. Мы добились полной победы. Вьетнам един от Каобанга на севере до мыса Камау на юге. Конечно, тема народного героизма, многолетней борьбы за свободу и независимость не предана забвению. Она будет постоянно и уверенно звучать со сцены вьетнамского театра. Но ныне на первый план исторически выведены новые задачи, задачи социалистического строительства, активной и эффективной производственной деятельности, воспитания молодежи, подрастающих поколений в духе строителей нового общества. И театр помогает претворению в жизнь политики партии, преодолению тех препятствий, которые еще мешают нашему народу в достижении поставленных целей. Как «Клоп» Маяковского служил и служит задачам революции, разоблачению мелкобуржуазных инстинктов, так и наши драматургические и другие произведения должны со всей решительностью вскрывать те недостатки, что тормозят наш прогресс. Речь идет о консерватизме, остатках феодальных предрассудков, о мелкобуржуазной идеологии и социальных пережитках.

Сердце театра бьется вместе с жизнью страны!

Динь Куанг дважды повторил эту фразу. И не случайно. Эта фраза стала своеобразным девизом всей деятельности работников вьетнамского сценического искусства.

После победы и освобождения Юга сложились новые условия для развития вьетнамского театра и его основных жанров — кить ной, тео, туонг, кайлыонг, театр кукол и театр кукол на воде...

— Мы, конечно, учитывали, что многие актеры, деятели искусств переехали с севера на юг Вьетнама. Процесс понятный. После объединения страны люди возвращались в родные города и селения. Более того, приходилось срочно командировать театральные труппы в южные провинции, где так не хватало спектаклей о борьбе за освобождение страны, о новом, еди-

ном Вьетнаме. Там, на Юге, приходилось проводить большую политическую, воспитательную и культурно-просветительную работу. Мы знали, что наши идеологические противники, скрытые контрреволюционные силы будут закладывать гнилые зерна в сердца и умы интеллигенции Юга, будут стремиться проникнуть и в актерскую среду, чтобы, используя нестойких людей, вредить народной власти. Реакционеры видели, какое большое воспитательное воздействие оказывает наше революционное искусство на широкие слои населения. Поэтому они прибегали не только к угрозам в адрес прогрессивных южновьетнамских работников искусств, но и к открытым актам кровавого террора. Так, в городе Хошимине была убита известная актриса Тхань Нга. Она возвращалась со спектакля, когда бандитские пули сразили ее.

Враги надеялись нас запугать. Не вышло. Ответом на этот террористический акт были сотни заявлений от молодых актеров о вступлении в комсомол.

Замечу, — продолжал Динь Куанг, — примерно 85 процентов южновьетнамских актеров не покинули берегов родины вместе с проамериканскими марионетками. Но это еще не означало, что все они одинаково мыслят и ко всем мог быть применен единый подход. Среди актеров оказались, конечно, и колеблющиеся, были и те, кто пытался помешать социалистическим преобразованиям на Юге, но большинство безраздельно приняло идеи революции. Что же касается покинувших страну актеров, то многих из них ожидает творческая гибель. Впрочем, такими сведениями о судьбе многих беглецов мы уже располагаем. У нас говорят: опустошенные души, как и брошенные людьми дома, быстро ветшают.

Многих и разных деятелей искусств бывшего Сайгона мне доводилось встречать в Южном Вьетнаме. Я рассказал Куангу о долгих беседах с теми, кто полностью связал свою судьбу с судьбой родины, революции. Я говорил ему о старейшей знаменитой актрисе Фунг Ха, которую нередко сравнивали с А. К. Тарасовой, о встречах с режиссером Ле Заном, композитором Фам Чонг Кау.

— Эти деятели искусств Юга, как и многие их коллеги, — отметил Динь Куанг, — вложили свой талант, энергию, труд во имя того, чтобы «поезд вьетнамского театра уверенно шел по дороге Единства».

Мы проводили с ними дискуссии, семинары, встречи, беседы и совместно пришли к выводу, что по глубине театральной мысли драматургии, сценическое искусство Юга должно следовать примеру Севера, а в музыке, художественном оформлении спектаклей театрам северной части страны следует творчески использовать опыт южан. И уже первые театральные фестивали в городах Хошимине, Хюэ, Куиньоне показали, что содружество мастеров театра в общенациональном масштабе принесло значительные успехи. Отрадно, что в драматических театрах по всей стране уже ставятся пьесы вьетнамских и зарубежных авторов на современные темы. Например, своим достижением коллектив Хайфонского драматического театра (в 1983 году он отметил свое двадцатилетие) считает постановку пьесы А. Гельмана «Потапов» («Протокол одного заседания»). В связи с 60-летием образования Союза ССР и пятой годовщиной Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ (ноябрь 1983 г.) на сценах драматических театров Вьетнама шли пьесы Погодина, Тренева, Симонова, Федина, Корнейчука, Арбузова, Розова. «Любовь Яровая» и «Платон Кречет» стали одними из любимейших спектаклей в социалистическом Вьетнаме. Творчески усваивают богатый арсенал художественных средств советской драматургии и режиссуры, опыт других социалистических стран и европейской драмы в целом вьетнамские мастера сцены разговорного театра кить ной.

— Особенно важно, — говорил Динь Куанг, — что большинство молодых актеров, которых вы видели в театре, — выпускники Ханойской театральной школы, готовящей мастеров искусств по системе Станиславского и Бертольда Брехта. Подобная же школа создана в городе Хошимине и ее отделение — в Хюэ. Занимаясь с молодыми актерами, режиссеры-преподаватели, профессора должны проявлять огромное терпение, быть исключительно требовательными к самим себе. И это понимают мои коллеги. Отсюда и многие позитивные результаты.

Живительные соки знаний крайне необходимы людям искусства. Наши режиссеры учились или проходили практику в социалистических странах, в первую очередь в Советском Союзе и ГДР. (Сам Динь Куанг учился в Берлине.) И они оказывают большую помощь работе примерно 50 центральных и провинциальных

театров на Севере и около 100 театральных трупп в южных и центральных провинциях республики. Каковы конкретные результаты? Только в Ханое на сценах и под открытым небом было дано в ноябре 1983 года свыше 100 театральных представлений. На них присутствовали десятки тысяч зрителей.

...В канун празднования 67-й годовщины Великого Октября Ханойский драматический театр ставил симоновскую пьесу «Русские люди». Сотни людей пришли на спектакль с чудесными букетами цветов. И корзины роз на рампе Ханойского драматического театра — это благодарность Динь Куангу и его коллективу за кропотливый труд и подлинный талант *.

* * *

Победа революции, объединение страны принесли обновление и традиционным театральным жанрам Вьетнама, таким, как тео, туонг, кайлыонг. Созвучный новому времени своим пафосом гуманизма, реалистической направленностью, тео за годы народной власти приобрел новую популярность. Этот самобытный театр сложился и развивался на протяжении веков.

— Знаете ли вы, — говорил Динь Куанг, — сколько существует различных версий по поводу того, как возникло само слово «тео»? Некоторые исследователи склоняются к мысли, что «тео» произошло в результате искаженного произношения слова «чао» — «королевский двор», при котором выступали знаменитые актеры древности. Другие полагали, что «тео» — это также деформированное слово «чао», но имевшее и другое значение — «сатира». Отсюда якобы и возникло название театра. Наконец, третьи исследователи, чью точку зрения я разделяю, утверждают, что «тео» произошло от старинного слова «тео» — «управлять лодкой». Во Вьетнаме, как известно, множество водных артерий. Передвижение на лодках было и остается важным видом транспортных связей. Гребцы слагали народные песни, пересказывали старинные легенды, в стихотворной и песенной форме доносили вести

---

* Решением Совета Министров СРВ в 1984 году учреждены почетные звания народных и заслуженных артистов. Первым декретом правительства звание «Народный артист» присвоено сорока выдающимся актерам. 149 человек удостоены звания «Заслуженный артист Вьетнама».

из разных уголков страны. Вот они-то и стали родоначальниками театра тео.

И не случайно диалог в прозе и актерская импровизация сочетаются с декламацией стихов и пением. Текст в прозе и стихах, песни актер сопровождает пластическими движениями тела и рук. Эти движения незаметно переходят в танец, который словно выражает мысли и чувства, зачастую подчиняет и растворяет в себе другие элементы актерской игры. Например, знаменитая Тхи Мау передает в танце глубину своих чувств и переживаний, Суи Ван не столько показывает, сколько «танцует свою боль»...

Танцевальным началом проникнуты и обычные бытовые сцены. В них оживают древние народные танцы: хой муа (праздник урожая), хай зау (сбор шелковичных листьев), ше то зэй вай (прядение и ткачество), а также другие народные танцы, которые к настоящему времени почти исчезли из крестьянского быта во Вьетнаме. Танцам тео свойственна традиционная условность и сдержанность. Хореографический рисунок плавный, возвышенный, будто воздушный. Его отличает полное отсутствие прыжков, резких пируэтов, приседаний. Актер (а чаще актриса) передвигается по сцене еле заметными шажками, стараясь не отрывать ступни от пола.

— Взгляните, как изящно, словно павушка, плывет перед зрителем актриса Кыу, — говорил мне Динь Куанг, когда мы сидели под открытым небом в народном театре, что еще недавно находился неподалеку от вокзала Хангко (теперь на этом месте вырос Дворец культуры) и смотрели спектакль «Монахиня Дам Ван». — Обратите внимание: взоры зрителей прикованы к рукам актеров. Каждое движение наполнено своим содержанием. С помощью десятков и сотен условных жестов руки живописуют душевное состояние персонажа. Эти жанры доступны пониманию даже неискушенного зрителя. Актерам требуются многие годы для овладения всем арсеналом танцевальных приемов, а зрителю, чтобы постигнуть этот «язык», достаточно быть внимательным и обладать долей воображения. И он сумеет легко понять пьесу, даже не зная вьетнамских традиций, нравов, обычаев.

Когда слушаешь музыку в театре, то понимаешь, что тео черпает не только танцы, но и мелодии из богатейшей сокровищницы народного творчества. Напе-

вы дельты Красной реки (ее провинции Тхайбинь и Ханамнинь считаются родиной тео) подвергаются в театре лишь незначительной композиторской обработке. И старинные напевы превращаются в арии, песни для хора. Музыка в театре тео по законам жанра различна по своему эмоциональному настрою. Так, мотив шап всегда выражает радость, ван и нойши — меланхолию и тревогу.

— Но, говоря о музыке в тео, — комментировал рассказ Динь Куанга генеральный секретарь Союза композиторов СРВ До Нюан, — не сбрасывайте со счетов фонетические и интонационные особенности вьетнамского языка. Он обладает шестью тональностями. Благодаря певучести поэтическая декламация весьма близка к песенному звучанию. Актер тео легко перестраивается, переходит от декламации к пению и наоборот. Вот зазвучал хор. Но вы не видите исполнителей. Они за кулисами. Хор как бы играет роль своеобразного судьи. Он дает оценки действиям персонажа, песенными репликами высмеивает притворство, жадность и другие человеческие пороки. Прислушайтесь и к тому, как играет оркестр... Сначала вступают в строй лишь двухструнные смычковые инструменты ни. К ним подключаются щипковые нгует, деревянные шао, духовые тиеу и, наконец, ударные инструменты тхань ла, мо и чонг. У тамбурина (чонг) особые функции. Он как бы нагнетает напряженность в наиболее драматических эпизодах.

— За многие столетия своего существования, — говорил Динь Куанг, — наше древнее искусство театра тео знавало как периоды упадка, так и расцвета. Каковы причины? Они далеко не однозначны. Тео был не только излюбленным видом художественного творчества, но и своеобразным оружием угнетенного народа в борьбе против феодального и колониального гнета. Тео выражал народную боль. Он протестовал, он критиковал за лихоимство королевских сборщиков налогов, он высмеивал чванливых мандаринов, их лицемерие и трусость. И само собой разумеется, в старом обществе народный тео принимался в штыки господствующими классами. Поэтому-то он и подвергался гонениям.

Но история помнит и другое. Бывали времена, когда в надежде объединить национальные силы и отстоять независимость страны короли и высшая знать

не гнушались обращаться за помощью к народу. И тогда они нуждались в театре тео. Короли и мандарины «спускались в низы», приходили смотреть представления народных актеров. Известны случаи, когда короли, заигрывая с патриотически настроенными массами, даже снисходили до назначения наиболее прославленных актеров на должности распорядителей придворных развлечений. Но подобные исторические периоды не могли долго длиться в условиях феодального строя. Как только укреплялись позиции императорской династии, тео вновь впадал в немилость. Уже в XVIII веке он был объявлен «низкопробным зрелищем, недостойным благородных людей». Знаменитого поэта той эпохи Дао Зуи Ты даже не допустили к конкурсу на мандаринские должности. Почему? Только из-за того, что его мать была актрисой театра тео.

— Подлинное возрождение тео началось только после Августовской революции 1945 года. В первые годы войны Сопротивления было создано несколько трупп тео. Их возглавляли актеры Чум Тхинь, На Там, Нам Нгу и другие. В 1950 году, в разгар войны, в джунглях Вьетбака состоялось всевьетнамское совещание театральных работников. Оно приняло решение «активно и повсеместно возрождать традиционный народный театр тео». Прошло немного времени, и в 1952 году в освобожденной зоне Вьетбак образовалась первая Центральная труппа вьетнамского тео. (В 1977-м, когда отмечалось ее двадцатипятилетие, было подсчитано: коллектив поставил 44 пьесы, выступал перед 10 миллионами зрителей!..)

После первой войны Сопротивления, в 1959 году, в Ханое открылась Школа традиционного театра. С той поры раскрылись и получили признание самобытные дарования таких артистов, как Зюи Хыонг, Ким Лиен, Бить Туэт, Зием Лок, Тю Ван Тхык, Буй Чонг Данг, Данг Чунг. Расцвету их таланта способствовало расширение репертуара и тематики. Наряду со спектаклями на сказочные сюжеты: «Тхать Шань», «Там Кам», «Ан Тием», «Сын золотого шелка» появились многие пьесы на исторические, революционные и современные темы. С большим успехом прошли спектакли «Народный полководец Фам Нгу Лао», «Буйвол на две семьи» (о движении кооперации), «Путь на фронт», «Знамя освобождения» (о борьбе против американских

агрессоров), «Наступление на море» и «Любовь к лесу» (о социалистическом строительстве в СРВ).

В этом ряду и пьеса «Монахиня Дам Ван», которую мы посмотрели в народном театре. (Ее поставил режиссер Чан Хюен Чан, либретто — писателя Хок Фи.) С трогательным вниманием следит зритель за сюжетной канвой спектакля — судьбой трех женщин. Раздаются взрывы негодования, когда одну из них — монахиню — колониальные власти бросают в тюремные застенки. Мужество ее не сломлено. Дам Ван выходит из неволи убежденной революционеркой, находит смысл и счастье жизни в служении народу, делу революции. И зритель горячо аплодирует ей. Тонко, психологически достоверно авторы и актеры раскрыли перед зрителем образ героини пьесы.

В середине и конце 70-х годов в театральных кругах Вьетнама все чаще стали заговаривать о труппе тео из общины Чукдай, что в провинции Ханамнинь. Динь Куанг обещал проводить меня на один из спектаклей этого коллектива, и вскоре раздался его телефонный звонок:

— Сегодня вечером встретимся у ханойского кинотеатра «Конгнян» («Рабочий»). Там дают представления артисты из Чукдая.

Вечером улица Чантиен перед кинотеатром была запружена народом. На велосипедных стоянках не оставалось свободных мест.

— Как у вас говорят, и яблоку негде упасть, — запирая на ключ замок своего велосипеда, приветствовал меня Динь Куанг и объяснил: — Билеты на спектакль раскуплены за три недели. Интерес к этому спектаклю объясняется еще и тем, что на фестивале, завершившемся на днях, труппа общины Чукдай получила две золотые медали и одну серебряную — за игру актеров и постановку пьесы Фам Дык Киена «Сохрани зеленый цвет». Эту пьесу мы и посмотрим.

Тема пьесы — вечная молодость Вьетнама. Это рассказ о мужестве, достоинстве, верности. В его основу легла подлинная история, произошедшая в общине Чукдай с одним из ее жителей. Юношей он был призван в армию, участвовал в освобождении Южного Вьетнама. После демобилизации вернулся домой, поступил в институт. Но снова война обрушилась на землю Вьетнама, и бывший солдат откладывает

учебники: его место снова в строю. Община Чукдай, в которой происходит действие пьесы, вырастила многих героев, сражавшихся с французскими колонизаторами и американскими агрессорами. Сколько таких общин во Вьетнаме! И современная тема традиционного театра оказалась тем более близкой сердцу каждого вьетнамца.

— Сколько в настоящее время профессиональных коллективов тео? — спросил я Куанга.

— Шестнадцать, — последовал ответ. — Наиболее известные — Центральный, Ханойский и Хайфонский городские театры. Они шефствуют над сотнями любительских трупп, созданных в кооперативах и на промышленных предприятиях, в учебных заведениях и на стройках Вьетнама. Современный театр тео — это искусство боевое, сражающееся. Это искусство народа, уверенно строящего новую жизнь, — говорил Динь Куанг. — Более того, тео — это обновленное искусство. В нем традиционные темы, образы, средства эстетического и эмоционального воздействия на зрителя подняты на новую ступень развития.

Вот что рассказал Динь Куанг о другом национальном театре Северного и Центрального Вьетнама — туонг. Перенесемся к событиям трехвековой давности. В ту пору во Вьетнаме шла кровавая борьба за власть между различными феодальными группировками. Притязания на трон лидеров враждовавших кланов выливались в непрерывные междоусобные войны. Одно за другим вспыхивали крестьянские восстания. Эта сложная историческая обстановка нашла свое отражение в литературе и искусстве XVII—XVIII веков. И в этот период достигает своего расцвета национальная вьетнамская опера — туонг.

Сохраняя живую связь с традициями народных песенно-танцевальных представлений, туонг приобрел все черты академического жанра. Специально для него написаны эпические пьесы «Шон Хау», «Там Ны», «Ли Фунг Динь», «Дао Фи Фунг» и другие. В них воссоздаются ожесточенные войны двух феодальных кланов: Чиней и Нгуенов; трагические судьбы многих семей, когда сын враждовал с отцом, брат шел против брата. Положительные герои этих драм ведут неустанную, полную жертв и лишений борьбу, страстно желая лишь одного — чтобы мир и спокойствие вновь воцарились на родной земле.

Вьетнамское сценическое искусство того времени утверждало идеал героической, рожденной для больших дел личности, личности, преисполненной патриотических чувств. Эти пьесы отличались четкой композицией, действующие лица резко делились на добрых и злых. В прошлом веке после захвата Вьетнама Францией патриотические и гражданские идеи вновь зазвучали в лучших пьесах театра туонг. К этому времени относится творчество известного драматурга и театрального деятеля XIX века Дао Тэна. В соавторстве с другими драматургами он написал две серии пьес для театра туонг: «Куан Фыонг» и «Ван Бао». Каждая из них была рассчитана примерно на сто представлений.

В начале нынешнего века появились и комедии, бичующие верноподданничество и слепое подчинение, предписанные феодальной идеологией. Так возник народный театр туонг до. В кругах вьетнамской интеллигенции этот театр называли революционным. В нем сознательно нарушались каноны классического туонга. Во многих пьесах главными действующими лицами стали персонажи из народа, высмеивавшие феодальных вельмож.

Либретто писались ритмической прозой со стихотворными строфами. Действие пьесы не разделялось на акты, а длилось непрерывно, сопровождалось звуками барабанов, тамбуринов, струнных инструментов.

С музыкальной точки зрения партии певцов в опере туонг — это не законченные арии, а импровизации на заданную тему. Артисты сами изменяют ритм и мелодию в зависимости от развития действия и различных сценических ситуаций. В танце все движения актеров стилизованы. Жесты и мимика имеют символическое значение.

В туонге гармонически сочетаются музыка и танец, пантомима, древние культовые и обрядовые ритуалы. Гримируясь, актеры применяют только три цвета — черный, белый и красный. И наконец, о принципе условности: место и время действия пьесы определяются не декорациями, соответствующими той или иной эпохе, а становятся ясными из диалога участников спектакля.

— Еще не так давно считалось, — отмечал Динь Куанг, — что туонг связан исключительно узкими рамками и пригоден для постановки пьес только на

исторические сюжеты. Однако теперь в Северном и Центральном Вьетнаме уже доминируют спектакли на современные темы. В этом театре, как и в театрах тео и кайлыонг, современные пьесы занимают 50—70 процентов репертуара. Но конечно, и лучшие исторические произведения остаются украшением туонга.

...Несколько дней спустя произошла наша встреча с Динь Куангом в театре города Хошимина. Надо сказать, долгие годы само здание театра, построенное еще в колониальные времена, использовалось при марионеточном режиме не по назначению и служило местом собраний сената и так называемой палаты представителей. Диктатор Нго Динь Дьем, закрывший этот театр в 50-х годах, заявлял, что, мол, «это здание слишком шикарное и большое, чтобы быть театром». Полиции сайгонского режима было легче устанавливать контроль над маленькими театрами и выявлять там инакомыслящих. И только после полного освобождения Юга здание театра вновь обрело свое первоначальное назначение.

Динь Куанг пришел сюда вместе с известным литератором Чыонг Бинь Тонгом — автором пьесы «Дуриан», поставленной театром кайлыонг. Бинь Тонг оказался большим поклонником этого вида сценического искусства Юга и глубоким знатоком его истории.

— Кайлыонг, «обновленный театр», — рассказывал он, — возник в годы первой мировой войны. Создание его связывают с искусством бродячих певцов, странствовавших по деревням и базарам Намбо — Южного Вьетнама. Они разыгрывали на улицах различные сценки, сами делали костюмы, сочиняли музыку. Эти актеры собрали небольшую труппу и дали первый спектакль в районе сайгонского центрального рынка на праздник Тэт 1919 года. Новая форма музыкального театра уже в начале 20-х годов завоевала широкую популярность среди городского населения, а к 1930 году получила распространение и на севере страны. Некоторые театральные критики того времени даже заявляли, что кайлыонг угрожает вытеснить со сцен Ханоя, Хайфона и Хюэ традиционные тео и туонг.

Кайлыонг действительно стремился к обновлению сценических средств. Он ввел в свои спектакли много современных народных мелодий, перенял ряд элементов европейского театра: декорации, занавес, сцену,

световые эффекты, разделение спектакля на акты, освободил игру актеров от подчеркнуто условных приемов. Репертуар на первых порах формировался за счет переработки пьес туонга. Со временем, приспособляясь к вкусам нового зрителя — городской буржуазии и учащейся молодежи, — кайлыонг ставил пьесы на сентиментально-романтические темы, инсценировал произведения отечественной классики. С конца 30-х годов под влиянием реалистической литературы и национально-освободительного движения стали появляться и спектакли злободневной социальной тематики с сатирической направленностью. В 40—50-х годах эти тенденции окончательно утвердились в кайлыонге.

— В последние годы после освобождения Юга и воссоединения страны, — говорил Бинь Тонг, — в театре кайлыонг поставлены интересные спектакли. Среди них — «Бриллиантовое кольцо» (драматург Туан Бинь, режиссер Си Хунг), «Король Чыонг» (автор Вьет Хунг, режиссер Нго Линь). С особой любовью была встречена общественностью пьеса «Нгуен Тхай Бинь» (драматург Нго Дык Тюйет, режиссер Бить Лам). В основу ее сюжета легла история молодого южновьетнамского патриота, схваченного охранкой и зверски убитого во время американской агрессии.

И еще об одном виде сценического искусства, известного лишь во Вьетнаме, поведал мне Динь Куанг — о бай тьой. Так во времена седой старины называли игру в карты, особенно распространенную в Центральном Вьетнаме в период празднования встречи весны. В такие дни в местах народных гуляний — перед храмами, на ярмарках, на площадях перед рынками — строились два параллельных ряда вышек (по 8 вышек в каждом ряду). Еще одну вышку, предназначенную для арбитров, управляющих ходом игры, устанавливали между рядами. Поначалу игроки просто выкрикивали наименования карт, но впоследствии, чтобы сделать игру более привлекательной, стали сочинять стихи и создавать песни.

— Мало-помалу песни бай тьой вышли за рамки игры, — говорил Динь Куанг. — Их стали петь в народе. Расширяя музыкальный строй песни, дополняя ее новыми мелодиями, бродячие музыканты вводили в текст песен новых действующих лиц из знаменитых

поэм. Сама форма исполнения песен приобрела название «циновочный бай тьой» (артисты пели перед слушателями, сидя на циновках). Постепенно этот вид бай тьой перешел в так называемый сценический бай тьой. Либретто писалось на основе старых поэм или важных исторических событий. Бай тьой высмеивал человеческие пороки, осуждал социальную несправедливость, воспевал любовь и человеческую верность.

В условиях дореволюционного Вьетнама этот вид народного искусства постепенно «перебирался» из города в деревню, а затем почти исчез. Во время войны Сопротивления французским колонизаторам бай тьой возродился и стал одним из действенных средств пропаганды в Центральном Вьетнаме. В более позднее время, когда в Южном Вьетнаме у власти находилась марионеточная администрация, бай тьой был задавлен проамериканской декадентской культурой. В Северном Вьетнаме этот вид народного искусства, возрожденный артистами народной армии, жил и развивался. Бай тьой широко использовал народные напевы, песни, поэмы, полифоническую музыку, декорации, костюмы. Миллионы зрителей на Севере, а после воссоединения страны и на Юге, с огромным интересом смотрели национальные оперы «Гром в Тэйнгуене», «Театральная труппа «Маленькая птичка», «Радость встреч» в исполнении артистов оперной труппы бай тьой Центрального Вьетнама.

Ныне становится все более многочисленным отряд мастеров национальной оперы бай тьой. Во Вьетнаме уже написаны теоретические исследования и учебные пособия по этому виду искусства.

Как последний акт прекрасного спектакля — знакомства со сценическим искусством Вьетнама — спектакль кукольного театра на воде.

Еще при династиях Ли и Чан (1009—1400 гг.) в районе пагоды Тхай, что неподалеку от Ханоя, в Шонтэе, родилась веселая игра с деревянными куклами, плавающими по воде. Постепенно игра эта вышла за пределы детских забав и стала «взрослым» театром кукол на воде. Во Вьетнаме нет недостатка в озерах и прудах. Только в столице их более четырехсот. И большинство из них использовалось для представлений, в ходе которых артисты находятся в воде за бамбуковым занавесом и манипулируют куклами. Зрители располагаются на берегу или на плотах.

Театр ставит спектакли на сюжеты сказок, веселых историй, исторических преданий. Куклы обычно делаются из дерева и покрываются краской, чтобы не портились от воды. В этом театре можно увидеть летающего дракона, извергающего воду, огнедышащих змей, танцующего павлина, летающую птицу и, конечно, черепаху, «играющую роль» той самой легендарной черепахи, что вручила национальному герою Вьетнама XV века Ле Лою меч-победитель. Здесь же вы увидите, как ловят рыбу, сажают рис, боронят поле, рушат зерно. И безусловно, внимание зрителей привлекают сценки национальной борьбы, катания на качелях, верховая езда, приручение игрушечных слонов, прыжки через огненный круг.

В кукольном театре на воде широко используются цирковые приемы, фокусы, «волшебные фонари», фейерверк. Перед началом выступления из-за бамбукового занавеса появляется «вечный клоун» — дядюшка Теу и поджигает петарды. Куклы выплывают на водную сцену. Все представление проходит под бой барабанов, под звуки национальных инструментов и песен. Иногда кукольный театр на воде выступает вместе с обычным кукольным театром, что значительно обогащает возможности спектакля.

Если подумать о вьетнамском театральном искусстве в целом, оно тем и замечательно, что вобрало в себя самые разные творческие манеры, и это многоцветье не может не радовать зрителя. Но рассказ о сценическом искусстве Вьетнама был бы неполным, если не вспомнить и о цирке.

Первой в Ханое в начале XX века выступила японская труппа, прибывшая на пароходе «Клара». Под сводами шатра собиралось до двух тысяч зрителей, которых привлекали танцы с веерами, жонглеры, танцоры на проволоке, клоуны и маги, проходящие через огненные кольца, ступавшие по лестницам из сабель. Цена входного билета колебалась от 0,1 до 0,5 пиастра. Для солдат, капралов и хорошеньких девушек — полцены! Тот, кто умещался на стуле, уплачивал полпиастра. За сидение на доске — 0,2, а на веревке — 0,1 пиастра. Стены в цирке были оклеены разного рода объявлениями и рекламными плакатами.

После циркового представления вечером зрители устремлялись к берегу озера Возвращенного Меча, где в 24.00 приходил на последний «водопой» «главный

пьяница» города (из числа французских военнослужащих). Губернатор в виде штрафа за пьянство приговорил его четыре раза в день пить по определенным часам вместо алкогольных напитков воду из озера Возвращенного Меча.

О том старом цирке и юмористических историях, что развертывались на берегах озера Возвращенного Меча в усладу колонизаторам, уже забыто. Современный цирк переехал из центра города в живописный уголок Ханоя, где раскинулся крупнейший в столице парк «Единство» (ныне парк носит имя В. И. Ленина). В брезентовый шатер, расцвеченный красными и голубыми лампочками, приходят каждый вечер тысячи жителей столицы. И многие из них знают, как была создана первая национальная цирковая труппа.

Это было более 60 лет назад. Совсем юношей судьба привела Та Зуй Хиена в годы гражданской войны в Советскую Россию. Вьетнамский актер, имевший многих друзей в революционной республике, проникся глубоким чувством любви к молодому советскому цирковому искусству. Вернувшись на родину, он стал практически создателем современного вьетнамского цирка. Во время войны Сопротивления с колонизаторами труппа Хиена давала представления перед бойцами вьетнамской Народной армии, жителями освобожденных районов, контролируемых патриотами.

После октября 1954-го труппа Та Зуй Хиена была преобразована в центральный народный цирковой коллектив. С каждым годом росло мастерство актеров. Большинство из них получили профессиональную подготовку в Советском Союзе.

Взрывами аплодисментов встречают ныне зрители клоунов Нята, Ван Фу и Лыу Ана, знаменитых укротителей Та Хуанга и Та Ким Нгока, гимнастку Ким Тхань, которая уже двадцать лет считается «королевой» ханойского цирка.

ЩЕДРОЕ СЕРДЦЕ ХУДОЖНИКА

Неподалеку от живописного ханойского озера Тюенкуанг — озера Светлой Лодки, на улице Нгуен Тхыонг Хиен, под самой черепичной крышей на третьем этаже дома номер 10 — балкон. Каждое утро на него выходит высокий пожи-

лой человек, чтобы полить цветы и оглядеть свою уникальную коллекцию орхидей. Эти растения, живущие, как правило, на вековых деревьях в джунглях, привез он из разных районов Вьетнама. Орхидеи с севера страны распускаются в январе — феврале, и самое бурное их цветение совпадает с Тэтом. Орхидеи с юга республики испускают особенно нежный аромат летом и осенью. Но аромат этот никогда не добирается из глубин тропического леса до равнин, и поэтому называют его «ароматом, развеянным ветром».

Я часто приходил в этот дом, часами просиживал в «орхидейном саду» на балконе, беседуя с хозяином — замечательным вьетнамским живописцем Чан Ван Каном и его талантливой ученицей и другом Чан Тхи Хонг. Когда над городом опускалась ночь, мы перебирались с балкона в комнату, что служит и мастерской и гостиной. Усаживались на миниатюрные бамбуковые стульчики за такой же маленький стол. Рядом керамическая ваза метровой высоты выглядела гигантом.

На стенах до самого потолка развешаны работы художника, старинные свитки. На стеллажах среди книг по искусству расставлены керамические фигурки — скульптуры, сделанные из розовой глины руками Хонг. Ее имя в переводе означает Роза. «Роза, любящая орхидеи», — улыбнулся я набежавшей мысли.

В мастерской всегда можно увидеть еще не законченные работы мастера и его ученицы. На столе — десятки эскизов. Появлению каждой новой картины предшествуют месяцы, а иногда и годы труда. В Ханое, пережившем военные десятилетия, пока не хватает электричества. И вся мастерская художника освещается одной лишь лампочкой. Изобретательный Кан подвесил ее на длинном шнуре, а в качестве абажура использует кусочек фольги. Балконную дверь художник тщательно закрывает, стараясь избежать сквозняков. Я спросил:

— Зачем? Ведь в комнате в сорокаградусную жару душно.

Кан ответил:

— Я бы рад держать двери открытыми. Но лаковая живопись протестует. Пылинки могут осесть на работу, и все будет испорчено.

Так до глубокой ночи работает председатель Союза художников СРВ Чан Ван Кан, посвятивший ис-

кусству уже более чем полвека своей интереснейшей жизни.

Наше знакомство состоялось почти двадцать лет тому назад. Шла ожесточенная война. Американские бомбы уничтожали вьетнамские города и деревни, и все население особого уезда Виньлинь, что на 17-й параллели, было вынуждено жить в блиндажах, глубоко под землей. В одном из блиндажей, куда нас определили на ночлег, я увидел человека, склонившегося над мольбертом. Свет от свечи бликами ложился на его худое лицо. Прищуренные глаза не отрывались от полотна. (Он тогда работал еще без очков.) Пряди густых волос ниспадали на высокий лоб. Он то и дело отбрасывал их назад и привычным движением смахивал росинки пота с большого, я бы сказал, орлиного носа. Художник был весь погружен в работу. И казалось, ничто и никто в том блиндаже не существовал для него.

Вдруг от разрыва бомбы с потолка посыпалась земля. Он аккуратно смахнул ее с холста и, видимо, только тогда заметил, что в землянке кто-то есть.

Я смотрел на набросок будущей картины «Мать в подземелье» и не мог оторвать глаз. Молодая женщина прижимает к груди плачущего младенца. Над ее головой — растрескавшиеся бревна убежища. В углу, над чугунком, — винтовка. Тревожно дрожит огонек свечи, отражаясь желтыми пятнышками в глазах матери. И будто ощущаешь ее боль и гнев, ее презрение к тем, кто угрожает ее младенцу, ей, ее родине разрушением и смертью. Мне невольно вспомнились ставшие знаменитыми слова одной из матерей Виньлиня: «Плачь громче, сынок! Пусть враг знает, что мы живы!»

Беседа с художником в ту ночь во фронтовом блиндаже стала как бы первым шагом на пути к многолетней теперь дружбе. Я с удивлением узнал тогда, что Чан Ван Кан родился в 1910 году. А мне-то показалось, что художнику не более сорока! Спокойные, размеренные движения, спортивная походка, крепкое рукопожатие, тихая, будто шепотом, манера говорить, нежный с грустинкой взгляд.

Постепенно из его рассказа выстраивались страницы биографии. Его детство прошло в уезде Киенан провинции Хайфон. Он с тоской припомнил отеческий дом, находившийся неподалеку от берега реки Там-

бак — реки Трех Серебряных Истоков. Там когда-то была пристань со странным названием Глухой Француз. Теперь нет ни родного дома, ни той пристани. Они были разрушены во время первых же налетов американской авиации на предместья Хайфона. Сгорела кровля, под которой были сделаны первые его рисунки.

Тот хайфонский дом, утопавший в алых цветах ибискус, навсегда покинул Чан Ван Кан в 1930 году и уехал на поиски творческого счастья в главный город Тонкина Ханой. Только там находилась единственная в колониальном Индокитае Высшая школа изящных искусств. В его коричневом деревянном чемоданчике были кисти, краски, пара белья и книги вьетнамских энциклопедистов Нгуен Чая и Нгуен Зу.

Школа открылась в 1924 году благодаря усилиям французского художника Виктора Тардье *. Но прогрессивные веяния не смогли противостоять ветрам реакции, колониальному притеснению. Места в школе предоставлялись в основном выходцам из метрополии. А для коренных жителей Индокитая отводилось не более шести стипендий на каждом курсе. Чтобы быть принятым, юным вьетнамцам приходилось одолевать многочисленные препоны и рогатки, установленные колониальной администрацией для «индиженов» — туземцев, проходить сложнейшие лабиринты конкурсных экзаменов. Среди тех, кто сумел одолеть все испытания, был Чан Ван Кан.

За годы учебы, сталкиваясь с несправедливостью и злом, он понял, что колониальная зависимость — главная преграда на пути расцвета культуры его народа. Он, конечно, не отбрасывал достижений мирового искусства, напротив, пропагандировал его, приближал к условиям Вьетнама. Он воспринимал искусство французских и других западноевропейских мастеров кисти, но своим интеллектуальным учителем считал вьетнамского художника Нгуен Фан Тяня. Его пленяло умение Тяня тонко передавать на полотне поэзию крестьянского труда, быт народа, красоту вьетнамских полей. Кан знал, с какими трудностями сталкивался

---

* Большую помощь В. Тардье оказывал молодой вьетнамский художник Нгуен Ван Тхо (Нам Шон). Зимой 1925 года начались занятия класса живописи. Постепенно открылись и другие классы — скульптуры, архитектуры. Но вскоре Тардье отстранили от преподавательской деятельности.

в жизни Нгуен Фан Тянь, и открыто заявлял, что расцвет культуры и искусства вьетнамского народа возможен лишь в условиях подлинной независимости.

В 1936 году Чан Ван Кан принял участие в маевке, проходившей в Ханое. А несколько дней спустя вместе с тремя другими студентами выступил против унизительного обращения некоторых французов-преподавателей и самого директора школы изящных искусств с вьетнамскими учащимися. «Унижать человека за его происхождение — это унижать самого себя, — бросил тогда Кан директору в аудитории, заполненной студентами. — Чем ниже интеллект, тем больше самомнения и дутой напыщенности».

Директор Жонсеро был взбешен. И в результате в полицейском участке, что располагался неподалеку от школы, на неблагонадежного студента было заведено дело № 1242. Жонсеро был человеком крайне реакционных взглядов. Это он в интервью газете «Опиньон» заявлял: «Я прибыл в Ханой, чтобы готовить ремесленников, а не художников». При нем школа была реорганизована и стала называться Школой прикладного искусства, чтобы отвечать нуждам колонизаторов.

Чан Ван Кан окончил школу до ее переименования. Не получая постоянных заказов, познал и голод и нужду, с мольбертом за плечами он прошагал по дорогам через весь Вьетнам.

— Это были мои университеты. Бедность, нужда, труд — мои учителя в жизни, — говорил художник. — Именно в тот период укреплялись политические взгляды, вырабатывался и художественный почерк.

Все больше в своей работе он стал использовать лак — материал, издревле широко применявшийся в декоративном искусстве стран Юго-Восточной Азии для создания станковых картин. Вместе с художниками Нгуен Ты Нгиемом и Нгуен Шангом — также выпускниками Школы изящных искусств — он посвятил себя постижению традиций вьетнамского лака. Более четырех веков существования лаковой живописи во Вьетнаме (наиболее старая картина хранится в Шонтэе и относится к XVI веку) в ней безраздельно властвовали три цвета: золотой, красный и черный. Нгием, Шанг и Кан свергли это «троевластие». Нгием впервые в истории использовал в лаке зеленый цвет,

Шанг — голубой, а Кан совместил лаковую живопись с инкрустацией перламутром и яичной скорлупой: так появился белый цвет, что привело к созданию своеобразных и выразительных по своим решениям панно.

Лаковые работы этих мастеров словно притягивают, зовут притронуться к ним рукой.

— Впрочем, — улыбнется Чан Ван Кан, — только на ощупь знатоки определяют качество лаковой живописи. И только они с точностью скажут, сколько слоев лака нанесено на ту или иную картину.

...Сороковые годы были связаны с ростом революционной борьбы вьетнамского народа. И художники, среди них Чан Ван Кан, все решительнее обращаются к социальным и политическим темам. Лучшей работой тех лет Кан считает картину Хюинь Вам Гама, посвященную революционным традициям Сайгона, восстанию рабочих в столице Юга.

В годы второй мировой войны мысли Чан Ван Кана обращены к Стране Советов, к Великой Отечественной войне советского народа, к героической борьбе против фашизма.

Вторая мировая война не обошла стороной и Ханой. Пострадала и Школа изящных искусств. В 1943 году американский самолет бомбил расположение японской части, оккупировавшей столицу Тонкина. Однако пилот промахнулся, и фугас угодил в здание школы. Несколько вьетнамских студентов было убито.

В далекие сороковые годы ширилось революционное движение во Вьетнаме. Художник принимает в нем активное участие.

Чан Ван Кан незадолго до Августовской революции 1945 года вступает в общество деятелей культуры «За спасение родины», в канун разгрома японских милитаристов пишет политический плакат «Вьетнам для вьетнамцев».

Победа революции вселяет в художника-коммуниста неисчерпаемый источник вдохновения. В период войны Сопротивления он работал в партизанской зоне в провинции Бакзианг. Его гравюры и литографии, сопровождаемые стихотворными агитационными текстами, оказывали большое воздействие на рост патриоти-

Продолжение на стр. 97

СЛОВО *художника*

Л. ДУРАСОВ

10 лет назад Союзом художников СССР я был командирован во Вьетнам.

Сейчас, вспоминая двадцать восемь дней, проведенных во Вьетнаме, просматривая наброски, зарисовки, этюды, привезенные оттуда, и работы: живопись и графику, сделанные на основе этого материала, хочется сформулировать, что же было главным в моем восприятии всего виденного там.

Во-первых, с первого шага по вьетнамской земле время для меня изменило свой характер. Каждая минута стала иметь все три измерения, стала емкой, весомой. Иногда я ловил себя на мысли, что не худо бы мне превратиться в кинокамеру, которая снимает все, что попадает в поле зрения. Быстрая сменяемость картин перед глазами, напоминающая пушкинскую панораму въезда Лариных в Москву:

Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо бутки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри... —

казалось, должна ограничить меня перечислением предметов. А спокойная, эпичная величавость пейзажей (на дальнем плане) вызывала совсем противоположное желание — сию минуту остановиться на любом месте и не то что сидеть и рисовать здесь, а просто существовать, как эти дальние горы, холмы, деревья, люди, живущие вон в той деревеньке, затерявшейся среди бесконечных, залитых водой рисовых полей.

Разумеется, и до приезда сюда у меня было какое-то представление о Вьетнаме. Наши журналисты, писатели и кинооператоры потрудились немало. Но изобилие информации, сыпавшейся на меня постоянно, заставляло быстро найти какой-то новый тип усвоения всего, что я видел, слышал, чувствовал.

Да и те представления, которые я получил о Вьетнаме еще дома, здесь, обретши плоть и кровь, властно заявляли о своем праве на место в моей душе. И эти притязания ширились поминутно.

Можно подумать, что работа восприятия шла все время. Нет, конечно, были, как у каждого смертного, и часы отдыха, когда «аппарат» останавливался, пружины расслаблялись, и барабан, наматывавший пленку впечатлений, медленно вращался

Портрет ветерана национально-освободительной борьбы Зыонг Дан Лонга с внуком. Деревня Фунгок. Провинция Каобанг. Север Вьетнама. В 1941 году Зыонг Дан Лонг был связным между местными подпольщиками и Хо Ши Мином, скрывавшимся от французских колонизаторов неподалеку в пещере Пакбо.

Пограничный пост на реке Бенхай. Семнадцатая параллель. Командир заставы и часовой. Во время войны застава и мост приняли на себя лавину бомб и ракет. За рекой освобожденная зона, провинция Куангчи.

вспять. Эти ночные часы были любопытным этапом все той же работы, когда сетчатка глаза вдруг помимо моей воли воссоздавала что-то основное, доминировавшее своим постоянством в течение прошедшего дня. Иногда это были лица, внимательные, серьезные, обступившие со всех сторон, с каким-то ожиданием глядящие на меня. А часто это была дорога, залитая солнцем, отражающая солнце, сама светящаяся, как солнце. Дорога, которая, как ей положено, уходит вдаль. И вдруг разворачивается и идет на меня, выгибая свою блестящую драконью спину, неся за своими обочинами быстро сменяющиеся (а может, повторяющиеся) картины быта, так не похожего на наш, всю экзотику с пальмами, бананами, дотами, каналами, пагодами, зенитками, мостами и паромами.

Зенитчики Намдиня. Расчет, сбивший во время одного из последних налетов морской бомбардировщик. Артиллеристы, из-за ранений выбывшие из армии, сейчас зенитчики-ополченцы.

Город Намдинь, центр провинции Намха. Общежитие текстильщиков, так же как и весь город, пострадавшее от бомбардировок. Рухнувшие перекрытия, согнутые бетонные опоры. В боковом уцелевшем крыле в окнах дети, жизнь.

Тело машинально заново воспринимает тряску и толчки «газика», карандаш в ритме этой тряски прыгает по листку блокнота, пытаясь схватить силуэт велосипедиста с девушкой на багажнике, которая бережно держит карабин, запомнить хоть одним штрихом буйвола, по ноздри ушедшего в воду придорожного канала, быстро обежать группу людей в белом с какими-то яркими флагами («Буддистские похороны», — говорит мой переводчик Тай). Впереди две старые женщины хлопают пустыми половинками кокосовых орехов наподобие кастаньет.

Экзотика? Да, наверно. Густолиственные деревья, грузовики, до колес закрытые свисающими банановыми листьями, велосипеды, до ободьев нагруженные всякой кладью, закопчен-

В хините председателя кооператива деревни Виньмок. Округ Виньлинь. Тусклый свет коптилки сменил вечернюю синь. Неторопливый, скупой рассказ о минувшей войне, о суровой жизни деревни, оказавшейся на переднем крае республики.

Дорога номер один. Провинция Хатинь. Одно из самых узких мест Вьетнама. Слева море. Справа хребет Чыонгшон. По бокам дороги среди воронок ржавые остовы грузовиков, сплющенные силой взрыва автоцистерны.

Можно догадаться, какой шквал огня бушевал здесь во время всевозможных «ковровых» бомбардировок, когда Б-59 с космической высоты сыпали бомбы, идя на север.

ные дома Ханоя, увитые огромными бледно-розовыми цветами, харчевни, обдающие запахами неведомых специй, девушки в остроконечных шляпах. Все это, конечно, я вижу в первый раз. Видимо, в этом можно запутаться, как муха в паутине, и будет одним этнографическим опусом больше.

Но смотри, как это знакомо. Почти такие же заплатанные гимнастерки, разбитые бомбардировкой пакгаузы и железнодорожные узлы видел когда-то давно и, хотя сам щеголял не в такой панаме «освобождение», а в отцовской пилотке, но вся ситуация и самый дух напоминают далекие годы детства.

Да, это похоже. Та же тяжесть военного быта, та же надежда и, наконец, ощутимый вздох всех, всего народа, после тягот войны увидевшего мир.

Ханой. Вечер. Со стрекозиным шуршаньем течет река велосипедистов — ханойцы возвращаются с работы.

Опираясь на бамбуковую грость, бредет старик в пальто с поднятым воротником, в шапке-ушанке. На тротуарах торговки всякой снедью с миниатюрными керосиновыми лампами. Между ними и открытыми люками бомбоубежищ-колодцев (на одного человека) носятся стайки неугомонившейся босоногой ребятни.

Дети Каобанга. Где бы то ни было, стоит остановиться «газику», как его со всех сторон обступают, облепляют дети, с любопытством встречающие каждого дорожного человека.

Неудивительно, что первое, что было мной сделано после поездки во Вьетнам, была серия офортов «Воспоминания детства (1941 — 1945 гг.)».

И после в мастерской, когда сидел над офортной доской или перед начатым холстом, единственным методом была возможность попасть опять в душевное состояние, несущее в себе максимальный комплекс впечатлений от вьетнамских дней, вернувших меня в далекое мое прошлое.

Вспоминаю первые минуты на вьетнамской земле.

Наверно, именно они легли определяющими чертами на весь клубок моих будущих впечатлений. Поэтому хорошо бы не проронить ни одной детали, ни одного полутона в картине, разворачивающейся за стеклом машины.

На обочине дороги работает молодежная ремонтная бригада. После я много видел и рисовал эти хрупкие девичьи фигуры, танцующей походкой несущие гравий в корзинах на коромыслах. Но эта бригада — первая в моей жизни, поэтому особенно запоминается ритм интервалов между фигурами, выстраивающий всю картину в определенное подобие древнего фриза. После я узнаю, что тяжелые корзины диктуют семенящий, бегущий шаг.

Вдоль озера Возвращенного Меча ползет перегруженный трамвай с двумя прицепами. Под тенью высоких деревьев, нависающих над озером, полузасыпанные бомбоубежища. Рядом группа ребят играет в футбол без обычного шума и крика.

Вечер. В быстро наступивших сумерках отражаются в озере городские огни, лиловое небо зигзагами чертят летучие мыши. Вслед за потоком велосипедистов попадаю в пригородные улицы. Вот из темноты выделяется угол дома, сильно освещенный лампой, свисающей на шнуре. У водоразборной колонки женщины на корточках стирают белье на цементной плите. Их тонкий говор напоминает птичий щебет. Из переулка за ними надвигается силуэт буйвола, запряженного в двуколку.

Что, уже готовая композиция?!

Впереди предстояло увидеть много такого, что само как будто укладывалось в привычные композиционные схемы, но на самом деле требовало новых решений, когда объект и среда равно становились действенными и требовали равно активного отношения.

Будь то древний, как мир, крестьянский труд под палящим солнцем или в промозглом утреннем тумане, где руки привычно поднимают и опрокидывают корзину, перекачивая воду из канала в междурядья, а ноги скользят по оплывающему глиняному пласту.

Или усилия бронзовотелых ремонтников на железной доро-

ге, в шесть рук ломом толкающих со скрежетом тяжелый рельс по гравию насыпи.

Конечно, далеко не все эти впечатления удалось хотя бы обозначить в путевом блокноте. Тем больше было, наверно, тщетное желание отложить все это где-то внутри себя. А уж зафиксированное хотя бы бегло было для меня бесконечно важно.

Даже мотивы, не обретшие впоследствии законченного выражения, хотелось удержать пускай в сыром виде.

Наверно, поэтому и была предпринята попытка свести наброски, сюжетно никак не связанные между собой, на одном листе, где они держались бы уже по своим законам.

Думаю, что вся эта сумятица из более или менее ясных решений и легла в основу графических серий и живописных вещей, сделанных мной после, в Москве.

В графике я старался сохранить все черты поденной, сиюминутной репортажной передачи. В ту весомую вьетнамскую минуту, о которой говорилось выше, должен был войти легко и естественно кусок, часть всего, что довелось увидеть.

Такие материалы, как офорт и литография, наилучшим образом годились для этой цели. Разумеется, эти материалы предъявляли свои требования, и их вещная сущность заставляла меня сгущать и разрежать по-своему вес черного и белого — основные средства.

И еще о репортажности. Сейчас принято с некоторым пренебрежением говорить об этом качестве, противопоставляя ему скороспелые обобщения, несущие порой явно заемные черты стилизации, к делу отношения не имеющие.

Забывается при этом, что цикл офортов Франсиско Гойи «Ужасы войны» (цикл, слава богу, не вызвавший эпигонства) есть не что иное, как репортаж с места событий, потрясавших родину художника. Впрочем, видимо, для любителей тонкой стилистики названный пример слишком примитивен.

Опять перебираю путевые блокноты, портретные зарисовки, скоротечные этюды, на каждый не больше тридцати минут.

Таков был ритм работы, такова была специфика этого путешествия от Ханоя к северным границам республики и потом к 17-й параллели, служившей тогда южной границей ДРВ.

Вьетнамская дорога! То ты идешь по дамбе над залитыми водой бесконечными рисовыми полями, то вбегаешь в горные районы, где на смену красной пыли глинистых долин приходит серебряная пыль щебенки, лишающая красок и придорожные бананы, и высокий ковыль, покрывающая пешеходов, буйволов, тянущих на двуколке со сплошными деревянными колесами огромные кряжи, сваленные в джунглях.

Дорогу опекают и оберегают. Молодежные бригады в горах и на равнинах постоянно подравнивают, присыпают гравием, трамбуют и вытягивают дорогу из придорожных канав и каналов.

Вот дорога перешагнула через воронку от бомбы, а вот воронка непомерно велика, до краев наполненная грунтовой водой, и дорога огибает ее.

Пешеходы, пешеходы без конца. Идут в ремонтные бригады девушки, нагруженные котлами, кирками, лопатами. Возвращаются в часть из побывки солдаты с тяжелыми рюкзаками, с длинными мешочками вареного, «прощального» риса через плечо.

За каналом в глинистой жиже вереница буйволов, понукаемая женщинами, тащит бороны. «Остановись!» — умоляю я водителя Доу и, схватив альбом, балансируя на узкой меже, бегу по рисовому полю. Женщины недовольно останавливаются.

— «Тай-ой — кричу переводчику на вьетнамский манер, — скажи им, чтоб двигались по-прежнему».

И пока на шоссе не создалась пробка из остановившихся полюбопытствовать, с наслаждением набрасываю контуры буйволов и женщин, налегающих на бороны.

И опять «газик» то грохочет по заново наведенным мостам и мостикам, то берет вброд небольшую протоку (мост рядом еще не восстановлен), то замирает в ожидании у парома через многоводную реку.

Паромщик Нгуен Фыу Тунг переправы Бэнтхюн, что у города Винь, был тяжело ранен, когда его катер, толкавший паром, наскочил на одну из плавучих мин, которые американцы, не полагаясь на меткость своего бомбометания, сбрасывали в реку около переправы.

Рисую его около парома, на который в это время грузят трактора, доставленные из Советского Союза.

Выше к городу, у дороги, отгороженный участок с табличкой: «Неразорвавшаяся бомба!» А дальше ТЭЦ города Винь, когда-то построенная с помощью Советского Союза. Станция полуразрушенная прямыми попаданиями. Из трех агрегатов работает один. Он работал и во время жесточайших налетов.

Но вот переправа позади. Дальше дорога пойдет ближе к морю. Справа поднимутся синеющие лаосские горы. Самое узкое место Вьетнама.

Здесь дорога со своим покрытием разрушена недавно пролетевшим тайфуном. Море рядом, за грядой дюн, у которой прилепились небольшие деревеньки, перенесшие и тайфуны, и наводнения, и обстрелы с моря. Изредка на дюнах возвышает-

ся сумрачный, с прищуренными глазами-бойницами темно-серый дот.

А около этого еще французами выстроенного трехэтажного дота, на перекрестке дорог, ветер развевает полотнище с надписью «Ремонт велосипедов», видна дорожная харчевня и парикмахерская. Дорожный люд отдыхает, обсуждает последние новости.

Ребятишки, сидя на корточках, грызут стебли сахарного тростника. Но вот они насторожились, а потом поднимаются с земли и начинают окружать остановившийся «газик» с ханойским номером.

Пограничный пост на реке Бенхай. Семнадцатая параллель. Пишу командира заставы и часового. На заднем плане обрушенные стальные фермы моста и заново наведенный понтонный. Солнце село, провожатые торопят, надо ехать.

Оборачиваюсь и натыкаюсь на живую безмолвную стену людей, наблюдающих за моей работой. На глиняном пригорке пирамидой стоят молодые ремонтники, крестьянки из ближних сел, четко силуэтясь на оранжевом закатном небе. Сколько их было, таких случаев, когда я обещал себе написать потом эту группу, не имея для этого ни наброска, ни этюда. Что же поразило больше: красота группы, окутанной мягким вечерним светом, или доброжелательность десятков пар глаз, поощрительно и благодарно глядящих на мой труд? На это, видно, еще предстоит ответить: начатые холсты и картоны требовательно напоминают об этом долге, какие бы дела и интересы ни занимали меня сейчас.

Ветеран национально-освободительной борьбы Зыонг Дан Лонг с внуком.

Рыбаки провинции Намха.

Мостик. Провинция Нгеан.

На соляных разработках.

В доме-музее Хо Ши Мина.

На рисовых полях.

Обработка поля.

На перекрестке.

Семнадцатая параллель.

Сержант Муэн Тон Хай.

Зенитчики города Намдиня.

Намдинь. Общежитие текстильщиков.

Мост на реке Красной близ Ханоя.

В хижине председателя кооператива деревни Виньмок.

Прощание.

Дорога номер один.

Зенитчик.

Брод.

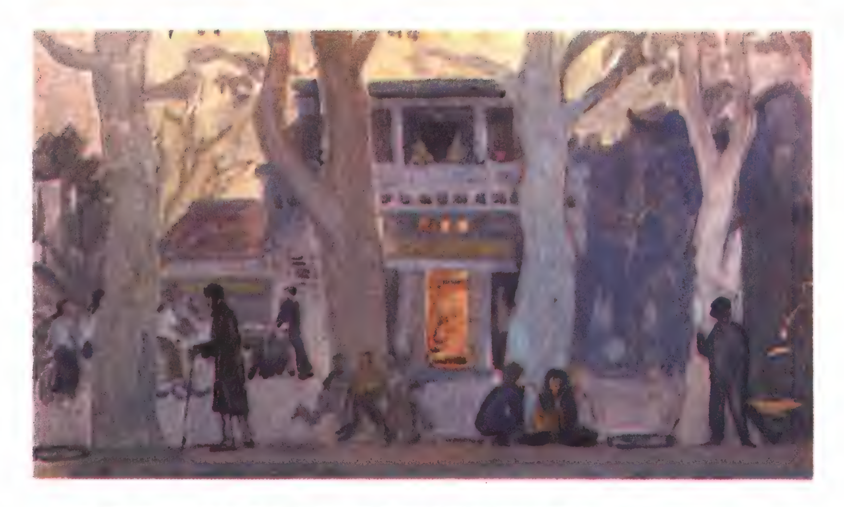
В пригороде Ханоя.

Железнодорожные ремонтники.

Работница с бамбуковой фабрики.

Вечер в Ханое.

Ханойский цирк.

Гончар.

Дети провинции Каобанг.

ческих настроений среди населения. В его картинах запечатлены места, памятные бойцам Сопротивления: «Улица Хыонг», «Дайты», «Селение Тхи», «Река Гам», «Река Ло», «Эвакуированные в пещере». На военных дорогах рисовал чем приходилось — авторучкой, огрызками карандашей, угольками.

В то суровое время он обращается к художественным приемам народного лубка. В своих работах Кан отходит от канонических сюжетов лубка из Донгхо. Не отбрасывая и старые символические образы (например, мальчик с петухом или гусем в руках символизировал доблесть и богатство), он иллюстрировал популярнейшие произведения фольклора и письменной литературы, искал новые формы и темы, посвященные борьбе вьетнамского народа. И в этом был тоже его вклад в победу над колонизаторами. Конечно, он возвращался и к старым традиционным формам.

За заслуги перед народом он был избран депутатом Национального собрания, возглавил Союз художников. После победы в первой войне Сопротивления Кан много ездил по стране, его впечатления отразились в картинах «На заливных полях» (1958), «Зима идет» (1960), «В шахте» (1961).

Но война снова пришла на землю Вьетнама. И труд художника, проводившего дни и месяцы на боевых позициях вместе с зенитчиками, отрядами самообороны, в ударных молодежных бригадах, превратился в солдатский подвиг. Чан Ван Кан работал в различных фронтовых районах, организовывал выставки, читал лекции. Герои его картин — солдаты, рабочие, крестьяне, представители национальной интеллигенции, строители нового общества, люди, обладающие твердым характером, свойственным вьетнамскому народу. Вспомните его картину «Мать в подземелье», которую он закончил уже в Ханое в своей мастерской, когда отгремела война. С огромной любовью художник показывает духовное богатство и внутреннее благородство своего народа, убеждает зрителя, что именно народ-труженик является истинным носителем гуманизма, воплощением идеала прекрасного. И такой народ непобедим.

Вьетнамский характер выстоял, победил, доказал свою непреоборимую силу. Я помню, в победном 1975-м Чан Ван Кан приехал в освобожденный Сайгон для организации филиала творческого Союза худож-

ников. В гостинице «Континенталь» он проводил встречи с южновьетнамскими мастерами кисти. Многие из них были хорошо знакомы с творчеством Чан Ван Кана. Каждое слово этого мудрого, тонкого человека ложилось на благодатную почву, находило отзыв в сердцах коллег. И не случайно, когда в первую годовщину освобождения Сайгона на улице Восстания открывалась первая художественная выставка, я слышал слова благодарности многих художников в адрес Чан Ван Кана. Он глубоко понимал психологический настрой своих коллег с юга страны и при анализе социальных процессов, проходивших в городе Хошимине, не допускал упрощенчества. Кан в работе с южанами отдавал себе отчет, что мировоззрение многих представителей интеллигенции было эклектичным. Оно формировалось под воздействием различных школ, которые характеризовались традиционализмом, испытывающим влияние как конфуцианских, так и буддийских обычаев. На них оказали свое воздействие буржуазный индивидуализм и утилитаризм. Неразвитость классового сознания и мелкобуржуазное мышление препятствовали правильному восприятию идей социалистического общества. И потребовались большая выдержка, гибкость, умение так построить свои беседы, чтобы южане смогли понять цели и задачи нового общества во Вьетнаме, стать не созерцателями, а полноправными и активными его членами.

Большое признание получили работы Чан Ван Кана в Советском Союзе и других социалистических странах. В 1983 году он стал почетным членом Академии художеств Германской Демократической Республики.

В те первые годы после освобождения Юга многие художники выезжали из Ханоя в Хошимин, Дананг, Хюэ, чтобы оказать помощь коллегам-южанам, создавать полотна, запечатляющие великий народный подвиг — восстановление родины.

В мае 1975-го и Чан Тхи Хонг также отправилась в командировку на Юг. Она вернулась из поездки с серией скульптур, объединенных главной идеей — окончательная победа героического народа. Ее работы экспонировались затем в Центральном ханойском выставочном зале, что рядом с озером Возвращенного Меча на улице Чантиен. После вернисажа мы отправились с Каном и Хонг в Школу изящных искусств,

на территории которой жили наши старые и верные друзья — скульптор Зиеп Минь Тяу и его супруга Фыонг Зунг, также профессиональная художница, чьи лучшие работы выставлялись не только в Ханое, но и за рубежом.

В тот же вечер они готовились отправиться с ханойского вокзала Хангко в Хайфон и оттуда пароходом — в Хошимин. Тяу и Зунг — по происхождению южане, но столько лет им не доводилось видеть родной край. В Сайгоне почти четверть века одни, лишенные возможности даже переписываться с ними, находились старшая дочь и восьмидесятилетняя мать Фыонг Зунг.

В дорогу собрали лишь самое необходимое.

— Когда обоснуемся, перевезем нашу библиотеку, картины, скульптуры, — ласково говорил Тяу, обнимая жену. Фыонг Зунг украдкой вытирала слезы. Как мечтала она приблизить день встречи с самыми родными людьми!

— Разлука в течение десятилетий. Войны. Лишения. Подобная судьба постигла многие тысячи вьетнамских семей. Теперь страна воссоединена. Воссоединялись и семьи. Жены находили мужей. Родители — детей, — говорил мне Чан Ван Кан. — Как долго надо было уметь ждать!

Расстались Тяу и Зунг с семьей еще в 1947-м. В дни, когда страна, охваченная войной с колонизаторами, отмечала вторую годовщину образования республики, Зиеп Минь Тяу нарисовал картину, на которой был изображен президент Хо Ши Мин с тремя детьми, символизировавшими Север, Центр и Юг Вьетнама. Художник делал надрезы на пальцах и кровью написал эту картину. Более десяти месяцев добирался Зиеп Минь Тяу до горного Каобанга, где и вручил президенту свою работу. Художник создал с тех пор сотни живописных и скульптурных портретов президента Хо Ши Мина.

...Прошли годы. Старый Сайгон обрел новое название — Хошимин. Бывшая улица Пастера — ныне Нгуен Тхи Минь Хай. Дом 222. Здесь живет семья Зиеп Минь Тяу. Этот дом стал местом постоянных встреч художников, писателей, поэтов, музыкантов, артистов. 10 февраля, в день рождения Тяу, в белом двухэтажном особняке особенно многолюдно. Каждый из друзей пытается так распланировать свое время,

чтобы непременно оказаться в городе и принести букетик цветов в этот дом «трех лебедей» (222 — эти три двойки на калитке действительно напоминают плывущих по волнам лебедей). Кан привозит из Ханоя свои знаменитые орхидеи (вспомните об их бурном цветении в феврале); Хонг — неизменные розы, писатель Нгуен Туан — хризантемы, То Хоай — хюэ, любимые цветы Хо Ши Мина.

Тяу встречает каждого с трехструнным даном в руках. Затем все собираются, как и прежде в Ханое, в мастерской среди многочисленных скульптурных портретов, выполненных в гипсе. Чан Ван Кана усаживают рядом с... гипсовым «Чан Ван Каном». Друзья весело смеются: как точно подметил Тяу черты Кана — его орлиный нос, заброшенные наверх пряди волос, застенчивое выражение глаз, опущенные уголки губ. Справа, за спиной, как всегда, лукавое, доброе лицо Чан Тхи Хонг. Здесь же скульптурные портреты зарубежных друзей, и в первую очередь тех, кого Тяу считает своими учителями, — Вучетича, Томского, Кербеля.

— Их монументальные произведения, — говорил Чан Ван Кан, — оказали большое влияние на творчество Зиеп Минь Тяу.

Скульптор учился в Чехословакии и стал почетным членом Академии художеств ЧССР (диплом красуется на стене в гостиной рядом с грамотами, подписанными рукой Хо Ши Мина). Тяу неоднократно бывал в Советском Союзе и любит повторять фразу: «В Москве я дышу поистине чистым воздухом свободы и подлинного искусства. Я глубоко вдохнул этот воздух на фестивале молодежи и студентов в 1957 году и словно навсегда сохранил молодость духа».

Тем временем Тяу угощал нас душистым южновьетнамским рисом, национальными блинчиками тя с рыбным соусом ныок мам, а затем за чаем брал в руки дан и пел старинные песни.

— Ты преуспел в скульптуре, но в тебе пропал музыкант, — подшучивал Нгуен Туан. — Если бы мне пришлось делать твой скульптурный портрет, я ваял бы тебя с даном в руках.

— Но, к счастью, милый метр, тебе поздно менять оружие. Ты щедро одарил наш народ своей уникальной, я бы сказал, заповедной прозой, — подыгрывая себе на дане, ответил Тяу.

— Ничто никогда не поздно, — рассмеялся писатель. — Но в самом деле, если бы я не был писателем, то стал бы, наверное, художником или скульптором. От души завидую Тяу и Кану — их произведения, по крайней мере, не нуждаются в переводчике. Я «зачитываюсь» на выставках их картинами и скульптурами.

— А я завидую тебе, метр литературы, — ответил Чан Ван Кан. — Книги писателей издаются тысячными тиражами, а у нас из-под кисти или резца в конечном счете выходит лишь один оригинал. И невозможно его разослать друзьям сразу по многим адресам. А как бы хотелось!

— Полноте! Вы одинаково правы, — вмешался в спор Нгуен Чонг Лиен — старый моряк, друг литераторов и художников. — Ваши картины лаком и маслом, скульптуры, прекрасные книги — это вехи в искусстве Вьетнама. Все они складываются в одну сокровищницу нашей национальной культуры.

До позднего вечера не расходились друзья, говорили о своих планах, труде, встречах на дорогах Вьетнама. Как много и часто они приходили в жизни на помощь друг другу. Талант каждого в отдельности был необходим им всем вместе, вливался в один поток современной вьетнамской культуры. И понятно, что при встрече их речь полна доброжелательности, взаимопонимания, юмора.

...Как часто затем в Ханое, вспоминая о вечерах у Зиеп Минь Тяу, мы говорили с Чан Ван Каном о вьетнамском национальном искусстве.

* * *

— Восемь «ценных предметов» (бат быу), — говорил Чан Ван Кан, — служат в Индокитае для обозначения различных видов искусств. В старину их возлагали перед изображениями добрых духов в пагодах, теперь их можно увидеть лишь на рисунках и на изделиях традиционного народного промысла. Каковы эти «ценные предметы», символизировавшие таланты «людей широких познаний», как называли во Вьетнаме ученых, художников, врачей, литераторов, музыкантов?

Перья в шляпе просветителя означали, что их хозяин достиг степени доктора искусств. Две кисти, кни-

ги и шпага говорили о том, что их владелец может выступить на конкурсе ученых. Бурдюк с вином считался символом благосостояния. Корзина цветов служила источником вдохновения. Музыкальные инструменты (чаще всего флейта) будто наполняли воздух живительными прекрасными звуками. Ким кхань — камень, издающий звуки, заменял гонги и тамтамы в буддийских храмах и пагодах. И наконец, веер — вечный спутник всех восточных писателей и ученых.

Восьми «ценным предметам искусств» соответствовали восемь видов оружия, которые по ритуальным обычаям устанавливали перед входом в пагоды.

К восьми священным животным, птицам и рыбам, изображения которых можно часто увидеть в буддийских пагодах во всех уголках Вьетнама, относят дракона, феникса, единорога, черепаху, карпа, летучую мышь, льва и тигра. В эту почетную компанию нередко добавляют аистов или журавлей, без которых немыслимо оформление вьетнамских интерьеров. При этом дракон обозначает благородство, а в древние времена — принадлежность к королевской фамилии, феникс — знатный род, единорог — силу, черепаха — долголетие, карп — благополучие, летучая мышь — счастье, лев — защитник закона и покровитель священных храмов, тигр — символ силы земной в противовес дракону — силе небесной.

Не только животные, но и растения во Вьетнаме наделены определенными символическими значениями, отмечал художник. Например, веточка сливового дерева означает зиму, мак — весну, лотос — лето, хризантема — осень. На картинах художников как средневековья, так и современности сливовая веточка воплощает долголетие, лотос — духовную чистоту, мак — богатство, хризантема — силу. Бамбук — это древо земной жизни, философии, мудрости, умение преодолевать трудности.

Подробнее хочется остановиться на одном из бат быу — веерах. Для вьетнамцев веер имеет большое и широкое понятие, наделен особой силой, и каждое движение им может обладать определенным смыслом. Во Вьетнаме нечасто встретишь человека, который в сумочке или портфеле не носил бы веер. Веер — это его верный друг не только в жаркое время, но и постоянный... советник и собеседник. У веера есть свой

язык, свои манеры, привычки и даже форма выражения мысли.

Веер — это и театр, и объяснение в любви. А порой одно мановение веера служило знаком объявления войны.

«Трудно перечислить все функции, которые возложил наш народ на этот небольшой предмет ежедневного обихода. Чаще всего мы придаем ему лишь одно практическое значение — освежать лицо легкими потоками ветра в жаркий тропический день. Но для вьетнамца...» — так говорил мне Нгуен Туан.

«Моя душа открывается вместе с веером...» — так писал литератор Хюи Кан (однофамилец современного Хюи Кана, о котором шла речь) еще несколько веков назад. «Если любишь, приходи с парчовым платком и веером из листьев красного лотоса», — советовал юным влюбленным великий мыслитель Вьетнама Нгуен Зу. Полководец и поэт XV века Нгуен Чай рекомендовал дипломатам никогда не расставаться с веером. В ходе беседы стоявшие за спиной посланника телохранители благодаря одному лишь движению веера могли знать, как протекали переговоры. Веер передавал настроение дипломата: медленные спокойные движения означали взаимопонимание, радушие и сердечность в ходе беседы. Когда посланник быстро, но размеренно помахивал веером, это было знаком примирения, а в торговой практике — свидетельством положительного развития переговоров. Но если посланник внезапно складывал веер и поднимал его к лицу, то это означало — не миновать войны.

Разнообразно назначение веера, различны его формы и расцветки. И если народ Вьетнама наделил веер своеобразным языком символов, сделал из него самостоятельный театральный персонаж, обладающий своим характером, то сколько мысли и нежности должен был вложить человек, сотворивший сам веер. Предстояло отобрать нужные листья, травы и даже создавать новые краски. Утверждают, будто тысячелетие назад самыми ценными были веера из арековой пальмы. Там, где не росла арека, использовались листья пальмы ливистоны. Там, где не было пальмы, например в горных районах, применялся бамбук — вечный спутник, пожалуй, любого уголка вьетнамской земли.

А когда во Вьетнаме появились первые ткани, шелк и бумага, их, конечно, сразу же стали использо-

вать для производства вееров. В средневековье оправы для веера стали делать из буйволиных рогов и слоновой кости, на которые наносилась узорчатая резьба. В XV веке в Тханглонге появилась небольшая кустарная артель Танят. Сейчас неизвестно, в каком именно уголке города она находилась, но по сей день в Ханое есть небольшая улица, которая с древних времен носит название Хангкуат, что означает улица Вееров. С давних пор здесь живут потомки умельцев, даривших жителям столицы чудесные веера.

Как модница стремится к обладанию сумочкой или шляпкой, так и вьетнамец намерен иметь лучший веер. С веером кимлу пытаются конкурировать веера из деревни Хайен. В пригороде столицы Хадонге «царствовали» веера вай, в честь которых сохранилось название улицы. И вообще в предместьях столицы веера словно отвоевали своеобразные «зоны влияния». В уезде Зиалам, где еще лет восемь назад находился главный аэродром страны, люди горделиво обмахиваются веером во из местной деревушки Фонгву. Эти веера особенно охотно приобретают летчики военной и гражданской авиации. В уезде Тылием безраздельно властвуют веера ве. Их делают из перьев птиц и бамбука. Вы не встретите здесь крестьянина, который не носил бы с собой этот веер даже во время полевых работ.

Веером непременно пользовались мастера по производству керамических изделий.

— Керамика и фаянс, — говорил Чан Ван Кан, — стали своеобразным календарем, позволяющим вьетнамским ученым, ведущим раскопки в различных районах страны, весьма точно определять возраст находок. Изделия древних мастеров, обнаруженные в Куиньване, Дабуте, Майфа и Баса, насчитывают более 5—6 тысяч лет. Пожалуй, ничто для нас в XX веке не носит оттенков такой «новизны», как... археологические находки. На севере республики — в Хабаке и Тханьхоа, например, обнаружены печи по обжигу керамических изделий, относящиеся к бронзовому и железному векам. Керамика тех времен была желтовато-зеленой, цвета неспелого лимона. И изделия из нее были достоянием каждого крестьянского дома.

В XII—XIV веках керамические изделия обрели зеленоватый и светло-пепельный цвета. Об этом свидетельствуют кирпичи с нанесенной на них росписью.

Они найдены в древнем храме Биньшон в провинции Виньфу. На 1130 из 18 622 кирпичей нанесены изображения диких зверей, цветов, барельефы дворцов, храмов, бытовые сценки.

Одновременно в период династий Ли и Чан развивалось и производство фарфора. С XI по XIV век преобладал так называемый фарфор коричневатого цвета, а с XIV по XVIII век — фарфор голубых цветов, тайну изготовления которого свято хранили древние мастера.

В XV веке особую «власть» в древнем искусстве приобрел белый фарфор с темно-синим растительным орнаментом. Утверждают, что в этот период он перешагнул границы Вьетнама и отправился в заморские путешествия, достиг берегов Филиппин, Индонезии, а в XVI веке покорил сердца умельцев на Японских островах.

С каждым столетием видоизменялись, становились более изысканными линии и формы вьетнамских изделий из фарфора. Творения эти покрывались лаком сначала нефритового, а затем бледно-голубого цвета. Сложились и классические темы в украшении фарфоровых и фаянсовых ваз. Например, утка всегда находится среди листьев лотоса, олень стоит рядом с сосной, лошадь — с плакучей ивой, слон — у бананового дерева...

Постепенно в различных уголках страны стали образовываться свои традиционные центры по производству изделий из керамики, фарфора и фаянса. Так, два центра возникли под Ханоем — в уезде Тханьчи и деревушке Батчанг. Здесь искусство обжига керамики передавалось из поколения в поколение и наивысшего расцвета достигло во времена императора Зялонга (1802—1820 гг.). По обнаруженным письменным источникам, Батчанг основан примерно пять столетий назад. Само название «Батчанг» означает «слобода с сотнями печей для обжига пиал». Известность Батчанга объясняется тем, что здесь производились товары, необходимые в быту простому народу.

Вместе с Чан Ван Каном и художницей Чан Тхи Хонг мы побывали в деревушке Батчанг, что расположена в уезде Зиалам. Признаюсь, более любопытного селения я не встречал ни в одном из уголков Вьетнама. Здесь человек словно погружается в мир керамики. Серые, из керамического боя стены высотой в

2—2,5 метра укрывают от взора дворики домов. В извилистых улицах Батчанга едва могут разойтись два человека.

Легкий ветерок затерялся в пальмовых листьях, которые, будто зонтики, прикрывали от лучей жаркого тропического солнца керамические проулки. То здесь, то там из стены, которая кажется монолитом, можно при помощи ножа или бамбуковой палки вынуть керамическую пластинку. Перед взором открываются тайники прошлых столетий. В них местные жители, крестьяне, мастера сохраняли воду, еду, а также прятали драгоценности в случае вторжения захватчиков. Пластинка легко вставляется на прежнее место, и в сплошной серой стене почти не видно легкой трещинки.

Неделями простаивают у мольбертов молодые вьетнамские художники в двориках деревушки Батчанг, перенося на ватман рисунки керамических порталов, узорчатые фасады, линии «драконьих хвостов», венчающих крыши домов.

Чан Ван Кан и Чан Тхи Хонг знают здесь каждого умельца. Они непременно разыщут 80-летнего Хюиня, который уже давно на пенсии, но тем не менее с раннего утра, усевшись на корточках рядом с пареньком-подростком, показывает ему, как следует вращать небольшой станок, чтобы получить изящные глиняные формы.

— Каждому из этих станков не менее ста лет, — замечает старый мастер.

После обработки на станке изделие подвергается длительному обжигу, покрывается ровным слоем глазури. Ее нефритовый и коричневый цвета характерны для изделий Батчанга. Глазурь изготовляется из глины холао, смешивающейся с пеплом от сжигания шелухи риса.

— В ближайшем будущем, — рассказывал Чан Ван Кан, — мы думаем превратить эту деревню в музей отечественной керамики. Ведь искусство, характерное для Батчанга, не существует ни в одном другом уголке мира.

— Почему именно в этом районе Большого Ханоя родилось искусство керамики батчанг? — полюбопытствовал я.

Хюинь помял в своих ладонях комочек глины, улыбнулся в длинные седые усы и ответил:

— Тайна, видимо, кроется в комочке глины. Во всей округе вам не найти подобной. Эта глина определяет в первую очередь качество изделия. Народные умельцы в древние времена подметили ее чудодейственные свойства. Но что значат дары природы, если к ним человек не приложит свой ум, талант? И, наконец, руки, — он показал свои мозолистые ладони и добавил: — Еще необходимы особые кустарные станки. Их изобрели наши далекие предки, а затем станки совершенствовались из поколения в поколение.

Впрочем, керамические сосуды в дельте Красной реки делают умельцы не только Батчанга, — продолжал Чан Ван Кан. — Среди 36 старых столичных улиц есть улица Батдан, где многие века торговали посудой. Рассказывают, что здесь в старину стояли печи по обжигу глины. Сейчас их остатки можно обнаружить лишь в немногих домах. Но качество здешней глины было гораздо худшим. Способы производства изделий тоже не повторяли друг друга. Умельцы всегда хранили свои тайны и не передавали их «конкурентам». Но в целом все эти керамические изделия дельты Красной реки объединялись под общим названием до дан — изделия из обожженной глины.

С тех пор, бывая в традиционных вьетнамских центрах керамики, я пытался проникнуть в тайны этого древнего чудесного искусства.

Ключ к разгадке — в цвете и мотиве рисунка, качестве материала. Глиняная масса, которая после обжига превращается в тонкий фаянс, состоит из трех составных частей — каолина, кварца и полевого шпата. Различные пропорции этих частей сказываются на качестве фаянса. В междуречье Донгнай и Шонгбе, в районе Бьенхоа и Лайтхиеу свыше столетия назад сложился более молодой центр южновьетнамского фаянса и фарфора. Пожалуй, ни в одном районе страны не доведено до такой степени совершенство рисунков на батальные и исторические темы. На тонких стенках ваз вершат свои подвиги легендарные сестры Чынг, разящие иноземных захватчиков. В рисунках воплощено и народное лукавство, и выдумка, и душевная широта. Изделия Лайтхиеу и Бьенхоа представляют собой своеобразную эпоху в керамике. В Бьенхоа существует «Ателье керамического искусства». Местные мастера, которых насчитывается около 300,

утверждают, что краска на их изделиях не сотрется столетия, не потускнеет ни от огня, ни от воды. Здесь же производится и фарфоровая посуда.

В Центральном Вьетнаме, в бывшей императорской столице Хюэ, специалисты показывали мне книги, которые поведали о многовековой истории керамических изделий из обожженной глины дат нунг, превращенной в фаянс — сань и фарфор — сы. Эти изделия нежно-голубого тона обладают редким изяществом и совершенными формами. Фаянс в отличие от фарфора имеет мелкопористую структуру, легко впитывает и пропускает воду. Поэтому фаянсовые изделия служили для декоративных целей, а фарфоровые находили практическое применение.

Хюэ в XVII—XIX столетиях стал крупнейшим в Юго-Восточной Азии центром по производству фарфора. Стиль ваз, известный под названием «Голубой Хюэ», вошел в историю вьетнамской керамики и фарфора. Многие из ценнейших ваз в императорском дворце Хюэ погибли во время бомбардировочных налетов американо-сайгонской авиации на цитадель в период всеобщего восстания 1968 года. Один из хранителей ключей от Запретного пурпурного города, как именовали прежде королевский город, расположенный внутри цитадели Хюэ, показывал со слезами на глазах осколки этих ваз.

Эти потери невосполнимы. Даже при современной реставрационной технике невозможно восстановить чудесные творения мастеров. Эти вазы — история Вьетнама, гордость национальной культуры и искусства.

Но я видел в окрестностях Хюэ и осколки других ваз. В двадцатых годах вьетнамский император Кхай Динь, не придавая значения ценности ваз, приказывал разбивать их на мелкие осколки, из которых затем делались своеобразные мозаичные картины, предназначавшиеся для украшения его будущей усыпальницы. Этот монарх, отнюдь не относящийся к плеяде вьетнамских королей-патриотов, начал строить свою усыпальницу еще при жизни, в 1920 году. По его приказу были расколоты сотни ваз «Голубого Хюэ». Он создал свое так называемое «погребальное искусство из разбитых ваз» — чань мань сань.

— Разве этот король, приспешник колонизаторов,

мог ценить наши национальные богатства, — говорил Чан Ван Кан.

Пролетели годы. К 70-летию художника Чан Ван Кана в Ханое экспонировались 138 избранных произведений художника, картины лаком, гравюры, лубок деревушки Донгхо, чьи традиции возродили и развили Чан Ван Кан и его ученики. Большое внимание уделяет художник книжным иллюстрациям, созданию сборников работ лучших вьетнамских художников.

— Наша живопись подобна орхидеям, — задумчиво говорил мне юбиляр. — Нелегко в джунглях, на вершине вековых деревьев найти самые редкие, удивительные виды орхидей. Так нелегко и нам, художникам, отыскать кустарник кэйшон, из сока которого мы изготавливаем лак. А еще труднее передать наше искусство. Наш Вьетнам сейчас вырастил сотни молодых дарований. Десятки юношей и девушек оканчивают Институт изобразительных искусств в Ханое, постигают мастерство владения кистью и резцом в Хошимине, Дананге, Хюэ, Хайфоне и других городах Вьетнама.

Вьетнамские художники по своему характеру неутомимые путешественники и пытливые исследователи. В различных уголках страны отыскивают они новые растения и стремятся получить новые виды лака, которые бы расширили возможности их письма. Чонг Кием, например, завершил в последние годы такие работы, которые создают впечатление, будто видишь картины, выполненные маслом или по шелку. Работа художника Ким Донга «Рыбаки» по манере исполнения напоминает кисть французского мастера Фернана Леже. В различных выставочных залах Ханоя можно увидеть бамбуковые или тростниковые вазы, на которые нанесены рисунки лаком. Впервые в 70-х годах такие уникальные вазы стал создавать художник Динь Кханг.

По своему характеру вьетнамский народ исключительно тонкий ценитель прекрасного. В многочисленных музеях, на художественных выставках новый гражданин социалистического Вьетнама знакомится с сокровищами старинной и современной культуры. И не случайно, когда в июне 1975 года в Хюэ, в Институте изобразительных искусств, открылась первая художественная выставка. Чан Ван Кан одним из первых получил на нее приглашение. Тогда на выставке

было представлено всего около 60 работ, выполненных маслом, лаком и по шелку. И уже в сентябре 1975-го на второй выставке в Хюэ было свыше 100 работ местных мастеров.

В 1981 году в Дананге состоялась первая после освобождения Южного Вьетнама выставка картин художников провинции Куангнам-Дананг. Конечно, творческие встречи местных художников были и в 1979-м и в 1981 году. В них принимали участие столичные живописцы и скульпторы — Буй Суан Фай, Нгуен Ван Ти, Ван Ба, Нгуен Тхе Винь, Ле Конг Тхань, Та Куанг Бао. Но это была первая официальная художественная выставка. В ней приняли участие семьдесят семь профессиональных художников и любителей — люди разных возрастов и специальностей.

В первом зале были представлены эскизы Ха Суан Фонга. Молодой художник погиб в 1974 году, отстаивая свободу родины в боях с американскими агрессорами. Эскизы говорят о большом таланте живописца, не успевшего воплотить задуманное в законченных картинах. В остальных семи залах были представлены работы авторов, каждый из которых обладает своеобразным художественным почерком. Здесь картины художниц Нгуен Тхи Фи — «На реке Хан» и «Рабочий ритм», Тху Ан, пишущей на шелке, — «Раннее утро в Фунини», «Лодки на Ароматной реке», а также картины «На верфи» Фан Тянь Нгуена, «На строительстве дамбы» Нгуен Зюи Ниня... На выставке экспонировались и работы непрофессиональных живописцев. Среди них Ты Зюи — «Молотьба риса», «Вечер в Пятигорье», полотна Фо Дык Выонга, Нгуен Ван Тая... Более двухсот картин рассказали зрителям о жизни и труде наших современников, о богатстве и красоте природы Вьетнама.

* * *

Большое внимание вьетнамские художники уделяют возрождению традиционных народных промыслов и кустарного производства провинции Виньфу.

Издревле вьетнамцы производят изящные и красивые изделия из ценных пород дерева. Их покрывают лаком и инкрустируют перламутром. Истоки искусства инкрустации ученые находят в начале XI века и

считают, что родиной первых умельцев и художников, подаривших Вьетнаму долговечные изделия из дерева и перламутра, была деревушка Тюенми, лежащая западнее Ханоя, в предгорном районе провинции Хашонбинь.

В этой деревушке Чан Ван Кан поведал мне историю сподвижника вьетнамского полководца Ли Тхыонг Киета, разбившего в XI веке на реке Ньынгует полчища северных поработителей. После победы он поселился в деревушке Тюенми и посвятил остаток своей жизни искусству резьбы по дереву и инкрустации перламутром. Он создал большое панно, на котором выгравированы строки: «Враги осмеливаются нападать на нашу землю. Сердца северных захватчиков черствы. Их нравы жестоки. Но они будут непременно разбиты». Говорят, что именно это панно и положило начало искусству инкрустации перламутром.

Мастерство умельцев в деревне Тюенми передавалось от деда к внуку, прошло через многие столетия, чтобы стать достоянием сегодняшнего Вьетнама. Имя основателя этого древнего искусства, сподвижника легендарного Киета, как нередко бывает в истории, затерялось в потоке веков. Но искусство его живет.

В руках народных умельцев деревни Тюенми кусок дерева лим первоначально приобретал форму будущего изделия. Затем на внешнюю стенку резцом наносился рисунок — букет цветов или гордый аист, бытовая или батальная сценка, портрет того или иного национального героя. Затем мастер отбирал самые красивые, тонкие, играющие в лучах света небольшие кусочки перламутра. Они тщательно отполировывались и плотно, один к одному, закреплялись при помощи растительных клейких веществ. Это искусство, пронесенное через века, — гордость вьетнамского народа.

Вьетнамские художники создают своеобразные картины из перламутра на разнообразные темы. Эти картины с большим интересом встречают посетители многочисленных выставок как во Вьетнаме, так и за рубежом. Знатоки по фактуре изделий и качеству перламутра могут без труда определить, в каком именно районе Вьетнама создана та или иная картина.

Для строительства домов во Вьетнаме наиболее широко используется дерево лим, воан, чилой, сонг санг. Для мебели и отделки помещений — чак, чу,

сандаловое, камфорное и розовое дерево. (Наиболее тяжелое — это дерево чак. Его один кубометр весит 1150 килограммов.)

За искусством резьбы в Северном Вьетнаме последовало искусство покрытия дерева лаком. Считают, что оно возникло в провинции Футхо, где и по сей день высится пагода, поставленная в честь первого мастера Чан Тыонг Конга. Он обрел лик своеобразного святого для мастеров живописи. Конг проживал в Футхо в конце IX века. Память о великих мастерах бережно хранит вьетнамский народ.

* * *

— «Есть ли у камня сердце?» — не задавайте этот вопрос людям, что живут в предместье Дананга, у подножия горы Нгухань, — говорил Чан Ван Кан. — Их деды и прадеды были ваятелями. Они умеют чувствовать силу и красоту камня и, как они говорят, сердце камня, его верность и преданность, его способность давать пищу и огонь, предоставлять кров.

— Эти камни горы Нгухань были гордостью моих предков. Они — гордость моих внуков, — говорил старейший скульптор этого вьетнамского края Нгуен Тят, с которым меня познакомил Чан Ван Кан.

Его мозолистые корявые пальцы сжимали кусочек мрамора, красного, словно лепестки розы. Никто не ведает, с какой поры поселились у этой пятивершинной горы древние родственники Тята. Только от стариков еще во младенчестве он слышал легенду о том, что здесь когда-то опустился гигантский дракон. Он принес и бросил у золотых океанских песков пять огромных яиц, которые затем превратились в камень и стали пятивершинной горой Нгухань — горой Пяти Вершин.

В глубокой древности к горе пришли люди и обнаружили чудеснейший по красоте разноцветный мрамор. Камень этот дал людям огонь и талант, пищу и кров. Народные умельцы стали изготовлять изящные статуэтки, которые пользовались славой как при императорском дворе, в домах мандаринов, так и в ветхих крестьянских хижинах, в лачугах простолюдинов.

Проносились годы, столетия, но неизменно стучали молотки у подножия горы Нгухань, работал в ру-

ках людей резец, урчал старенький шлифовальный станок.

— Когда мне было десять лет, — вспоминал Нгуен Тят, — я начал познавать душу камня. Выбрать нужный кусок мрамора — это уже искусство. Но еще труднее проникнуть в таинства ремесла резчика и гравера, так говорили еще наши деды.

Наверное, сложно подсчитать, сколько тонн тяжелой породы перенесли за шесть десятилетий труда плечи Нгуен Тята, сколько прекрасных творений вышло из-под резца скульптора.

Порой он поднимался по скользким ступенькам, по которым, как помнит себя Тят, всегда низвергались маленькими водопадами веселые ручейки. Словно в каменной чаше, здесь приютилась старинная пагода Нон Ньок — пагода Камня и Воды. В годы далекой молодости у этого древнего строения Тят изваял четырехметровую скульптуру богини Куан Тхе Ам. Здесь он научился создавать маленькие статуэтки веселого будды Зюйлак.

— И чем труднее были годы, чем больше голод иссушал тело, — говорил убеленный сединами человек, — тем больше веселых будд с толстым каменным животом производили скульпторы.

В недалеком прошлом ни один американский сановник при сайгонском режиме не уезжал из Дананга, чтобы власти не вручили ему сувенир, сработанный из камней Нгухань. Но от этого у моих сыновей и внуков не прибавлялось риса в пиалах. «Мраморный дракон, глядящий на Луну», «Львы, опирающиеся на шары», «Три традиционных старца Лок, Фук, Тхо», символизирующих Доброту, Счастье, Долголетие, расхаживали широко по всей стране, но только от этого бедность и нищета так и не покидали наши хижины.

В далеком сорок пятом году лучи счастья осветили пять вершин горы Нгухань. И тогда Нгуен Тят создал свою первую скульптуру президента Хо Ши Мина. Но радость новой жизни, свободного труда была мимолетной. Вновь пришли в 1946 году колонизаторы, затем разразилась война, а потом на долгие два десятилетия на Юге обосновался марионеточный сайгонский режим.

Пагода Нон Ньок и гора Нгухань, мраморные ущелья и пещеры были, пожалуй, главными достопримечательностями окрестностей Дананга. Туристы с

раннего утра до позднего вечера бродили по тропам среди каменных исполинов. За несколько пиастров, буквально за гроши, скупали изделия, производимые Тятом и его семьей. И невдомек было старому скульптору, что плоды его труда считались уникальными в Америке и Европе, Японии и Австралии.

И вот весной 1975 года над Данангом взвилось знамя освобождения. Старый Тят покинул свою хижину у горы Пяти Вершин и отправился в Дананг. Вместе с другими жителями он встречал отряды Народной армии, входящие в город. У здания старой мэрии на бульваре Батьданг он видел своих каменных «Львов на шаре». Они больше не принадлежали марионеткам. Они стали достоянием народной власти.

— И у камня есть сердце. Даже камень узнает справедливость, — повторял старый Тят, обращаясь к солдатам-освободителям. Бойцы, не понимая, что имеет в виду старый скульптор, смеялись и отвечали ему:

— При чем тут камень, отец? Справедливость, ведь она дается людям.

— Вот именно людям, — настаивал Тят. — Именно настоящим людям, моему народу нужны теперь мои камни...

— После того дня, — продолжал свой рассказ Тят, — мы трудились всей семьей не покладая рук и послали в дар народному комитету Дананга несколько наших лучших изделий.

Ныне слава о скульпторах горы Пяти Вершин быстро разнеслась по всей республике. Им посвящают стихи поэты. О них пишут журналисты и писатели. Жители Дананга преподнесли первой сессии Национального собрания объединенного Вьетнама (июль 1976 г.) в дар скульптурный портрет Хо Ши Мина, исполненный ваятелем Нгуен Тятом.

* * *

Воссоединение страны открыло широкие творческие горизонты перед художниками СРВ. Сейчас в живописи социалистической республики превалирует тема мирного труда. В СРВ богатеет и растет сокровищница искусств, которой отдают свои щедрые сердца — Золотые колокола Вьетнама — деятели искусства и литературы. Благодаря им мы каждый год

узнаем новое из истории Вьетнама. Большая заслуга в этом благородном деле приходится и на долю археологов, многие из которых также связали свою жизнь с искусством, литературой и историей Вьетнама.

ТАЙНЫ ДЕЛЬТЫ, ГОР И ДОЛИН

— Почти тысячелетие в самом сердце дельты Красной реки лежит вьетнамская столица — хранительница преданий седой старины, город трудового народа, поэтов и зодчих, художников и ученых, цитадель, отбросившая от своих стен полчища поработителей, посягавших на свободу и независимость страны, — рассказывал мне директор Института археологии, известный во Вьетнаме поэт Фам Хюи Тхонг.

По преданию, небольшое уездное поселение на берегу Красной реки первым облюбовал для своей столицы герой народного восстания против северных захватчиков Ли Бон — основатель независимого государства Вансуан (544—603).

Несколько столетий спустя Ли Конг Уан (с него началась династия Ли, 1009—1226) в 1010 году решил перенести столицу из узкой долины Хоалы в заложенную Ли Боном крепость. Но, как рассказывают вьетнамские легенды, воды и тайфуны разрушили строения древней крепости. Король приказал принести жертвы небу, и тогда все увидели, как из пагоды Лонг До выбежала белая лошадь. Своими копытами она как бы очертила зону, безопасную для жизни людей. Здесь и вырос новый город, а пагода Лонг До стала называться пагодой Белой лошади. Она и по сей день находится на старинной улице Парусов. Изящное каменное изваяние лошади можно увидеть и в пагоде Фаттик, а в ханойской пагоде Чам находится статуя лошади из железного дерева.

Столице предстояло получить и новое имя из желания государя утвердить свою власть, стереть из памяти старые названия, данные завоевателями. Легенда предлагает свою версию: в то время как флотилия королевских судов приближалась к стенам крепости, из воды в небо поднялся золотой дракон. Король и назвал столицу городом Поднимающегося дракона — Тханглонг. Эта легенда в определенной степени отра-

жена и в королевском указе о перенесении столицы. В нем говорится, что для столицы выбрано такое место, откуда можно так же «свободно управлять королевством, как летает дракон, парящий над облаками».

Согласно давней вьетнамской традиции новой столице были выбраны свои символы. Император Ли жаловал духу реки Толить и духу горы Лонг До звания хранителей столицы. Дух реки Толить предстал в виде старца с посеребренными волосами, который внушал страх иноземным захватчикам. Лонг До явился земляным холмиком на берегу реки Толить, который назвали Пуповиной дракона, якобы соединяющей все живое с недрами земли.

Строительство Тханглонга началось в долине Красной реки: там требовалось насыпать дамбу, чтобы она защищала город от паводковых вод. Она же служила обозначением границы города. Ее назвали Латхань. По описаниям, сделанным в 1781 году энциклопедистом Ле Хыу Чаком, дамба Латхань представляла собой невысокую земляную насыпь, вдоль которой была построена стена; на насыпи — дорога; с внешней стороны — бамбуковый частокол, а перед ним — глубокий ров с острыми кольями на дне. Еще один ров проходил в центре столицы, вокруг Королевской крепости. С четырех сторон вход в Королевский град открывали ворота. Через них на аудиенцию к королю приходили важные мандарины. Для слонов и лошадей была сделана специальная аллея, довольно широкая. Для животных по обеим сторонам раскладывали скошенную траву. Улица, проходящая сейчас в этом месте, сохраняя память о прошлом, носит название Травяной. (Так называется и нынешний вокзал — Хангко.)

На территории крепости находился также Запретный град — резиденция короля, королевы и наложниц. Никто из посторонних сюда не допускался. Даже наследные принцы. Они жили в отдельном дворце за пределами главного королевского комплекса, дабы лучше узнать жизнь простого люда.

В 1514 году была проведена крупная реконструкция, в результате которой размеры Королевской крепости увеличились почти вдвое. Совсем недавно в квартале Двух сестер Чынг ученые обнаружили остатки бывшего императорского дворца Дойма, относящегося к периоду династии Ле (1428—1788). У дома

номер 3 на улице Фунг Кхоана стоят две колонны с парными изречениями. Именно они позволили установить, что здесь был расположен императорский дворец Дойма — Дворец смены императорских одеяний.

В период правления короля Тонга, примерно в 1663 году, был построен дворец Намзиао. Там короли один раз в три года приносили жертву богам. Но прежде чем прибыть в Намзиао, наместники Неба останавливались во дворце Дойма, где облачались в ритуальные одежды. Из текстов, найденных на стенах, следовало, что при Дойма был зоологический сад с редкими видами животных и птиц. Белые лебеди плавали в озерах с прозрачной водой. Грациозные павлины разгуливали по аллеям... Обнаружить сведения о дворце Дойма ученым помогли художники и литераторы. Они подметили, что в этом районе часто встречается фамилия Дао. Большинство из однофамильцев обладают высокими артистическими способностями, прекрасными голосами. Выяснилось, что не случайно: в районе Дойма некогда проживали актеры, служившие для увеселения королей. Дарование певцов и танцоров передавалось из поколения в поколение...

При династии Ле начинается интенсивное строительство богатых особняков. Их строят удельные князья (куоны): период обязательного проживания в своих вотчинах закончился — князья начинают жить в столице постоянно.

Следующая династия, династия Чинь (XVII в.), не довольствуется уже построенными дворцами. За время их правления был возведен целый дворцовый комплекс, насчитывавший 52 здания и находившийся между озерами Тавонг (одно из старых названий озера Возвращенного Меча) и Хыувонг — в районе нынешней Банановой улицы. Центр столицы переместился в район озера Тавонг.

В 1805 году император приказал разрушить старый королевский ансамбль и построить новый, меньших размеров. Через восемь лет к югу от крепости была возведена шестигранная Флаговая башня высотой в 60 метров по проекту архитектора Данг Конг Тята (тогда она называлась Мирадор).

В 1831 году к территории города были присоединены еще несколько окрестных «фу» и уездов. Так

сложилась провинция Ханой. Отсюда и современное название столицы — Внутренняя река.

Основным центром просвещения и культуры в Тханглонге (Ханое) оставался Храм литературы — Ванмиеу, первое упоминание о котором относится к 1070 году. Храм был посвящен Конфуцию и его последователям. В нем имелось богатое книгохранилище и собрание деревянных матриц для печатания книг. Здесь обучались только наследные принцы и дети знати. В 1076 году была создана Государственная академия — привилегированное учебное заведение для детей высших чиновников и князей. В 1263 году академия была преобразована в государственную школу, открывшую двери для способных учеников из всех районов страны. Эта школа стала первым государственным университетом. В 1484 году были созданы две террасы для стел, на которых высекались имена победителей на конкурсных экзаменах.

С 1442 по 1787 год должно было бы быть установлено 117 стел. Однако этих стел дошло до нас всего 82. Возможно, некоторые утеряны или не каждые экзамены удостаивались чести иметь своих победителей.

Но наибольшей архитектурной ценностью обладают вьетнамские буддийские пагоды, пожалуй, самые своеобразные, характерные для этой страны памятники старины. Их строительство началось в эпоху, когда буддизм был объявлен государственной религией.

Самая известная пагода на одной колонне — Мот-кот. Она считается символом Ханоя и построена в виде цветка лотоса с тысячью лепестков на столбе, стоящем в озере. Внутри пагоды скульптурное изображение богини Гуаньинь.

Одной из важнейших считалась пагода Древнего барабана (Донгко), сооруженная в 1028 году. Ежегодно 4 апреля по лунному календарю в ней собиралась вся знать, от короля до куанов. Этот день был самым большим торжеством в столице. Назывался он Праздником клятвы на бронзовом барабане. Все присутствующие давали клятвы и выполняли обряд верности престолу. Тот, кто в пагоду не являлся, подвергался денежному штрафу.

Самой древней в Ханое считается пагода Чинкуок, в ней отправляло культ высшее буддийское духовен-

ство. А самой большой — пагода Баоан, построенная в 1842 году на берегу Красной реки.

В провинции Хашонбинь, примерно в двадцати километрах от Ханоя, сохранилась одна из старейших пагод — пагода о ста залах, или пагода Шо. В ней действительно до сотни различных залов, в которых установлено 156 скульптурных изображений из дерева и глины. Наиболее известной в стране считается скульптура монаха — Суэт Шон (снежная гора), сделанная из хлебного дерева мит. С историей этой пагоды вьетнамский народ связывает свою длительную борьбу против северных захватчиков. Древняя легенда рассказывает о том, как буддийский монах Тхань Бой создал карающий огонь и красную, как кровь, воду, которые обрушил на врагов. Три дня и три ночи бушевал огонь, блистали молнии и неистовствовала вода. На четвертый день враг покинул вьетнамскую землю. С тех пор на четвертый день Нового года по лунному календарю в пагоде Шо проходит праздник в честь монаха и победы над северными захватчиками. В этот же день аналогичный праздник проводится и в Ханое, правда связанный с другим сражением.

...Весной 1789 года, на четвертый день после Нового года по лунному календарю, в юго-западном районе Ханоя войска тэйшонов под предводительством Нгуен Хюэ * разбили полчища цинского императора. Удар тэйшонов был столь внезапным, что им удалось уничтожить 200 тысяч северных захватчиков. Наместник Цэнь Идун, не перенеся позора, покончил с собой на холме Кеоко, а командующий войсками Сунь Шии бежал, побросав боевые знамена. В честь победы Баньяновый холм, как и весь Тханглонг, были украшены ярко-красными ветками цветущего персика. Люди говорят, что во исполнение приказа Нгуен Хюэ убитые враги были засыпаны землей. Так образовалось двенадцать могильных холмов, они и сейчас возвышаются в юго-западном районе Ханоя. Несколько лет спустя, в конце XVIII века, холмы были затоплены водами Красной реки, а потом здесь выросла баньяновая

* Нгуен Хюэ (1752—1792 гг.) с двумя братьями собрал повстанческую армию и укрепился в горном районе Тэйшон (Южный Вьетнам). Отсюда братья готовили восстание, получившее название «восстание тэйшонов». После победы над северными захватчиками Нгуен Хюэ провозгласил себя императором и взял имя Куанг Чунг. Нгуен Хюэ считается национальным героем Вьетнама.

роща. С тех пор люди стали называть это место Донгда — «Баньяновый холм».

Каждую весну, на четвертый день Нового года по лунному календарю, ханойцы приходят к холму Донгда, чтобы отметить победу вьетнамского оружия. У подножия холма собираются десятки тысяч ханойцев. На импровизированной эстраде начинаются праздничные представления. Под взрыв петард движется ритуальный желтый дракон. Вокруг танцуют артисты, на них национальные костюмы, одеяния воинов времен Нгуен Хюэ.

Неподалеку от холма Донгда, в небольшой пагоде Бок, установлена недавно обнаруженная статуя Нгуен Хюэ. Вообще на вьетнамской земле насчитывается более 200 пагод и храмов, посвященных этому национальному герою.

* * *

Несмотря на постоянные войны, вьетнамский народ всегда стремился к мирному труду. В стране продолжали развиваться кустарные промыслы, ремесла, торговля.

В XIV—XVII веках по указу короля ремесленники из различных деревень страны переселялись в Тханглонг. Постепенно образовывалась городская община, в которой бережно сохранялись профессиональные ремесленные навыки предков.

В XVII веке со всех концов страны в столицу купцы начинают свозить больше и больше всевозможных товаров. Первые базары устраивались за четырьмя городскими воротами. Торговля процветала, и вокруг столицы возникали все новые рынки. В конце XVIII века их было уже восемь. Но с XVI—XVII веков королевский двор стал накладывать запреты на поселение иностранцев. Им больше не разрешалось проживать в столице. В 1746 году последовал указ, запрещавший иностранцам останавливаться в Тханглонге даже на одну ночь. Но приток товаров в столицу не ослабевал. Этому способствовали и контакты с европейцами. Особое оживление царило на пристанях. «Лодок сновало такое великое множество, что причалить к берегу было невозможно, — писал в своей книге (изданной в Париже в 1781 году) профессор Ж. Ришар. — Европейские реки и торговые порты, взять

хотя бы Венецию со всеми ее гондолами и барками, не могут дать представление об оживлении, царящем на реке Кехо...»

В конце XIX века облик Ханоя сильно меняется. Еще совсем недавно возведенные здания были разрушены французскими колонизаторами. На их месте появились здания административного колониального аппарата. Весь центр Ханоя в конце прошлого — начале нынешнего века принадлежал колонизаторам. Чудесные дома строили вьетнамцы, а жили в них поработители. До сих пор остаются в Ханое, как и в других городах Вьетнама, католические соборы. Все улицы Ханоя носили французские названия и должны были, как и памятники, увековечить имена захватчиков, тех, кто грабил и унижал вьетнамский народ.

Сейчас в центре города улицы носят свои традиционные названия в соответствии с профессиями старых их обитателей: улица Вееров и Ювелиров, Зонтиков и Корзинщиков (эта улица удостоилась акварели известного французского художника Сезара); Шелковая, Духовых инструментов, Серебряный, Парусный и Барабанный ряды...

В Барабанном ряду во времена колонизаторов находилось «Общество умственного и морального совершенствования». Сейчас там открыты школы. Детвора в пионерских галстуках веселой ватагой вышагивает по улице, останавливаясь у небольших магазинчиков, где можно купить разноцветные воздушные шары, хлопушки, маски.

В губернаторском дворце, построенном в 1916 году, теперь вьетнамское правительство принимает высоких зарубежных гостей. Решетчатый забор перед дворцом остался прежним. Точно таким, каким он был в августе 1945 года, когда восставший народ штурмовал резиденцию губернатора Тонкина. Эта чугунная ограда — реликвия революционного прошлого ханойцев.

В цитадели и Флаговой башне при колонизаторах квартировал французский гарнизон. Ныне над Флаговой башней развевается знамя республики, а перед цитаделью — артиллерийское орудие, громившее колонизаторов. Здесь же находится музей Вьетнамской Народной армии.

Здание ханойской мэрии было построено в начале 80-х годов прошлого века. Вот уже тридцать лет депутаты народа руководят отсюда хозяйственной, обще-

ственно-политической и культурной жизнью столицы.

Еще совсем недавно Ханой состоял из четырех городских округов и четырех уездов в предместьях. Город занимал от гор Слона и Бамбука на севере до горы Тхайнинь на юге площадь в 597 квадратных километров и был населен примерно полутора миллионами жителей. Теперь в Большом Ханое живет свыше 2,5 миллиона человек, и раскинулся город на территории в 1122,8 квадратного километра. Сегодняшний Ханой — это важнейший политический, экономический и культурный центр СРВ.

* * *

Как-то, будучи в гостях у Фам Хюи Тхонга, я раскрыл старую книгу, автор которой, обращаясь к читателям 30-х годов, писал: «Друзья, вы не знаете Ханоя — города ваших отцов. Предан забвению храм Ту Уен. Уже не существует Восточного моста, и не несет больше свои воды река Толить...»

— Нет, не могу согласиться с автором, — пролистав пожелтевший том, заметил хозяин. — Как это было бы удобно нашим врагам, если бы мы не знали или забыли историю нашего Ханоя. Наш народ сумел не только выстоять и победить в многочисленных войнах Сопротивления с иноземными захватчиками, но и пронести, бережно сохранить свое древнее искусство. Искусство это укрепляет патриотический дух и национальное сознание нашего народа.

Познакомимся же с некоторыми из ценнейших памятников Вьетнама.

Чамские храмы в провинции Фукхань, насчитывающие до двух тысячелетий, — молчаливые свидетели сменявшихся цивилизаций и многочисленных войн, развертывавшихся в этих краях. После освобождения Нячанга 4 апреля 1975 года (главного города провинции Фукхань) народная власть приступила к налаживанию новой жизни. Преображались улицы, ремонтировались дороги, мосты, были выделены значительные средства на поддержание и восстановление исторических памятников.

На северной окраине Нячанга высится древний храм — один из группы башен древнего государства Чампа. Люди, рассказывающие об этом величественном сооружении, пользуются древними легендами.

Одна из них поведала: когда-то здесь была деревушка Дайдиен. В ней жил старый крестьянин, занимавшийся выращиванием арбузов. Как-то на рассвете он обнаружил, что плоды его кропотливого труда стали пропадать, и решил выследить похитителя арбузов. Ночью при свете луны он неожиданно увидел девочку удивительной красоты. Старик привел малышку домой и удочерил. Спустя несколько лет началось чудовищное наводнение. Спасаясь от разбушевавшихся вод, Иана (так звали девушку) взобралась на ствол сандалового дерева и проникла в его дупло. Но выбраться из него она уже не смогла. Люди пытались помочь ей, но были не в силах не только разбить ствол, но даже сдвинуть его с места.

Об этой истории прослышал принц Северного моря Бакхай. Он приехал в деревушку и едва прикоснулся к стволу сандала, как тот стал невероятно легким и приобрел чарующий запах. Принц велел погрузить ствол на свою колесницу и увез во дворец.

Вечером, как только поднялась луна, из ствола появилась прекрасная девушка — Тхиен Иана. Она полюбила принца и согласилась стать его женой. Но перед свадьбой пожелала девушка непременно посетить приемного отца из деревни Дайдиен. Принц согласился. И когда в полнолунье началось наводнение, Иана села в дупло своего сандалового дерева и уплыла. Прошло немало времени, старик не дождался названой дочери. Он умер за день до ее приезда. Иана в память о старике поставила храм, а затем обхватила руками шею аиста, жившего на доме отца, и улетела в поднебесье. С тех пор люди так и стали называть этот храм — храм Девушки в небесном одеянии.

Переборки храма сделаны из ценной породы дерева чам хыонг, которое сейчас уже редко встречается во вьетнамских лесах. Ароматные смолы этого дерева обладают целебными свойствами. Местные жители, когда, например, простуживается ребенок, натирают ему грудь настойкой из этих смол, и болезнь отступает. Так с давних пор дерево чам хыонг — дерево Ианы широко используется в народной традиционной медицине. А сама Иана — «Девушка в небесном одеянии» — стала «покровительницей ценных пород деревьев» в районе Нячанга. Такие породы, как черное, тик, кам се, издревле широко применялись в этих краях в строительном деле...

* * *

Провинцию Виньфу в народе называют «колыбелью Вьетнама». Якобы здесь, в Виньфу, почти четыре тысячелетия назад находилась столица династии королей Хунгов. На горе Нгиакыонг сохранился древний храм, а также гробница одного из королей Хунгов. Чтобы добраться до этого храма, надо преодолеть 523 крутые каменные ступеньки. В Виньфу находятся и многие другие исторические памятники, на которые распространяются охранные грамоты Министерства культуры СРВ. Среди них — храм Двух сестер Чынг — полководцев, разбивших в 40-м году нашей эры северных захватчиков; уникальная 13-этажная башня, Биньшон (Мирная гора), воздвигнутая в XII—XIV веках. Наибольший ущерб этому творению вьетнамских зодчих нанесли наводнения 70-х годов, во время которых вода постепенно размывала фундамент. Башня дала крен (ее даже стали называть вьетнамской Пизанской башней). Создалась опасность падения здания и гибель оригинальных мозаичных картин, орнаментов, нанесенных на ее древние стены. Сразу же после прекращения американской агрессии специально созданная группа строителей и реставраторов принялась за восстановление здания. В конце ноября 1974 года работа была завершена. Башня вновь обрела вертикальное положение, опасность разрушения этого памятника средневековой архитектуры ликвидирована.

* * *

Уникальные памятники архитектуры сохранились и в провинции Ханамнинь. Здесь в шести километрах от Намдиня высится многоярусная пагода — башня Тхап, построенная в XIII веке в стиле фоминь. Этот архитектурный стиль сохранился лишь в Ханамнине.

Неподалеку от заповедного леса Кукфыонг — леса Ароматной хризантемы, где произрастает свыше двух тысяч различных видов экзотических растений, где бьют горячие минеральные источники, среди горных отрогов находятся развалины древней столицы Вьетнама Хоалы, столицы двух вьетнамских королевских династий Динь и Ли. Еще в десятом веке нашей эры король Динь Бо Линь возводил в этом краю за-

щитные укрепления. Они достигали на отдельных участках высоты десятиэтажных современных зданий. Во времена династии Динь строились великолепные дворцы, от которых теперь остались лишь порталы, настенная роспись, изображения цветов, животных и птиц. На каждом камне столицы Хоалы ставилась особая печать с надписью: «Во имя возведения Дай Вьет» (Великой страны вьетов). Преемник Динь Бо Линя король Ле Хоан в честь победы над иноземными захватчиками на горе Бао Ван (Тайфун Искусств) возвел дворец с колоннами, покрытыми золотом и серебром. Крыши всех близлежащих строений также блестели серебром. Король Хоан оставил такую строку: «Слишком много крови пролил наш народ, чтобы жалеть для него богатства...» Этих королей вьетнамский народ и по сей день почитает как национальных героев.

Но не только древними дворцами, храмами и пагодами знаменита Ханамнинь. В каждом вьетнамском селении обязательно высится общинный дом. Считают, что дома эти — своеобразные носители национального духа. Они играют роль общественных и культурных центров в жизни крестьян, почитаются как символы общественного счастья и взаимопонимания. Ставят эти дома, как правило, на самом высоком и живописном месте. И отличаются они от других деревенских строений особой архитектурой. Общинный дом всегда можно узнать по мощным деревянным столбам из тика или эбена. Самый известный общинный дом находится в небольшой деревушке Каода. Его охраняет государство. Дом этот был воздвигнут в 1812 году и реконструирован в 1889-м. Под его сводами вы непременно услышите древнюю песню, сложенную народными сказителями. В ней говорится: «Если вы видите древние дворцы, думайте о тех, кто их возводил. Придите в общинный дом, и перед вами откроется душа земледельцев и строителей, душа общинного дома».

Душа вьетнамского дома. Он познается по малейшим штрихам. Стол. Всегда твердо поставленный, несмотря на неровности на полу. Алтарь предков. На нем всегда фрукты, благовонные палочки. В память об ушедших из жизни родственниках. Лавки или стулья. Занавеска на окне. Исключительная чистота. Таков традиционный вьетнамский дом.

Много трудностей выпало на долю людей этого дома, более широкое название которого — Вьетнам. Издавна, со времен Нгуен Хюэ, во вьетнамскую литературу вошла фраза: «Где бы ты ни был, помни, что тебя ждет родной дом. Если опасность нависнет над ним, возьми меч, защити кров и алтарь твоих предков».

Корни вьетнамского искусства кроются в глубине веков. Но сегодня четыре тысячелетия истории нации уверенно смотрят в завтра. Республика стремится к дальнейшему расцвету социалистической культуры, отдавая дань прошлому, сохраняя его во имя будущего.

СЛОВО *поэзии*

БАНГ ВЬЕТ

ПРИЕХАВ К ГОРЕ АРОМАТНОЙ В ГОД ЭВАКУАЦИИ

К рассвету пальмы аромат всего острей.
Здесь Аромата пагода; за речкой, там — пустой
причал.
О том, что окажусь я здесь, я разве знал?
В эвакуации никто не выбирал, где жить ему.

Летит ручей, от мелких брызг как бы в дыму,
Щебечут птицы гор — какие, не пойму, леса шумят.
Все выше лезу вверх, зубцы вершин торчат,
Вот пагода уже, молитвы ввысь летят, в сквозной
простор.
Я пошатнулся: эти люди, гребни гор...
Небытием ли опьянятся до сих пор? Я знаю сам:

В уединении нельзя укрыться нам!
Тем больше я, чем ближе к этим небесам, люблю
людей!
Как абрикосы здесь горят в огне лучей!
И девушка несет в корзине их своей, спешит домой.
А снизу дым плывет прозрачно-голубой.
В округе день уже окончен трудовой, ударил гонг.

Здесь пик горы — Поднос с Едой я видеть мог.
Зеленый лес горы Петух, ее отрог — прекрасен он!

Вот к пагоде я Фей дошел, как крут был склон!
Воронки тяжких бомб, они со всех сторон — везде
война!

Дорога в небо тут, но как она длинна!..
Тем ближе мне тропа, что подо мной видна, скорей,
скорей!
Гора там Ароматная, пещера в ней...
Но нет, пора вернуться мне к теплу полей, где труд
нас ждет.

Вот в слабом ветре аромат цветов живет.
Не знал я, что из пагоды он к нам плывет, что он ее.
Пологий берег и причал, за ним жилье.
Не думал я, что за год в сердце так мое войдут они!

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Принес прохладу дождь полям, земле сухой.
Босые ноги колет ржавою стерней. След на песке...
Один сампан на глади волн — там, вдалеке.
И лентой черною вода течет в реке. Крик птичьих стай.
Земля пьяна, льет аромат цветущий чай.
Семья дроздов слетает как бы невзначай в мой
старый сад.
И не свожу с цветов я восхищенный взгляд!
Когда же стал тот день, свой тусклый сняв наряд,
Поэзией?

ЗОРИ

Всегда в моем сердце предчувствие жило.
И зори надежду рождали во мне.

Любовь, возникая, как свет в тишине,
дни жизни моей пронизала насквозь.
Сияние зорь в этом чувстве слилось,
стоцветною радугой в сердце горя...

Мне помнится первого чувства заря:
там лотос цветущий, там я молодой,
там юный Ханой над озерной водой
стоит у развилки бескрайних дорог...

Я помнил всегда: эти зори — исток
тех дивных прозрений, когда над тобой
внезапно встает небосвод голубой
и в каждом лице озаренность видна...

Есть зори, когда на полях тишина,
от запаха риса приятно во рту,
и осень взирает, набрав высоту,
на мир, где все движется, дышит, живет.

Есть зори в стране средь холодных широт,
где я на студенческой слушал скамье
о прошлом Земли, о земном бытие
и думал о славе отчизны моей,

и фронт вспоминался в период дождей,
заря над трясиной, и небо в огне,
и девушки, несшие груз на спине.
Безмолвье учило отваге меня...

О, мне не забыть зори каждого дня,
когда я в горах среди сумрачных скал
дорогою юных сквозь пули шагал,
дорогою подвигов наших бойцов.

И славили зори, как хоры певцов,
любовь, вытесняя из памяти страх,
зарницы над морем и ливни в горах
во мне отзывались волненьем в груди.

Безбрежна победа, Сайгон впереди.
Скорей в этот город, безлистый от бед,
где горечь на всем свой оставила след!
Там трудные годы с тобою нас ждут,
нелегкие будни, упорнейший труд...
Но, как опьяненный, смотрю я вокруг
глазами зари... Ведь заря — это друг
того, что с тобою нас в будущем ждет.

Заря — это пахоты радостный пот,
и дух перемен, и единство страны.
Отжившего мира часы сочтены.
Величьем отмечены наши дела.

Всегда в моем сердце надежда жила.

УСЛЫШАНО В ПОЛДЕНЬ В БАТЧАНГЕ

Селенье это здесь стоит уж пять десятилетий,
у крыш его домов крестьянский цвет.
Огонь в домах не гас пять сотен лет!
Огонь, питаясь ветром, тихо веет,
и эти звуки наполняют полдень,
а солнце так слепит, и этот свет
горит с тех пор, когда еще встречали фей...

Здесь рис в простых пиалах без затей,
суп в белых мисках, что покрыты
глазурью. Вот сосуд для вермишели
с широким горлом, как открытый рот,
а стенки точно лепестки цветка,
под ними ножка узкая, чтоб легче было
держать в руке.

Как легкий шелк, глазурь
и редкие вкрапленья: абрикос,
бамбук, сосна и хризантема.
Вид у пиал приятный,
и цвет глазури безупречен.

За пять столетий столько красоты
здесь сотворили из земных волокон руки,
нежна податливая глина,
ладони, смоченные ключевой водой,
прохладны, глина принимает форму
в огне, и проступает цвет фаянса:
светло-коричневый, темно-коричневый, еще темней,
фаянсом этим устлали дорогу —
копыта буйвола пройдут и не раздавят.

Я подобрал фаянсовый осколок,
сто лет назад испытанный огнем,
и начинаю понимать отцов и дедов,
их поиски и их стремленья.

Здесь стены сложены из латерита,
ров — от грабителей старинная защита,
путь партизан, воюющих в тылу французов,
войны недавней опустевшее укрытье...

Так дух села, что годы и событья
не изменили, мне открылся ныне,
дивился я цветам в фаянсовом кувшине,
глазури, воробьям, порхающим повсюду,

и во все миски, чайники, горшки, сосуды,
большие, малые, кувшины и пиалы
дул ветер, словно пел, и все вокруг гудело,
как будто бы сама земля гудела, мне пела!

1976 г.

СУАН КУИНЬ

Из «Подборки весенних стихов трем моим малышам»

РАЗЪЯСНЕНИЕ

Посвящается Минь Ву

Он — мой младший. На все «почему»
Отвечаю охотно ему.
(Он один из троих не родной,
Но давно уж — как с мамой со мной.)
— Мам, а кто цвет зеленый родил?
Кто мороженое холодил?
Почему дни светлее ночей?
— Потому что они — из лучей.
Под лучами раскинув поля,
Цвет зеленый рождает земля.
Перец — горький: в беде, видно, рос...
Шум из рельсов идет и колес,
А из раковины морской —
Ветер. — Слышишь, певучий какой?
— А мороженое?
— Ах да...
Из молочного сладкого льда.
Из веселого Тета — цветы.
— Мам, а сам я откуда?
— А ты —
Из счастливых годов, лучших лет,
Где — родители, бабушка, дед.
Из любви очень многих людей!
— И твоей?
— Да, сынок. И моей.

ПЕТУХ

Лишь светлее небо стало,
Под окном — «Ку-ка-ре-ку-у!».
Мама, сбросив одеяло,
Говорит:
— Пора. Бегу.
Мне, малышка, на работу.
Жди — и умницею будь.
— Мама, мамочка, со мною
Полежи еще чуть-чуть!
Ты поспишь, и я посплю...

Петуха я не люблю,
Он плохой. Зачем опять
Не дает нам с мамой спать?
— Нет, петух наш молодчина:
Он ведь, дочка, круглый год,
Как живой будильник, ходит —
Никогда не отстает!
А к каким звенеть часам,
Знает сам.
...Небо вновь рассвет окрасил,
Под окном — «Ку-ка-ре-ку-у!».
— Мама, мама, собирайся, —
Я тебя не отвлеку!
Петуха, уж раз не сплю,
Зернышками покормлю.
Он — хороший. Так и быть,
Буду я его любить.

ПРИМЕРНАЯ МИ

Ми умеет чистить зубы щеточкой,
Ногти ножницами приводить в порядок,
Овощи снимать, как мама, с грядок...
Даже бабушку причесывает Ми!
Получив гостинец, половину
Братику относит: «Вот, возьми».

«Ми, дочурка! Лет тебе немало,
В детский сад пойдешь, — сказала мама, —
Будешь там с ребятами дружить,
Будешь воспитательницу слушаться...»

Ми танцует. Ми руками хлоп да хлоп:
«Это крылья утки, утка сушится!»
Ми и песню про послушного птенца
Знает от начала до конца.

В группе перед выходными днями
Ей дают, чтоб показала маме,
Знак «примерной внучки Хо Ши Мина» —
И тогда весь дом бывает рад.

Но недавно расхворался младший брат.
Хоть ему и делают уколы,

Он совсем не плачет. Молодец.
Он послушный, как в той песенке птенец.

Мал еще, не ходит в сад учиться...
И значок свой старшая сестрица
Отдает, подумав, малышу:
«Поноси его, как я ношу!» —
«Ой, ты что? — подружка удивляется. —
Так твоя примерность... потеряется!»

Но рассудим-ка, друзья мои, все вместе:
Разве тот, кто сочиняет песни
И потом ребятам их поет,
Сам беднеет? Нет, наоборот!
А когда читает вслух твой папа,
Разве буквы, строчки со страницы
Исчезают в книжечке твоей?..

Ми задумалась и на значок взглянула.
Бабушка, смеясь, сказала ей:
«Не тревожься. Знаю я наверное —
Ты у нас теперь вдвойне примерная!»

ГДЕ ПРЯЧЕТСЯ ЖАРА ЗИМОЙ?

— И на улице и дома жарко летом,
А куда жара девается зимой?

— Что ж, найти жару нетрудно... Например,
Руку вытяни над чайником согретым!
Чай нальют тебе — жара и в чае этом,
То-то бабушка так дует на него.

Может соком сладким сделаться жара
И надолго притаиться в апельсине.
Может прятаться и в хризантеме зимней,
Чтобы свежим и душистым был цветок.

Если сыро, то жара жалеет нас:
Забирается под детские одежки —
И на мокрые озябшие ладошки
Выбегает, грея их, из рукавов.

По ночам боится холода сама,
Норовит к тебе залезть под одеяло.

Сколько там ее, проверь-ка, — разве мало?
А еще и на подушке, под щекой...

К маме на руки жара, совсем как ты,
Часто просится капризно и упрямо.
Потому, когда тебя обнимет мама,
У груди ее тепло — ой как тепло!

РАССКАЗ О ЧЕЛОВЕКЕ

Небо создало сначала
только маленьких ребят,
на земле, что пустовала
без деревьев, без цикад,
даже свечка не светила,
воздух черный, как чернила, —
тьма, куда ни бросишь взгляд.

Ничего не видно детям.
Но минуты не прошло,
как явилось солнце в небе,
чтобы сделалось светло.
Вмиг трава одела склоны —
появился красный цвет.
Птицы кружат в поднебесье,
чтобы детям слушать песни,
звуки чистые, как ключ,
выше гор и выше туч.
Ветры радуются чуду,
песни звук несут повсюду.
Чтоб купалась детвора,
речку выслала гора,
речка к морю полетела,
чтобы море засинело.
В море рыбы народились,
забелели паруса,
чтобы дети в путь пустились
поглядеть на чудеса.

Чтоб ходили лучше ноги,
пролегли везде дороги,
и, чтоб солнце жгло слегка,
появились облака.
Но не кончена программа,

просит жалости душа,
и тогда родилась мама,
чтоб баюкать малыша.

Мама песню принесла
банга шелестящего,
белоснежного крыла
аиста летящего,
дождика нежданного,
берега песчаного...

Но не все еще случилось,
и опять ждут дети чуда —
тут неведомо откуда
детям бабушка явилась.
Голова ее бела,
а глаза ее смеются,
ждут ребята не дождутся,
чтобы сказку начала.
Даже мама не могла бы
рассказать все это нам —
и про фею, и про жабу,
про Ли Тхонга и про Там!

Чтобы думать научиться,
папа должен был родиться.
Он послушным быть велит,
все, что спросишь, объяснит:
что воды у моря много
и что длинное — дорога,
что зеленое — поля,
а что круглое — земля.

Наконец, как на параде,
буквы строятся в тетради,
встал учитель у доски,
перед ним ученики.
Белый камень очутился
у учителя в руке,
он рассказ о человеке
пишет мелом на доске.

1975 г.

КАМЕНЬ ГОР НГУХАНЬ

Из осеннего города,
с холодной обветренной пристани,
через реку Хан вместе с ветром соленым
мы прибыли в Пятигорье.
Вдалеке плещется море,
высятся горные склоны,
клубы пара закрыли пещеры,
и сверкает красками камень...

Извиваются тропки зеленых жилок,
отпечатавшие давние волны,
белый камень, цвета слоновой кости,
наполняется розовым, как растущее пламя...

Каменный Будда стоит под лучами,
взор устремлен на морские просторы,
Башня Ожидающего Над Морем
между волнами и облаками.

И вот, молчавший веками,
словно наполненный пламенем,
теплеет камень, разбуженный
человеческими руками...
Каменные слоны грациозны,
хобот изогнут, острые бивни...
О мраморная улыбка
на устах тямпских изваяний!

Камнерез морщит лоб в молчанье,
смотрит вниз на железные кровли,
на поля, на подбитые танки...
Разве сердце забудет когда-нибудь
эти дни борьбы и страданий,
небо, скрытое в дыме и пламени,
землю, черную от злодеяний...
Колючей проволоки ограду,
которой был опоясан
этот склон, этот мрамор, погребенный под
грудой
американской пластмассы...

Колечко из зеленого камня
ты надел мне на палец,

в нем слой за слоем остались,
в нем спрятан рев океана,
в нем тепло человека, разбудившего камень,
вставшего под народное знамя...

Вьется облако каменной пыли,
на морском песке луч заката.
Мы спускаемся вниз, мы простились
с Башней Ожидающего Над Морем.
Я уношу с собою
частицу души камня
и каплю океана,
катящего зеленые волны.

Дананг, ноябрь 1975 г.

УЛИЦА МОЕГО ДЕТСТВА

Любовь — это твое, любимый,
милосердие — это улица моего детства,
место рожденья, мое наследство,
отсюда я уехала в далекие земли,
в жизни было то дождь, то солнце,
и вспоминалась улица моего детства.

О цвет черепицы, о цвет одежды
матери моей безответной,
недоброе и доброе, прекрасное и низкое,
чувство любви, тревожной и светлой...
«Грустно слушают крыши, как плоды падают
с веток...»
Спасибо поэту, написавшему это,
показавшему чувства человека,
вернувшегося с чужбины на улицу детства.

С первых дней тревоги и бедствий,
пожаров, бомбежки и ужаса
я думала о моей улице,
удивляясь, откуда у ней столько мужества?

Я возвращалась к маленькой улочке
после каждой боли, из каждой дали,
как искала тебя после каждой печали,

после каждого дня
огня и грома...

Из-под крыши старого тихого дома
я смотрела на небо, полное света,
прислушивалась к голосу ветра,
шелесту листьев, шороху веток,
все приводило на память детство,
я смотрела, как небо осеннее хмурится,
я смотрела на крыши домов моей улицы...

Сердце узнало столько бедствий,
столько утрат невосполнимых...

Любовь — это твое, любимый,
милосердие — это улица моего детства.

ИДУ ВМЕСТЕ С ВЕСНОЙ

По улице Шелков иду в Преградный ряд,
навстречу мне весна, как свеж ее наряд и как красив!
Я вверх смотрю — крылом полнеба прочертив,
взлетает ласточка, вся — трепет, вся — порыв...
Из-за оград деревья тихо мне о чем-то шелестят,
я в гости к бабушке иду в Продольный ряд, а по пути
на рынок Донгсуан надумала зайти,
циновку новую пора приобрести, да вон хоть ту —
на ней весенний день, деревья все в цвету,
и птицы, лепестков касаясь на лету, снуют в ветвях...
Сегодня нет дождя, ни тучки в небесах,
сегодня город мой купается в лучах уже с утра,
нам больше не грозят ненастье и ветра,
иду, хочу купить кувшин у гончара — их сто сортов,
и в каждом дар и труд вьетнамских мастеров,
потом иду в Нгокха, на родину цветов, в их дом
родной...
И Красная река о дамбу бьет волной,
и лодки рвутся в путь от пристани речной, им
невтерпеж.
Сегодня город мой особенно хорош...
Как хорошо, весна, что рядом ты идешь!

1976 г.

ФАН ТХИ ТХАНЬ НЯН

РЫНОК В ПРАЗДНИК ТЕТ ВЫСОКО В ГОРАХ

Негромкий голос кхена долетает.
Туман в долине постепенно тает.
Несется звон копыт все выше в горы
И нас поторопиться приглашает.

За парой пара движутся тропой.
На звук рожка дан отозвался мой.
Блеск пуговиц, повязки расписные,
Раскрытые зонты над всей толпой.

Привязан конь под деревом тенистым.
Лесные птицы оглушают свистом,
По камушкам журчит ручей веселый.
Пестреют юбки, как в полете быстром.

Здесь суета, здесь купля и продажа.
Вот мягкий говор зао языка,
Наречье тхай — ручья прозрачней даже.
И мео речь доносится мягка.

Мы наугад шагаем без дороги,
Средь громких звуков, красок расписных,
Как бабочек крыла, несут нас ноги —
Не выбрать ветки в зарослях густых.

На рынке толкотня, и с другом друг
Здоровается взглядом глаз счастливых.
На родине ручьев неисчислимых
Полны все люди радости вокруг.

Еще зимы повсюду виден след,
А склоны гор пестро цветы устлали.
Здесь рынок в Тет или сам праздник Тет,
Уже и различать мы перестали!

Каобанг, 1970 г.

ЦВЕТЫ ТАМАРИНДА

Цветы тамаринда просты и скромны
И, прячась за пышной листвой, чуть видны.
Луны желтоватые блики дрожат,
Летят лепестки над землей наугад.

Влетают в открытое настежь окно,
На книгу упав, что раскрыта давно.
Цветам, что в стихи попадут заодно,
Негаданно радовать нас суждено.

САЙГОНСКИЕ НОЧИ

Не скоро ночь окутает Сайгон,
Иллюминация со всех сторон, как свет дневной,
Но запахи сгустились надо мной,
Ночные запахи своей рукой укажут путь,
Где прямо мне идти, а где свернуть...
Мне этой ночью долго не уснуть. Поток машин
Все меньше, затихает шорох шин.

Пары бензина улетучатся. Вокруг сейчас
Как будто бы не ночь, а ранний час —
Такая свежесть! Словно в первый раз Сайгоном я
бреду.

В весеннем городе сегодня как в саду.
От запахов ночных я, как в бреду, шепчу слова,
И кружится немного голова.

Стихи, которые шептались мной, пока я шла,
Пишу в блокнот — бумага так бела!
Она к мечте сегодня помогла шагнуть опять...
Как хочется учительницей стать!
Пустеет город, все уходит спать. И у воды
Лишь тамариндов длинные ряды
До самой ранней не уснут звезды, да часовой
С винтовкой, от тумана чуть сырой,
Все ходит... Я предутренней порой усну потом
Как бы в объятьях мамы — сладким сном.

ДАЛАТ БЕГЛЫМ ВЗГЛЯДОМ

Вдоль улиц деревья раскрылись большими
зонтами.
Петляет дорога вверх-вниз у меня под ногами.
Дышит летящий ветер неведомыми цветами.
Легкий туман покрывалом стелется над волнами.

Да, я всюду почти побывала в родимой стране,
И лицом своим каждый по-своему город красив.
Только город уютный и чистый, Далат, лучше
всех!
В Далате, я знаю, достоинство есть и другое, —

В Далате есть что-то вьетнамское и дорогое,
В Далате есть что-то надежное и корневое,
Словно у дерева, вросшего мощно в глуби земли,
Которого бурям, я знаю, не вырвать оттуда.

Среди тысяч деревьев — цветов разноцветное чудо,
Долина родная спокойна среди урагана.
И будет к Далату любовь трепетать непрестанно
Сегодня и завтра, когда ни вернешься в него...

1976 г.

ЛАМ ТХИ МИ ЗА

ГОЛОС БАМБУКОВОЙ ФЛЕЙТЫ

Качается бамбук вверх-вниз, как колыбель,
Как будто ветерок свою в том видит цель. И с ним
бамбук
Взлетает, падает под шелестящий звук.
Похож на тонкое сплетенье пальцев рук. Узки листы,
Как пальцы детские, а птицы с высоты
Им отвечают, будто жрицы красоты, своей игрой
Крылатой, ветерок летит в деревьев строй...
И эту музыку бамбук принес к нам в бой. В ночи
запел
Он флейтой. Душу всю свою вложить сумел
Он в серебристый голос флейты. В нем звенел родной
напев,
И матери слова явились, нас согрев.
Мы вспомнили наш край и лунной ночью сев...
Идет паром,
А мы работаем и о любви поем,
И флейты голос сладостно звучит, а днем любимых
в бой
Мы с песней провожаем, машем вслед рукой.
О флейта дивная, не будешь ты рабой в руках врагов!
Душа твоя зеленых и веселых снов,
Твой серебристый звук помочь в беде готов.
Родимый звук!
В краю, где колыбельную поет бамбук.

УЛИЦЫ СТОЛИЦЫ

В столице первый раз, и столько ярких встреч!
Ле Лою черепаха шлет бессмертный меч. Ей, как
слезу,
То озеро и Возвращенный Меч беречь. Нгуена Зу
Ища, встречаю Хо Суан Хыонг в грозу. Минуя чуть,
Я Ба Чиеву вижу вдруг прозреньем чувств,
Навстречу мне идет Ханоем Куанг Чунг. Шумя
листвой,
Здороваются улицы-друзья со мной,
Стоят над нами фиолетовой стеной цветы, светя,

Вбирая с ними ветер и капель дождя,
Вперед спеша, смотрю: темнеет, но, блестя, вдаль, как
река,
Струной несется тротуар издалека,
И вновь листва меня качает на руках, и не вина
Моя, что падаю, коль улица ровна,
А если не ровна она, к тому ж длинна, то ей ничуть
Усталых ног моих и глаз не обмануть, —
Привычен больше им замысловатый путь, всегда
близки
Дороги трудные, по ним шаги легки...
Цветы фьонгов разбросали лепестки, как фонари,
И дождь идет, и небо светится внутри,
И листья шепчутся друг с другом до зари. Играет дан.
В ночи невидим неизвестный музыкант.
Я птицей малою лечу, простор мне дан: моя листва,
Трава, цветы, и ночь, и музыки слова. И нет конца
Дорогам трем: свет материнского лица —
На близкой, на большой — слышны шаги отца.
«О дочь моя! —
Мне будто шепчет он. — А третья ведь твоя
Дорога — дальняя — в глубины бытия.
Иди по ней...»

АРОМАТ АРЕКА

С тобой на звезды до утра смотрели,
Серебряный их свет пронзал листву,
Арека листья нежно шелестели.
Ты мне любимых звезд не показал...
Луна взошла, явилась в сад прохлада,
И покидать мы не хотели сада.
В одном дворе мы родились, взрослели.
Арека разливался аромат.
Мы о разлуке и гадать не смели
Тогда, всего лишь года два назад.
И вот уж ты давно вдали от дома.
Не та я девочка уже, и ты не тот.
И все же не забыть мне у арека
Цветов его медлительный полет,
Что осыпались прямо нам в ладони...
Не убежать от быстрых дней погони.
Шагая по разбуженной земле,

Ты вспомнил ли в каком-нибудь селе
О девушке с фигуркою знакомой?
Она все помнит, ждет тебя у дома,
И птицы жалобными голосами,
Как будто струн коснувшись осторожно
Ее души, ей вторят...
                    и тревожно
Цветы арека трогает рука.
Быть может, это не цветы, а чувства,
И ты в них — дуновенье ветерка?

СКАЗКИ МОЕЙ РОДИНЫ

Люблю я сказки родины. Они мудры.
Живет в них правда с остроумием игры. Они сулят
Добру лишь торжество, а зло пресечь велят.
Они тебя в бою с врагами окрылят. В беде спасут,
На подвиг вдохновят, на самый тяжкий труд.
Они любить отчизну с малых лет зовут. Не тратя
                                        слов,
В них жизнь отдать всегда за друга друг готов,
И верностью платить он будет за любовь. И добрых
                                        фей
Ему поможет волшебство. Драконов, змей
Один он победит отвагою своей. Все в сказках в лад:
Кокосы, что в реку с двух берегов глядят,
И звери, что по-человечьи говорят. Там встретишь
                                        вдруг
Ты прадедов своих, творения их рук.
Войдешь в их сказочный домашний круг, посеешь рис,
Плоды арека для тебя склонятся вниз...
Так сказка обретет свою вторую жизнь. Беречь веля
Любовь, расскажет о бетеле, не юля,
И об ареке нежном, душу веселя. В груди огнем
Бетель тот красный вызревает день за днем.
Конечно, дольше сказок мы не проживем: их жизнь
                                        длинна,
Из кладезя веков добыта глубина
И мудрость их. Но всякий раз их новизна, как свет
                                        в пути,
Зовет тебя дорогой совести идти.

НГУЕН ЗЮЙ

МОЯ КАРТИНА

Много картин обычно висит у меня на стене,
Но всегда картина в зеленой гамме лучшею видится
мне.
Рама окна,
Над городом белесоватая пелена,
Цепь сизых гор в тумане, зеленеет ярко рисовая
рассада,
И под грузом плодов дрожат ветки сада,
Этому и всему, что жизнью человек зовет,
Вечный фон — небосвод.

Картина зеленого цвета всех милей мне на стенке,
Каждый луч изменяет оттенки.
Любая зернинка дождя, тумана клок, крыло птицы
Во мне инкрустированы с тех пор, как смотреть
я начал учиться,
И рисуют одна за одною спокойствия черты.
Потом как-то утром слышу глубокий голос картины:
— Ты,
Любовно глядя, жизнь не простой,
Стань-ка чертою в рисунке, хоть самой простой.

ВЬЕТНАМСКИЙ БАМБУК

Скажи мне, зеленый бамбук,
С каких ты пор зеленеешь?
Деревни от века в бамбуковых огорожах — я
издревле, мой друг.
Но тонки листья, стебли как запястья рук...
Забором иль стеной как стать ты можешь вдруг,
мне расскажи,
Зеленые побеги почему свежи,
Хоть средь камней пришлось или в белесой жить
сухой пыли?
Все нипочем тебе, судьба что ни пошли,
Растешь и множишься от этой ты земли, как ни
скудна,
Но корни крепки в ней, родная ведь она.
В усердии своем ни отдыха, ни сна не признает,

Пускай зло и упрямо ветер его гнет,
Бамбук листвою колыбельную поет. Прям и упрям,
Встречаться полюбил он с солнцем по утрам
И к небу тянется и, видно, впрямь не терпит тень.
Коль буря налетит, силен он будет тем,
Что за стволы соседей схватится, а те в обнимку
с ним.
Бамбук бамбуку-другу дорог и любим,
Отсюда изгороди — так мы объясним — растут
стеной.

А если отмер на беду бамбук больной,
От корня в жизнь идет росточек озорной, потом
другой.
Бамбук не вырастет кривым или дугой,
С ростка, от роду будет острый и тугой он, как копье.
А спину мочит дождь, жара палит ее.
Бамбук, взрослея, дарит платьице свое младым
росткам.
Иной бамбук уж в почке где-то там
Округлый стройный строгий стан уже таит.
И месяц пусть пройдет, и год пусть пролетит,
Состарился бамбук — юнец взамен спешит. И ты
заметь:
Впредь,
Впредь,
Впредь
Будет земля зелена от зеленых бамбуков.

1970—1972 гг.

ТЕПЛО СОЛОМЕННОЙ ПОСТЕЛИ

В хижину под соломой постучался я как-то весной.
Рядом рис стоял зрелый. Женщина вышла на ветер
ночной,
Проговорила: «Дом невелик, но ведь ты с дороги
устал».
Лишь сокрушалась, что нет у ней лишних циновок
и одеял.
И вместо постели охапку соломы мне принесла.
Меня золотая солома, как куколку кокон, обволокла.
Но не спалось, однако, в медовом запахе полей.
А было гораздо теплей, чем под одеялом любым,

Хотя соломинки тоненькие и невидные укрывали
меня.
Сколько ни есть нас, зерном своим рис всех кормит
день ото дня,
Становится теплой постелью, солому свою свивая
жгутом;
Запах духмяный, немудрящий свой дух
Поровну делит меж всеми людьми.

Биньлук. Ночью, задержавшись в пути.

ПРО МОРЕ

Картина моря

Тебе, учащейся рисовать

Рисуешь ты красное солнце, рисуешь ты белые волны,
Прилежно цвета этой радуги, праздничной, полной, —
облачный ярус.
Песок золотой, зелень... Главная краска осталась!
Коричневый (вспомни-ка, девочка, на море парус)
есть на палитре.

Морской ветер

Море дышит зеленым дыханием, море волны тяжелые
движет.
Утро — парус от берега гонит, вечер — к берегу
ветром полнит.
Милость для нас велика, зеленой пучины дыханье:
В зимние ночи — одежда, свежий ветер — в летние
полдни.

ЧАН ДАНГ КХОА

НАКАЗ СЕСТРЕНКЕ

У мамы с папой дел по горло — рис поспел.
Я в школу ухожу, хоть дома столько дел и ты
одна,
так слушай мой наказ, что делать ты должна:
не бегай, не шали, ты знаешь, что война у нас
идет,
а вдруг появится над полем самолет,
куда ты спрячешься, чтоб переждать налет?
Бомбят с утра...
Смотри не выходи, будь умницей, сестра,
и, если бабочка поманит со двора, ты не должна
бежать за ней на луг, сядь лучше у окна...
У мамы с папой дел по горло дотемна,
я в школе, и меня тревожит мысль одна, как там
сестра...

1967 г. (9 лет)

ПОХОРОНЫ ДЕДУШКИ ЧЕРВЯКА

Старик червяк все утро землю рыл
и в полдень вдруг под деревом почил. Там муравей
его нашел и кликнул сыновей,
и вот из куч песчаных, из корней на зов семьи
спешат, оставив все дела свои,
с седыми головами муравьи. Вот все пришли,
надели траур, факелы зажгли
и гроб на плечи подняли с земли; под плач и стон
процессия печальных похорон
по саду тянется, через каньон, как путь идет,
потом на баклажанный огород,
гроб давит плечи, но молчит народ — ведь как-никак
не кто-нибудь, а дедушка червяк!
Обряд окончен, старший подал знак налить вина,
все в память деда выпили до дна,
идут, шатаясь, падают, спьяна не разберут,
кто их толкнул, — а это ветер-плут!

1967 г.

Я ПРОСНУЛСЯ СРЕДИ НОЧИ

Посвящается дяде Хюи Кану

Сегодня ночью я проснулся вдруг
И вышел на веранду, и как странно —
Услышал я, как говорит бамбук
С дымящимися каплями тумана.

Услышал я: кузнечики звенят,
И где-то ветер бродит за забором,
И листья рты раскрыли (пить хотят),
Как будто бы они запели хором.

Я слышу, как в бананах дышит мгла,
А там, где тыква толстая заснула,
Малюсенькая мышка прошмыгнула
И луч луны легко пересекла.

А наша пальма рассердилась вдруг —
Размахивает веером сердито,
Волнуется какой-то смутный звук —
И тишина надолго позабыта.

1967 г.

ПАГОДА В БАЙТЯЙ

Здесь пагода стоит уж несколько веков,
ступени древние, жилище пауков, покрыты мхом,
щербины на столбах, следы войны на всем,
не вьется сладкий дым над тусклым алтарем, в пыли гранит,
травой заросший луг воронками изрыт,
земля еще свежа... У этих древних стен стою один,
и прямо предо мной, средь щебня и руин,
из камня статуя — какой-то Господин, седой старик,
как у крестьянина, спокоен добрый лик,
но меч в его руке — и тут я стал в тупик: а меч при чем?
Иду из пагоды и думаю о нем,
передо мной Халонг, у берегов паром, на нем отряд
и ветки свежие на касках у солдат,
обычный камуфляж, от хохота дрожат... Вот дан сигнал,

паром чуть тронулся и удаляться стал,
и, глядя на солдат, в молчанье я стоял — я, наконец,
постиг,
зачем он держит меч, тот каменный старик, тот
добрый человек...

1971 г. (13 лет)

ЛЮБУЯСЬ ЦВЕТАМИ

Посвящается Тхюи Зянгу

Полюбуйся на цветок:
Он проснулся и продрог,
Как он свеж и как он мал,
Ты его не ожидал.
Фиолетовый отлив.
А как стебелек красив!
Смотришь дольше — гуще цвет,
Словно в солнце он одет,
Или даже в дождь одет
Этот нежный, юный цвет...

Любишь красоту в цветах?
Но подумай о корнях,
Растопыренных в песке,
Словно пальцы на руке,
Им держаться за песок,
Чтобы к свету рос цветок.
Им трудиться взаперти
И хвататься за дожди,
Им здесь влагу запасать,
Чтобы в зной цветы спасать.
Им из черной темноты
Делать яркими цветы.

1972 г.

УРАГАННЫЕ ДЕРЕВЬЯ НА ОСТРОВЕ НАМИЕТ

Над островом проносятся циклоны,
и снова нет ни облачка в лазури,
вот только жаль деревья мне — их кроны
еще полны смятенья прошлой бури...

Деревья здесь, как люди, гибки станом,
все так же листья свежие сияют,
здесь нет числа ветрам и ураганам,
что гнут стволы к земле, но не ломают.

Под кронами сегодня бестревожно,
стою, ловя их чистое дыханье,
вдали людей фигуры так надежны,
и так стройны деревьев очертанья.

Вот ветер налетел и вдаль пронесся...
Стою, гляжу на вышку для охраны.
И отпечатан силуэт матроса
на облаках, что гонят ураганы.

1978 г.

НАПЕВЫ РИСА

Один мотив во мне звучит,
в нем ветер детства, луг, трава,
в нем голос риса шелестит,
в нем песни маминой слова.

Мотив тот слышу в тишине,
в нем шепот рисовых полей,
колосья тянутся ко мне,
как руки, полные лучей.

И понял я — передо мной
сверкающие письмена,
быть может, мамино письмо,
что написала мне она.

Мой друг, средь этих тихих сел,
средь радостей и слез земных,
вот здесь я голос свой нашел,
из риса родился мой стих.

СЛОВО *прозы*

ТО ХОАЙ

УЛИЦА

Пожалуй, улица никогда не выглядела столь оживленной, как в конце дня, когда зажглись огни. Домишки и комнаты, отделенные друг от друга лишь тонким простенком или картонной перегородкой, а то и воображаемой чертой, пролегающей между двумя кроватями, едва вспыхивал электрический свет, как бы сливались воедино и казались каютами плывущего по морю большого корабля.

Не умолкавшая в любое время дня улица становилась при фонарях особенно шумной. Здесь собирали ужин в комнате, там всем семейством расположились прямо на кухне. Вернулся с работы знакомый каждому паромщик. Молодая женщина, прислонив к стене велосипед, вошла в ясли и, выйдя с сынишкою на руках, взяла свой «экипаж», посадила малыша на плечи и не спеша двинулась по тротуару, а соседи, прозвавшие сына ее Кутенком, глядели, как он щурился на уличные фонари. Одни, второпях дожевывая ужин, выбегали из дверей, сегодня ведь понедельник — день занятий на общеобразовательных курсах. Другие целой компанией собирались в кино. Говорят, в «Восточной столице» идет новый музыкальный фильм. У дверей появились топчаны, бамбуковые скамейки; старики с блюдечками бетеля, с кальяном и лаосским

табаком устраивались где попрохладней. Ребятишки, подтащив к краю тротуара плетенки с отбросами, пока, в ожидании мусорщика, словно заправские футболисты, гоняли по улице круглый бумажный ком. А когда крики их внезапно умолкали, слышно было, как бившая под напором струя из водопроводной колонки звонко ударяла в железные днища ведер, выстроившихся цепочкой до самого дерева.

Как раз в эту пору и возвращался обычно домой дядюшка Бао. Чужой человек при виде всей этой сумятицы и толчеи решил бы, что стал свидетелем великого столпотворения, и лишь потом, приглядевшись, понял бы: тут во всем есть свой порядок и у каждого свое обличье и повадки, свой особенный образ мыслей, своя манера прищелкивать языком и не схожая с другими улыбка.

Бао сворачивал за угол, и с каждым шагом служебные дела его отступали куда-то, становились все неприметней и дальше. Уличный шум был ему нипочем, он шагал молча, невозмутимо, давно привыкший ко всему. И оборачивался, лишь услыхав слишком громкие голоса у водопроводной колонки — это означало, что там назревает ссора, — и, уж конечно, останавливался, когда на перекрестке сталкивались велосипедисты. Подобные происшествия были его прямым делом — он ведь состоял в уличном комитете.

Но в последние дни у него появилась новая забота. Он старался отвлечься, забыть о ней, однако тревожные мысли вновь и вновь бередили душу. Сын его, Минь, который ушел в армию еще в конце прошлого года, недавно получил увольнительную и провел целый день дома. Он сказал, что скоро ему предстоит дальняя дорога. Бао не стал его расспрашивать ни о чем, он понял и сам: сын собирается на фронт. Так уж повелось с тех пор, как янки захватили Юг и начали бомбить Север: если солдата отпускали домой и он заводил с родными разговор о дальней дороге, каждому было ясно — жди теперь от него вестей с фронта. Оно и понятно: место солдата на фронте. Сам Бао двадцать лет назад тоже воевал. И Ван, старший его сын, вот уже третий год на передовой. Думал же он вот о чем: отпустят ли Миня еще хоть разок домой. И каждый вечер, сворачивая на свою улицу, он первым долгом смотрел, не стоит ли у дома велосипед. Хорошо бы, конечно, если б сын заглянул до отъезда.

Войдешь в дом и увидишь вдруг белозубую улыбку Миня, сидящего за подносом с едой...

Ребятишки, обычно караулившие Бао, заслышав бренчанье велосипеда, бежали навстречу.

— Эй! Дядя Бао! Дядя Бао!

— Дядя Бао, дайте, пожалуйста, коробок спичек!

— Сколько? — смеясь, переспрашивал Бао. — Сколько каждому надо коробков?

— Два...

— А мне — четыре!

— Нет, шесть! Шесть!

Бао останавливался, опершись на раму велосипеда, и детвора обступала его плотным кольцом.

В это время обычно возвращалась с работы и тетушка Бао. Глядя на них, она восклицала:

— Что, никак не расстанетесь?

И проходила мимо, не останавливаясь. Кто знает, шутила она или сердилась... Войдя в дом, она тотчас вытаскивала из-под топчана мангал, засыпала в него опилки, совала бумагу и поджигала растопку. Все движенья ее были легкими и плавными. Нет, скорее всего она сердилась на мужа только для вида.

Сказать по правде, еще не было случая, чтобы старый Бао дал кому-нибудь из малышей коробок спичек. Хотя он каждый раз исправно, загибая пальцы, подсчитывал, сколько кому обещано коробков... И ребятишки, и сам Бао вовсе не имели в виду настоящие спичечные коробки. Для них эти спички означали нечто диковинное, загадочное, не имеющее ничего общего с будничными изделиями из бумаги, лучинок и серы.

У Бао была привычка не завтракать по утрам. С возрастом привычек и странностей у человека становится все больше. И тетушка Бао сетовала: мол, привычка эта поститься по утрам разорительней многих трапез.

Судите сами: каждое утро старик выкуривал по две сигареты — да не простые, а ароматные. Курение свое, объяснял ей муж, он подчиняет строгому правилу: первой сигаретой он затягивается сразу после умывания, вторую закуривает, выводя за дверь велосипед. Она и сама давно уже знала этот его распорядок и, честно говоря, никогда не задумывалась об убытках, но по привычке — а у кого их нет — продолжала ворчать и жаловаться.

Когда в раскрытые настежь окна на нечетной стороне улицы доносился щекочущий ноздри запах ароматного табака, каждый знал: старый Бао идет на работу. И, даже не глядя на часы, можно было держать пари: сейчас ровно шесть пятнадцать утра — если на дворе было лето, или семь пятнадцать, если дело было зимой. Год за годом, из месяца в месяц, изо дня в день все повторялось без изменений.

Бао имел также обыкновение, возвращаясь с какого-нибудь заседания, намекнуть соседям, какие именно важные вопросы решались сегодня. Все понимали: если он, проходя мимо старой стены, хранит молчание, значит, речь шла о делах военных — секретных. Иначе Бао заговорил бы, не обращаясь ни к кому в отдельности — так читают вслух газету:

«Рис теперь в продмаге будут продавать не по четвергам, а по воскресеньям — с утра и до вечера. Это народу удобнее. Стало быть, мы выполняем заветы дяди Хо. Продавцы-то у нас молодежь, вот они всей бригадой и порешили насчет воскресенья...», «Да, в табачный отдел завезли сигареты...», «Кто у нас отвечает за чистоту и порядок? Лето уже на носу. Надо опрыскать все, иначе от комарья не спастись. Опрыскать каждый уголок...», «Ополченцам-то нашим скоро выступать на районном смотре!..», «Помните, убежища не захламлять! Укрытия задвинуть крышками, чтоб ни мусор, ни земля не сыпались туда. Мало ли что сейчас перемирие, от янки всего можно ждать! Так сказал Нгуен Ван Чан, товарищ Чан, секретарь горкома...», «Сегодня я был на совещании вместо директора... Наша бригада бытовых услуг скоро приобретет машину для выделки лапши. Если учесть вклады за этот месяц, нужно лишь взять небольшой краткосрочный кредит — и машина наша! Тут уж у нас на улице все будут при деле — прямо хоть праздник устраивай...»

А кончались эти его речи всегда одинаково:

— Ну как вы здесь, сорванцы? Небось опять спички вам подавай... Тебе сколько коробков? Сколько? Прямо говори! Подойди-ка... Так, пять... Куда тебе столько? Ладно, пять так пять... А тебе, озорник? Только три? Маловато, давай подкинем один, бери четыре...

Бао был очень занят. Но как бы ни уставал он после рабочего дня, усевшись на велосипед, он никог-

да не ехал прямо домой, а, свернув на плотину, подъезжал к Часовой башне. Здесь ближе к полудню открывался травяной рынок. Шли за травою и те, у кого был свой скот, и те, кто держал пекинских гусей, — прожорливая птица эта вмиг ощиплет траву с целой лужайки не хуже косца. Не успевали торговцы сложить траву под высокими бангами, ее раскупали всю — до последней былинки.

Бао травы не покупал. Он сам нарезал охапку-другую зелени, окаймлявшей площадь. Маленький серп и холщовая сумка всегда были привязаны к багажнику велосипеда. Бао держал четырех кроликов — они жили у него в выкрашенном зеленой краской двухъярусном деревянном загончике, красивом и опрятном — почище, чем клетки для певчих птиц.

И наконец, оставалось одно, последнее дело — разговор о спичках с мальчишками, обступавшими его у перекрестка. Потом Бао ставил свой велосипед у дверей. Жена сидела на корточках под самым окном. Справа от нее тлели в мангале опилки, слева пыхтела керосинка. Обе руки жены были заняты — точь-в-точь ткачиха, склонившаяся над станком. Бао всегда подмывало спросить у нее: «Что, Минь не приходил?» Но он молча шел прямиком во двор, набирал воды из бочки и, смыв с себя пыль и пот, возвращался в комнату. Там на подносе его уже ждал ужин.

Казалось бы, садись ешь себе спокойно. Но тут-то и наплывали дела да заботы, они катились потоком, как дождевая вода по звонкому желобу, и сливались воедино.

С тех пор как Минь ушел в армию, старикам казалось — да так оно и было на самом деле, — что они стали теплее, сердечнее относиться друг к другу, а ведь это нечасто случается в преклонные годы. Тетушка Бао ласково поглядывала на мужа. А он, положив себе в чашку рис, наливал суп из водяного вьюнка, сваренного, чтоб был покислее, с травою тюаме, и, съев суп, подливал себе еще. Тогда она отставляла свою чашку и давай обмахиваться веером из бамбуковой дранки, намекая мужу, есть, мол, надо не спеша, со вкусом. А то ведь привык делать все на скорую руку и даже за едой думает бог весть о чем, вон опять пустые палочки тянет ко рту. Таких тут только двое и есть: он да еще командир здешних ополченцев, тот тоже вечно торопится. Так думала тетушка Бао. Муж,

считала она, больно уж неразборчив в еде и издерган. На самом же деле старый Бао любил поесть и был человеком уравновешенным и спокойным.

Он поднял на нее глаза, словно догадавшись о смехотворных ее подозрениях, и сказал:

— Съем-ка еще для порядка.

Снова подлил себе супу и стал шумно жевать кусок малосольного баклажана — но ел он, по мнению жены, все равно без должного аппетита...

Ага, так и есть. Легок на помине — в комнату вошел командир ополченцев. Этот всегда, как говорится, вздрючен; у него что ни дело — все важное да срочное. Когда янки бомбили Ханой, человеку постороннему могло показаться, будто командир теряется во время налета. Но он по натуре человек беспокойный и суетливый. Товарищи частенько подшучивали над ним, однако он был неисправим — и, слушая, как он разъяснял какое-нибудь неотложное задание, все, бывало, покатывались со смеху.

— Товарищ Бао! — воскликнул командир.

— Что случилось?

— Срочное дело!

Бао положил палочки на поднос и усмехнулся:

— Ну, если срочное...

— Да-да. Вы ешьте, ешьте, а я пока вам все изложу. Близится праздник, значит, пора составить программу — как обеспечить порядок и безопасность...

— Да как обычно, чего тут мудрить!

— В этом году хорошо бы начать подготовку пораньше. Вода прибывает, сами знаете.

Красная река и впрямь поднялась высоко, впервые за долгие годы уровень ее достиг двенадцатиметровой отметки. Была объявлена готовность номер три. Горожане, точно муравьи, облепив берега, укрепляли и насыпали повыше дамбы, а внизу с грозным рокотом неслась красноватая от ила вода.

Да, порядок и безопасность — дело нешуточное. Конечно, думал старый Бао, заботы эти общие для всей улицы, надо бы привлечь побольше народу, наладить пропаганду так, чтобы цель мероприятия дошла до каждого. Само собой, все делается на добровольных началах, но отлынивающих да отсиживающихся по углам быть не должно.

Время теперь другое, не то что до революции, когда люди и в одном-то доме жили, точно бойцовые

петухи, — каждый в своей клетушке, только отвори дверцу — перья так и полетят. Никому не было дела, жив ли, помер ли сосед за стеной. Бао ведь сам родом отсюда, как говорится, столичная косточка, ему ли не знать всех «прелестей» старого Ханоя. Ну да все это кануло в прошлое — и навсегда! А праздники — Новый год, День Республики или другая славная дата, — они теперь всенародные. Надобно чтить их и отмечать как положено, по издавна заведенным обычаям, но и о порядке не забывать. Тем, кто не знает этого, придется объяснить, чтобы поняли все до конца, а которые не прислушаются к мнению народа, их надо вовремя и как следует пробрать. Бао был мастер по этой части, уж если примется за кого — пощады не жди. Молодежь хоть и побаивалась его, любила присутствовать при «разносах»: Бао и тут не обходился без шутки, а посмеяться всякому охота. Случалось, он и с детворой в игры пускался, забыв о своем почтенном возрасте...

— Вы приходите к нам на собрание, — сказал командир напоследок, — обменяемся мнениями, прикинем, что к чему. Только постарайтесь поспеть к началу. А мне еще надо сбегать к соседям, на ближнюю улицу, одолжить несколько масок, может, немного и опоздаю.

— Ладно.

Бао открыл записную книжку и написал в конце страницы: «Собрание ополченцев — распорядок дежурств и патрулирования». Лишь сделав заметку в своей книжке, Бао успокоился: теперь уж он ничего не забудет (хотя, что греха таить, и записанное иногда забывал).

Сегодня вечером у него не намечалось никаких заседаний, и он решил использовать свободное время, чтобы покончить с делами, перешедшими с прошлой недели. Перво-наперво надо найти помещение для старшей группы детсада — приготовишки должны же где-то заниматься. Может, пусть учатся пока в комнате медпункта? Хотя тут скоро поставят машину для выделки лапши. Медсестра небось взбунтуется: мол, там, где мучная пыль, нельзя делать прививки. А уж дети за какую провинность должны целый день дышать этой пылью! Как же быть? Нерешенные вопросы всюду, куда ни кинь. Люди шли с просьбами, с жалобами. Иногда ему снилось, будто он лежит на

топчане рядом с соседями и пытается натянуть на себя хоть краешек одеяла, а оно — узкое и короткое — на всех одно. В молодости дни казались ему долгими, не знал, куда и время девать, а вот нынче времени всегда в обрез...

Едва он вышел из комнаты, с улицы послышался чей-то голос:

— Дядюшка Бао, дядюшка Бао!..

Кто-то однажды сказал ему в шутку: «Если к твоему имени приставить хвостик — две буквы «в» и «е», — сразу станет понятно, народ выбрал тебя пожизненно в комитет самообороны» *. И еще люди, видя, как он хлопочет с утра до ночи, пустили о нем такое присловье: «Кто должен слоновую кость таскать, не поевши спокойно дома? Работники исполкома». Но Бао не желал слушать пессимистические, на его взгляд, высказывания. Сколько бы ни было этой тяжелой «слоновой кости», уж он-то ее донесет куда надо. Он входил в комитет самообороны, был зампредом выборной комиссии Общественного контроля. Не отказывался ни от какой работы. Ведь эта «слоновая кость» — ноша, возложенная на него революцией. Значит, подставляй плечи!..

Он сунул в рот зубочистку. Потом достал зажигалку, прикурил только что свернутую сигарету и открыл дверь.

Город утопал в лучах фонарей и лунном свете. С высокого гребня окутанной мраком дамбы, за которой угадывалась вздувшаяся, стремительная река, наплывало молчание, и его разрывали лишь голоса играющей детворы да звон струи, падавшей из крана в гулкие ведра.

Кто-то подошел к двери. Бао вздрогнул, ему почудилось — это Минь. Увы, страстное желание повидать сына подвело его, а ведь зрение у него было еще хоть куда.

— А-а, это ты, Хай! — громко сказал он.

Только теперь, разглядев гостя, Бао вспомнил, что встреча эта давно уже намечена в его записной книжке; но краткая, как всегда, пометка, очевидно, затерялась среди бесчисленных записей, и дело вылетело у него из головы. Этот Хай — сын старого Ты, кото-

---

* Игра слов: если к имени «Бао» прибавить слог «ве», получится слово «баове» — по-вьетнамски «оборона», «защита».

рый раньше тоже был в комитете самообороны. Парня уволили с завода, и он хотел посоветоваться с Бао, как ему быть дальше. Впрочем, это вовсе не сам он решил — старуха, мать парня, не зная, что делать с сыном, надумала обратиться к старым друзьям мужа. Хай, по натуре парень робкий, не сразу решился прийти к дядюшке Бао. Увидев его, Бао тотчас все вспомнил. И невольно подумал о Мине — ведь они с Хаем ровесники. Бао давно уже пришел к твердому убеждению: молодой парень, каков бы он ни был, должен непременно отслужить в армии. Военная служба любого сделает человеком. И Хай тут не исключение. Так-то...

— Жаль, — сказал он, — времени у меня мало. Ну да мало ли, много ли — не твоя забота! Пока не выслушаю тебя, никуда не уйду.

— Ага...

— Ты почему раньше не приходил?

— Я ездил в деревню, к родным.

— А не врешь?

— Разве могу я вас обманывать...

— Тогда у меня такой вопрос: что там стряслось у тебя на заводе? Да ты проходи. И не волнуйся.

Хай поглядел на хозяина и, сам не зная почему, опустил голову. Парень он был открытый и честный, но сейчас заколебался, поверит ли ему дядюшка Бао. За последние дни он убедился: даже мать, не говоря уже о чужих людях, не очень-то верит его рассказам. И он иногда терялся: как быть, какие найти слова, чтобы люди поверили ему? Безысходность эта порой выводила его из равновесия.

Но сегодня Хай постарался все обдумать заранее. Он верил: дядюшка Бао сумеет ему помочь. Поди разберись почему, но с того дня, как Минь ушел в армию — а он ходил каждый день на работу, — с того самого дня обуревали его разные мысли — когда радостные, а когда и невеселые. Ему казалось, будто в доме старого Бао все дышит каким-то особым теплом и сердечностью, вот почему, собираясь сюда, он был полон доверия и смутного радостного предчувствия — совсем как в те годы, когда он мальцом вместе с приятелями поджидал дядюшку Бао у перекрестка попросить у него спичечный коробок... Один коробок... три коробка... Но, услыхав жесткое: «А не врешь?» — Хай ощутил, как в душе его поднимается неизвестно

откуда взявшаяся отчужденность и даже злость. Наверно, он побледнел. Хай плотно сжал губы и почувствовал, как спина взмокла от пота. Но дружелюбный взгляд старого Бао успокоил его, и к нему вернулось ощущение душевной ясности, легкости. Ему захотелось снова сродниться, срастись со всем, что окружало его в этом доме. Он чувствовал неодолимое желание рассказать старому Бао все, все как есть. Конечно же, Бао пошутил, он верит, верит ему.

И вдруг дядюшка, словно читая его мысли, сказал:

— Да ты не волнуйся, я верю тебе, верю каждому твоему слову.

— Дядюшка Бао, — спокойно произнес Хай, — я по глупости спутался со шпаной.

— Это ты украл рюкзак у человека, задремавшего в парке?

— Я.

— А потом с дружками затеял драку ночью в кафе. Не так ли?

— Да.

— Почему ты воровал?

— Они... они сказали, каждый должен внести деньги в общий котел, иначе ему не гулять со всеми...

— А тебя, брат, жадность одолела?

Хай, склонив голову, пробормотал:

— Ага. Раньше было...

— Почему же ты, когда тебя на дирекции разбирали, всех клеветниками обозвал?

— Да потому, что эти гады и вправду меня оклеветали! — Хай вдруг сорвался на крик. Он резко вскинул голову.

Бао тоже встрепенулся, вскочил и хлопнул записной книжкой по ладони.

— Оклеветали, честное слово, дядя Бао. — Хай говорил уже спокойнее. — Все, какие есть за мной дела, они ведь в прошлом году были, когда я и на заводе еще не работал. Спасибо, ребята из Молодежного комитета помогли, дали пропуск на выставку про борьбу с хулиганами и тунеядцами, поговорили по душам. Поглядел я — и стыдно стало самого себя. Покончил я с этим раз и навсегда. Еще в дневнике у себя в тот день записал, что для меня как бы солнце взошло и началась новая жизнь. Все повернулось на сто восемьдесят градусов. Я даже голову обрил и по-

клялся: больше в злачные места ни ногой. Загнал свою «люксовую» куртку, выбросил дубинку и больше со шпаной не водился.

— Порвал, значит, с ними?

— Да. Знать их больше не желаю. А они, чтоб отомстить, нарочно меня заложили: Хай, мол, снова влип на краже и его замела милиция на вокзале... И еще наплели. Вранье все это! Я забыть хочу напрочь эту дрянь, что ж, мне ее так и будут все время под нос совать?

— Вот в чем, выходит, дело, — засмеялся Бао.

Хай поднял повыше рукав рубашки, и на запястье его стал виден буроватый круглый шрам величиной с монету в пять су.

— Видите, — сказал он, — это еще когда я с «братвой» водился, они наколку мне сделали — птицу. По-ихнему: «Умная птица летает по ветру». А потом, когда одумался, зло меня взяло. Да и мать как увидит наколку — сразу в слезы. Я сперва руку перевязывал — вроде болит она у меня. Говорят, разными отварами птичку эту можно бы вывести. Но я решил, сделаю по-другому — так, чтоб от нее и следа не осталось и чтобы на будущее, если дурь стукнет в голову, памятка была. Вот и выжег на том месте кожу.

Глаза Хая заблестели. Он улыбнулся во весь рот. Нет, он ничего не скрывал от Бао. Да и что ему теперь скрывать. С прошлым покончено бесповоротно.

Бао встал, положил руку ему на плечо и произнес фразу, изумившую Хая:

— Давай я помогу тебе вступить в наш отряд ополчения. — И, поглядев на Хая, прибавил: — Дядюшка Ты когда-то...

— Знаю, — выпалил Хай, — отец тоже был ополченцем.

— Хорошо, что ты помнишь об этом. Ну, считай, у тебя все в порядке...

Бао машинально скрутил сигаретку, достал зажигалку, закурил и вышел на улицу.

Пришлось пробираться сквозь лабиринт стульев и плетеных скамеек, перегородивших тротуар. Ветер затих. Пряный дух табака ниточкой вился за ним вдоль улицы — свежий и бодрящий, словно запах туалетного мыла, которым благоухает только что умывшийся человек.

В комитете самообороны Бао рассказал о своем разговоре с Хаем. Возражения посыпались градом.

— Нет, тут дело темное!..

— Этот подонок чего не наобещает. Да кто ж ему поверит?

Больше всех кипятился среди ополченцев один старик из бывших торговцев — редкие отвислые усы делали его удивительно похожим на сома. После того как вышла директива восемьдесят девять *, соседи не раз замечали: жена Сома приторговывает конвертами, марками и прочим ходким товаром. Но, само собою, они были ни при чем, когда ее забрали в привокзальное отделение милиции и держали там, пока комитету самообороны не разрешили внести за нее штраф и взять ее на поруки. Она потом долго не смела и голову высунуть за дверь. Много издавалось затем директив, проводилось разных кампаний — и летом, и осенью, но никто и словечком не обмолвился Сому о неприглядной истории, приключившейся в прошлом году с его старухой. И надо же, именно Сом оказался теперь самым непреклонным. Новый наш строй, утверждал он, такой прекрасный и справедливый, и потому подонкам вроде этого Хая в ополчении не место.

— Наш долг, — заявил он в заключение, — оберегать заслуженный отдых народа после трудового дня. А Хай-то с дружками как раз и нарушал порядок, не давал людям спать.

— Прошу слова...

Кто только не просил слова. Обычно на подобных собраниях уже третий оратор сбивался на середине своего выступления, терял, как говорится, нить, повторялся. Сегодня все было иначе. Даже противники Бао были немногословны и сдержанны. И сами сочувственно кивали, когда он говорил: «Дядюшка Ты столько лет был одним из лучших наших работников. Вправе ли мы бросать его сына на произвол судьбы? Охаять человека — проще простого. А вот помочь...»

Да, отца Хая помнили все...

Это теперь долгими летними днями яркое солнце золотит на их улице чистые белые стены. И зеленая

---

* Имеется в виду постановление № 89 городского исполнительного комитета Ханоя о мерах по пресечению незаконной торговли товарами ширпотреба. *(Примеч. авт.)*

тень деревьев, посаженных на тротуарах, дотянулась уже чуть не до вторых этажей. Но дядюшка Ты был среди первых здешних поселенцев; тогда на месте будущей улицы торчало лишь несколько хибарок. А было ему в ту пору за пятьдесят. Он стал «монополистом» — единственным среди соседей рикшей: сперва таскал ручную тележку, потом пересел на велоколяску. Тележка его разъезжала здесь, когда еще железнодорожная ветка доходила лишь до мощенной камнем дороги у ворот в начале улицы Палаты звездочетов, и там путь перекрывал шлагбаум. В прошлую войну, когда французы оккупировали город, в коляску к дядюшке Ты уселся однажды пьяный в дымину тэй * и потребовал: вези, мол, к церкви Лиеузиай, в церкви тогда была камера пыток. Кто попадал туда, редко оставался в живых. Подъехав к безлюдному темному месту за Слоновьим загоном, рикша вышвырнул пьяного из коляски, пнул его несколько раз в затылок, потом приподнял коляску и проехал колесом по его шее. А там налег на педали и умчался к Северным воротам.

Неизвестно что стало с тем типом. Но если, по милости неба, он не издох, наверняка на всю жизнь остался калекой. Расправляясь с мерзавцем, дядюшка Ты себя не помнил от гнева, но назавтра, пораскинув мозгами, встревожился и решил: брошу-ка я свой промысел. Так и не возил седоков до того самого дня, когда наше правительство освободило Ханой **.

После восстановления мира дядюшка Ты заявил: пришли наконец другие времена — прекрасные и славные, точь-в-точь как те дни, когда Ты Хай вернулся с победой, и всех, кто обидел жену его Киеу ***, покарал, а прочих, кто был к ней добр, достойно вознаградил. И жизнь, мол, теперь пошла другая — никто не сидит у тебя на шее, эти подонки тэй не шляются больше по улицам... Разъезжай себе сколько хочешь.

Дядюшка Ты стал руководить уличным комите-

---

* Презрительная кличка колонизаторов.

** Части Народной армии, освободившие Ханой от французов, вошли в город 10 октября 1954 года.

*** Ты Хай и Киеу — персонажи романа в стихах великого вьетнамского поэта Нгуен Зу (1765—1820) «Стенания истерзанной души».

том, а потом до самой смерти работал в комитете самообороны. На похороны его пришли товарищи из райкома.

* * *

Из года в год в канун Дня провозглашения Республики на каждой улице создавался оргкомитет, чтоб подготовить и провести этот большой праздник торжественно, весело и без происшествий. Но в нынешнем году вода в Большой реке все еще держалась высоко, и потому жители города должны быть особенно бдительны. Прежде всего это касалось, конечно, ополченцев.

Дежурство Хая начиналось в одиннадцать вечера и кончалось в час ночи. Днем обычно дежурили женщины или пожилые мужчины.

Дежурство не сравнишь ни с каким другим делом. Повязав на руку красную повязку комитета самообороны, Хай проникся совершенно особым чувством, он как бы реально ощутил ложившуюся на его плечи ответственность.

Влюбленные коты гонялись друг за дружкой по крышам. И Хай подумал: этак они перебьют немало черепицы, а теперь ведь самые дожди, и в домах потекут кровли. Вон там, за прикрытым окном, горит лампа. Чего они жгут свет так поздно? Неужто ссорятся до полуночи? А может, кто в семье заболел или собирается на вокзал? По неглубокой сточной канаве прошлепала не спеша старая крыса. Ишь ты, как это она уцелела после стольких кампаний по борьбе с грызунами? Небось на старости лет поумнела? Вдруг в темноте со всех сторон затрезвонили будильники, одни умолкали, и тотчас взахлеб начинали звонить другие. Пора собираться в ночную смену — здесь почти в каждом доме жили рабочие с фабрики. Заскрипели двери, послышались прерываемые зевотой голоса не проснувшихся еще толком людей, гулкий стук деревянных сандалий, перезвон чашек, котелков и бутылок.

Створки запертых дверей печально темнели, словно глаза слепцов. Кто знает, спят ли там люди или просто не подают признаков жизни. Но вдруг ни с того ни с сего двери приоткрывали веки, красные от падавшего изнутри неяркого света, — и облик дома сразу преображался. Не так ли и люди — иной че-

ловек, добрый, приветливый по натуре, выглядит суровым и мрачным. В одном окне яркий свет лампы окрасил багрянцем полотняную штору. Это счастливая комната, такая уж есть примета — коль под окном сложены аккуратной пирамидой дрова, значит, жильцы пекутся о своем очаге, о детях, о семейном достатке.

Поздней ночью, когда на улице не стало больше прохожих, она казалась серьезней, задумчивей, что ли, чем днем. У нее была своя ночная жизнь. Дома в два и три этажа стояли прислонясь друг к другу, и всюду, под каждой крышей, жили люди. Облик домов был как бы знаком и памятью разных возрастов Ханоя. А привычки и вкусы жильцов несли на себе отпечаток их собственной переменчивой жизни и всей истории города.

Коренные горожане твердят в один голос: пусть жизнь еще кое в чем оставляет желать лучшего, Ханой нынче стал таким городом, где можно достойно жить и трудиться. Какую семью ни возьми — все взрослые работают. В часы «пик» — перед началом и после конца рабочего дня — велосипеды катят по улицам рекой, кажется, весь город крутит педали. Иной раз на перекрестках велосипедисты сталкиваются, падают, но, не в пример «доброму старому времени», дело теперь обходится без крика и рукоприкладства.

«Да, — думал Хай, — как все меняется — не углядишь...» Ведь он вырос здесь, на этой самой улице. А сверстников его судьба увела отсюда в разные концы страны. Разлетелись, как птенцы из гнезда по небу, осененному знаменем родины. Есть, правда, среди его одногодков и другие, что больше сродни навозным мухам, — он и сам был таким. Да только всех их по пальцам перечтешь, а уж если по-честному, на этой улице он один такой и остался.

Здесь мысли Хая вдруг замерли, остановились с разбега, — так человек застывает у входа в зловонный грязный проулок, не смея двинуться дальше...

Он снова задумался о своей улице. Но память упрямо возвращала его к детству с нехитрыми радостями, печалями и неповторимой новизной впечатлений. Хай увидел себя снова десятилетним мальчишкой — почему-то от той поры самым ярким воспоминанием остался длинный шест, прислоненный к сте-

не в углу двора. На конце шеста торчали два железных крюка...

Вся улица от дома до школы была обсажена деревьями — тамариндами, фыонгами...* Хай с приятелями давали им разные прозвища, зависевшие от того, на каком углу росло дерево и что прятали мальчишки в его дупле. Каждое дерево служило им и складом «провианта», и целым зоологическим садом, любое было по-своему полезным и нужным. На первый взгляд деревья вроде все одинаковы: у каждого — ствол, ветки, листья. Но приглядишься — и среди зелени можно увидеть сухие ветки. Одни источил жучок, другие надломил ветер, третьи сами засохли неведомо отчего. Ну, да так ли, этак ли, а стоило Хаю с дружками углядеть сухую ветку, они тотчас волокли шест с крюками и, обломав сушняк, стягивали его наземь. Вот у них дома круглый год и не переводились дрова.

Многие из тогдашних его дружков сейчас на фронте. Один недавно даже хвастал в письме: «Когда-то в школе я все жаловался на нашу математичку, мол, одолела задачками. Но здесь, на войне, я понял, как нужна математика. Тот, кто силен в ней, быстрее рассчитает траекторию ракеты. Я ведь ракетчик. На марше мы несем ракеты и технику на своих плечах, но, как покажется неприятель, сразу ставим пусковое устройство, «угостим» врага парочкой залпов — и, пожалуйста, путь свободен...» Может, он и загнул, кто знает, но все равно это здорово: мужчина должен быть солдатом...

Хай вдруг почувствовал прилив отваги, словно и сам был ракетчиком, а вовсе не «отсталым элементом», позорящим свою улицу. Мысли похожи на отраженья в кривых зеркалах — одни веселые, другие мрачные. Сейчас Хай был весел: еще бы, ведь он обходил дозором улицу и казался себе пограничником, стерегущим покой родной земли.

Дойдя до перекрестка, патрульные — их было двое — разделились. Напарник Хая свернул в переулок, а сам он вышел на набережную. Они условились встретиться после обхода в комитете. Хай окинул взглядом терявшуюся в темноте дамбу. Вдоль нее,

---

* Фыонг — феникс, высокое дерево с яркими оранжево-красными цветами, похожими на хвост сказочной птицы.

словно светляки, мерцали электрические фонари. Влажные испарения, поднимавшиеся над рекой, окутали их пеленою тумана. Город казался отсюда чужим и таинственным. Выемки в гребне дамбы, по которым раньше спускались к берегу пешеходные дорожки, были заложены мешками с песком. Две женщины-ополченки с соседней улицы сидели на дамбе — лицом к притаившейся во мраке реке. Вода не была видна отсюда, но какое-то внутреннее чутье подсказывало людям, что она поднимается все выше и выше, как бы оттесняя нависшую над рекой ночь. Спина женщины в белом платье была перечеркнута висевшей на ремне винтовкой. Под деревьями коровы — наводнение прогнало их с затопленных луговых низин, — потряхивая ушами, жевали траву. Над самой рекой пролетел патрульный вертолет. Мерный рокот мотора заполнил тихое небо и молчаливые улицы.

Откуда-то появились двое парней в одних трусах; рубашки и брюки были переброшены у них через плечо. Наверное, спускались с дамбы поглядеть на отметку водомера. Обычно в конце дня начиналось паломничество к реке — всех беспокоил паводок.

Увидев Хая, парни крикнули:

— Эй, Хай! Свисток!

Они показались ему знакомыми. Имен он не помнил, но по жестам и длинным волосам, перепелиным хвостом свисавшим с затылка, признал их сразу. Так уж было заведено у братвы: своих различали по прическе, по жестам да повадке, вызывающей и драчливой, — точь-в-точь бойцовые петухи.

— Куда это ты, Свисток, наладился? — спросил один из парней. — Ого, красная повязка! Да ты никак в ночных патрулях? Шуруете по паркам, чтоб нигде ни-ни?..

— Я ополченец, — сказал Хай.

— Заливаешь или точно?

Хай насупился. Один из дружков расхохотался и сразу заговорил о другом:

— Ладно-ладно. Ты, видно, брат, от шуток отвык. Начальству — почет. А почему глаза у тебя красные, спать небось охота? Может, курнешь разок? Сон как рукой снимет.

Он подбросил вверх сигарету, сверкнувшую в лучах фонаря. И Хай вдруг ловко поймал ее на лету. Прямо как когда-то в шалмане! Клёво! Он и сам не

понял, встреча ль с дружками всколыхнула его душу или и впрямь захотелось подымить — отогнать сон.

Конечно же, дело в куреве. Парни рассмеялись, увидев, как Хай подхватил сигарету. Они поманили его пальцем. Но Хай не двинулся с места. И тут один из парней, сунув два пальца в рот, пронзительно свистнул, и они исчезли за углом.

Хай даже головы не повернул. Он уселся на оцинкованный бочонок из-под пива — они составлены были у входа в кафе — и задумался.

Кафе выходило в маленький сквер.

Кафе... сквер... сколько тут было всего — и не вспомнишь! На круглых загонах зеленела подстриженная трава. Под деревьями хонгби * стояли каменные скамейки, затененные ветвями с большими белыми соцветиями.

Хай снова вдруг вспомнил: лет в десять сквер этот казался ему огромным загадочным лесом, где можно было играть с утра до ночи. Летними вечерами мальчишки сбегались сюда и клянчили у продавщиц кусочки льда, оставшиеся на дне пивных кружек. Пососешь, бывало, звонкую льдинку да потрешь ею щеки: холодит — лучше не надо! А лицо становится чистым-чистым — прямо блестит, как у школьника, получившего на уроке десятку **.

Но годы летели, Хай подрос, во многом переменился, и сквер тоже стал другим.

И в войну, и в мирные годы к Ханою сходились дороги со всех концов страны. Но — чего не бывало прежде — когда янки начали бомбить город, скверы и парки у вокзалов и автобусных станций стали залами ожидания. Под покровом зеленых ветвей днем и ночью находили приют тысячи людей, собравшихся к поезду или ждавших рейсовые машины.

Со временем в скверы перекочевали продавцы чая; расставили свои подносы, самодельные термосы и чашки с чайниками, в которых урчал и посвистывал кипяток. Парикмахеры вколотили гвозди прямо в стволы деревьев и развесили, будто в салоне, свои зеркала. А когда вой сирены возвещал воздушную трево-

---

* Хонгби — дерево из семейства цитрусовых с мелкими сладкими плодами.

** В старой вьетнамской школе была десятибалльная система оценок.

гу, ополченцы отсылали народ в убежища и заставляли парикмахеров снимать зеркала и класть лицом на траву, хотя они вроде и так затенены были листвой. Столовая, киоск с мороженым и лавка — филиал универмага — тоже перебрались сюда. Но все равно трава в скверах и парках оставалась зеленой и чистой. По ночам там стоял шум и суета. Выбирая уголки потемнее, сюда являлись воры, искавшие поживу. Однажды вместе с братвой пришел и Хай...

Детские воспоминания сразу поблекли. Закрыв глаза, Хай тотчас увидел воочию ту злополучную ночь: вот он забрался на дерево и старается подцепить рюкзак. Хозяин рюкзака храпит, привалясь к стволу... Хай вздрогнул. Нет, этого не стереть из памяти. Десять месяцев отучился он на технических курсах, а на завод его все равно не взяли. Вот ведь, казалось, покончил с прошлым, но возмездие настигло его именно теперь.

Неужто все опять начнется по новой? Нет! Нет, этому не бывать! Ему всего восемнадцать. Он еще вступит в Союз молодежи... А почему бы и нет? Будет работать, бороться!.. Ну вот, опять размечтался... Нет, так будет, будет! Все, кто не верит в него сегодня, еще одумаются. Вон сегодня вся улица видела — он ополченец... Хотя, по правде, патрулирование, назначавшееся лишь по особо ответственным дням, было внове и для самого Хая. Вечером, когда он собрался уходить, мать спросила:

— Ты куда?

— В ополчение, — небрежно ответил он.

— Как в ополчение? — переспросила она.

— Да, я иду в ополчение! — сказал он как можно громче.

Слух о том, что Хая приняли в ополчение, сразу разошелся по дому. Вон как дело-то обернулось...

Ополченец, дежуривший вместе с Хаем, вернулся обратно.

— Ну вот, — сказал он, — пойдем в комитет, сдадим повязки.

Хай встал и отшвырнул прилипший к пальцу окурок.

Они зашагали по улице.

— А кто это разговаривал с тобой? — спросил вдруг его напарник.

— Да так, знакомые, — угрюмо процедил Хай сквозь зубы.

Слово это его самого растревожило. Он снова беззвучно пошевелил губами. «Зна-ко-мые... Зна-ко-мые...» Неслышные слова, словно мошки, подхваченные ветром, полетели вдоль спящей улицы.

Хай взглянул на своего спутника, пожилого уже мужчину. Он жил в самом начале улицы, работал кузнецом в авторемонтных мастерских. Может, он задал свой вопрос без всякого умысла, но Хай виновато понурил голову. На душе у него стало тревожно. Всякий, кто пострадал однажды, бывает недоверчив и мнителен.

* * *

Жизнь улицы, как и человеческая жизнь, делится на годы и месяцы, у нее есть свой собственный календарь; все здесь имеет особый смысл и, несмотря на кажущуюся путаницу и суету, подчинено непреложному порядку. Летом, едва вечереет, улица словно сбрасывает с себя одежды. Дверные створки, снятые с петель и положенные на козлы, становятся лежанками, а марлевые пологи тянутся к самым деревьям.

Бао сегодня возвращался домой поздно. Вот какая вышла история... Впрочем, не случись ничего, Бао, как всегда, пошел бы на собрание и все равно вернулся бы поздно. Ответственные заседания проводились чуть ли не ежедневно. В начале каждой недели Приозерный райисполком рассылал уличным комитетам план работы, и на любой день приходилось не менее двух-трех пунктов. Дела эти поджидали дядюшку Бао, как говорится, «на дому».

Впрочем, последнее происшествие было и впрямь чрезвычайным. И случилось оно именно в ту ночь, когда дежурил Хай, и в том самом кафе, возле которого он сидел на пустых бочонках. Вырезанная из цельного стекла дверь шкафа, в котором хранились продукты, оказалась разбитой вдребезги. Случилось это среди ночи, и свидетелей поблизости не было. Милиция обследовала место происшествия и опросила ополченцев с обеих выходивших к реке улиц. Никто ничего не знал. Каждый строил догадки: одни считали, что продавщицы, уходя домой, забыли запереть

дверь, ночью была гроза, и ветром разбило стекло; другие предполагали, что здесь приложили руку злоумышленники; третьи...

Как назло, история эта произошла сейчас, когда весь город вышел на дамбы, чтоб укротить разбушевавшуюся реку, и дел у всех было по горло.

А уж ополченцам и вовсе некогда было дух перевести. Повсюду торчали бамбуковые шесты с красными, как цветы капока*, флажками — шли противопожарные учения. Правда, янки вот уже больше года не смели бомбить Ханой, но в военное время боевая готовность есть боевая готовность, и директивы нужно неукоснительно выполнять. Ведь директивы — это не чьи-то досужие домыслы: такое решение подсказывал опыт, нажитый потом и кровью. Несколько раз американские самолеты сбрасывали бомбы вдоль Красной реки, и ополченцы спускались на берег тотчас, едва умолкали взрывы, помогали соседям спасать из-под развалин людей и тушить пожары.

Народ лишний раз убеждался: не зря в инструкциях сказано, что при отражении воздушных налетов имеет значение каждая мелочь. Все должно быть отработано до совершенства: вынос и отправка раненых, разборка развалин, земляные работы, хранение пищепродуктов, вентиляция... И на учениях люди теперь не жалели сил, старались всему научиться, во все вникнуть. Лишь побывав под огнем, начинаешь понимать, что такое бомбежка. И после каждого налета ополченцы с еще большим рвением относились к занятиям по противовоздушной обороне.

Смотр отрядов ополчения двенадцати улиц района вступил в завершающую стадию. Страсти накалились до предела. Каждый вечер на перекрестке устанавливали макеты из жердей и досок. Их немедленно окружала плотным кольцом детвора. Учебные тревоги стали праздником для всей улицы. Динамик гремел: «Алло! Алло!» — точь-в-точь как на киносъемках. Всякий раз, когда ополченцы «стреляли» струей из брандспойта по мишени, шипение хлещущей под напором воды и крики зрителей давали возможность даже сидевшим дома точно определить результаты. Пожарные тревоги, когда приезжали автоцистерны и ополченцы в касках разбегались по своим местам под

* Капок — хлопчатное дерево.

трели свистков и вой сирен, пользовались наибольшим успехом. В такие вечера даже дети не ходили в кино на фильмы про войну и про шпионов, которые прямо на набережной показывала кинопередвижка.

Дядюшка Бао, как всегда после ужина, пощелкал во рту зубочисткой и погрузился в ворох неотложных дел. Он больше не ждал сына. И не потому, что голова его была забита делами. Просто, считал он, Минь небось уже далеко от дома. А где именно — военная тайна. Старший сын воюет на западе, и письма оттуда идут целый месяц. Может, младшего послали еще дальше, вот и нет еще от него вестей. Так говорил он себе.

Бао встал. Проглядев список предстоящих дел, он вспомнил: сегодня смотр. В отряде у них тридцать восемь ополченцев, все они в общем-то люди крепкие; одна беда — не хватает восемнадцати касок. Хорошо б их где-нибудь раздобыть! Хотя и то, что им удалось достать два десятка, уже здорово! Но вот, скажем, вчера разыгрывали тушение пожара, тут уж каски нужны были всем. Отделения — одно за другим — врывались в горящий дом... Пусть пламя было воображаемым, но вода из брандспойта хлестала самая настоящая, мокрые каски так и блестели! Зрелище впечатляющее, ничего не скажешь. И слова команд из динамика звучали точно музыка. Бао остался доволен. Здорово! Просто здорово! У него был свой критерий для оценки любых воинских учений: главное, считал он, показательная сторона, наглядность — все должно впечатлять, оставлять ощущение мощи и силы. Вот почему во что бы то ни стало надо одолжить где-нибудь полторы дюжины касок. Он записал это в книжку под рубрикой «Самое важное».

Ну и, конечно, весь отряд должен быть в сборе. Смотр — дело нешуточное. Тут каждый человек — на вес золота. Ночные учения — первостепенное мероприятие.

Сегодня комитет самообороны и ополченцы собрались в доме у Бао. Люди уселись на лежанке в его комнате и сразу перешли к делу. Многие думают, будто им нравится заседать. Нет, неверно это: просто всегда набегает уйма дел, клади на каждое хоть по пять минут — уйдет масса времени. Может, бездельники и обожают заседать, но тут был совсем другой случай.

Дежурный перечислил присутствующих. Едва он называл чье-то имя, Бао тотчас заносил его в записную книжку. Он выводил буквы старательно, словно слышал имена эти впервые, хотя уж который раз записывал их в своей книжке и давно знал все наперечет. Потом он снова пробежал список и сказал:

— В третьей группе отсутствует Хай.

Командир ополченцев махнул рукой:

— Ладно-ладно. Сами знаем!

Бао, слегка встревоженный, обвел взглядом товарищей. Многие, как и он, занимались общественной работой на этой улице еще с того времени, когда был освобожден Ханой. Хаю, наверно, тогда не было и десяти лет, и по вечерам он вместе с оравой мальчишек дожидался, покуда Бао вернется с работы — поклянчить у него заветный спичечный коробок. Здесь никто не таил зла против Хая: все знали его с детства. Характер ребенка складывается с годами. Дети не рождаются на свет злыми или испорченными. С тех пор как умер дядюшка Ты, все соседи понимали, они тоже в ответе за Хая. Да ведь словами чужому горю не поможешь.

Бао задумался. Он как-то весь подобрался и посуровел. Впрочем, он всегда становился таким, когда дело касалось работы — здесь ли, в уличном комитете, или у себя в исполкоме. Что бы за вопрос ни разбирался, какое бы ни выносилось решение, спорили люди или отмалчивались, для Бао все это было важнее любых житейских дел.

Другой на его месте, узнав о неблаговидном поступке Хая, попросил бы слова и начал разглагольствовать о дисциплине, о мерах наказания и тому подобных вещах, но Бао был не таков. Да и вообще о каждом молодом парне Бао думал так: а что, если бы он оказался на месте Миня, моего младшего?.. Каким бы он стал?.. Его воспитательный метод был прост — душевность, человечность и терпимость к чужим недостаткам. Он помнил Хая, как и других соседских ребятишек, с самого рождения; многие из них выросли, возмужали и заняли достойное место в обществе: этот ушел на фронт, двое других уехали учиться за границу — в Москву и в Софию, а тот работает на стройке... Нет, Хай не плохой и вовсе не такой уж пропащий парень! Жизненными принципами Бао были глубокая вера в людей, доверие к молоде-

жи. Это помогло ему вроде бы вопреки очевидным фактам увидеть хорошее в Хае. У каждого ведь свои привычки и принципы. Иные привыкли видеть все в черных тонах. Ну а Бао старался в любом человеке отыскать положительное, доброе начало. Люди его поколения, разменявшие уже шестой десяток, помнят и французов, и японскую оккупацию, всякого навидались, и, наверно, немногим удалось сохранить наивность и чистосердечие, отличавшие старого Бао.

Сом, в свое время возражавший против приема Хая в ополчение, пошевелил усами и возгласил:

— Что я говорил?! Сами теперь убедились!

— Вы об этом ночном происшествии? — громко спросил Бао. — Головой отвечаю, Хай здесь ни при чем.

Все зашумели:

— Позвольте, у меня вопрос. Как же так выходит: другие вон сколько раз дежурили ночью — и ничего, а тут с первого раза...

— Почему не опросили продавцов? Может, они забыли запереть дверь как следует?

— Спрашивали. Они не виноваты.

— Да, уж конечно, кто сознается в такой промашке!

— Так-то оно так, да только напарник Хая на обратном пути видел, как он сидел на пивных бочонках возле этого кафе и дымил сигареткой.

— Ну, допустим, курил, но стекол-то он не бил. Вы, товарищи...

— А с чего это вдруг они сигаретами перебрасываются, как ковбои ножами? Напарник его сам видел, своими глазами.

Все рассмеялись, но, заметив огорченный вид Бао, сразу умолкли. Бао пользовался всеобщим уважением. Он подумал, не выступить ли снова, но как их переубедить... И все-таки надо хоть что-нибудь сделать для Хая. Парень ведь неплохой. Нет, не бил он стекол в кафе, да еще во время дежурства. Однако на лицах соседей, сердитых и недовольных, было написано: «Кто его знает, а ну как Хай и виновен?..» Нет, сегодня никто не поддержит его, как на прошлом собрании, когда Хая приняли в ополчение.

И все-таки Бао остался при своем мнении. Тоже довольно редкая черта. Нет, он вовсе не был упрям-

цем. Наверно, работа научила его быть принципиальным.

— Итак, что мы решаем? — спросил он громко, как бы подытоживая прения. — Допустим его к пожарным учениям или нет?

Командир отряда и оба его помощника, поглядев на Бао, улыбнулись и покачали головами, что, впрочем, можно было толковать как угодно. Но тут командир обычной своей скороговоркой произнес:

— Не будем об этом, ладно, товарищ Бао?

— Давай-ка повременим немного, — сказал помощник.

— Ну, наше мнение ясно, — подхватил другой, — а вы — поступайте как знаете.

Бао поднял руку:

— Хорошо, подчиняюсь мнению большинства.

Народ разошелся по домам.

Тетушка Бао, расставляя на полке вымытые чашки, посмотрела на мужа и сокрушенно вздохнула.

— Что? — рассмеявшись, спросил он, не дав ей и рта раскрыть. — Снова небось заладишь про мою работу да про «слоновую кость»?

— Угадал. И никто ведь с тобой не согласен, а ты как свое заладишь...

По правде сказать, все это время она прислушивалась к разговорам в соседней комнате. Обычно она соглашалась с мужем, что бы он ни говорил, и неизменно считала его правым. В спорах с соседками тетушка Бао всегда повторяла слова и доводы мужа и потому слыла на редкость покладистой женой.

Но сегодня... Слушая жену, Бао почему-то вдруг разволновался. Во второй уже раз выбрали его в комитет самообороны. Каждый день, вернувшись с работы и наспех поужинав, он отодвигал чашку, клал на поднос палочки и тут же принимался за общественные дела. Вот и разбери тут, где кончается личное и начинается «слоновая кость»... Он знал только одно: при нынешней новой жизни все это — единое общее дело: и служба, и заботы его улицы. И не отделял общественных своих обязанностей от государственных проблем.

Ночь стояла тихая. Свет фонарей, серебристый и мягкий, похож был на лунное сияние. Где-то ближе к полуночи стало прохладнее. Колченогие скамейки и дощатые топчаны давно уже скрылись за дверями.

Бао подошел к дому, где жил Хай. Дверь была заперта. Улица спала. Лишь на мостовой плясали серебристые блики.

* * *

На другой день Бао снова зашел к Хаю. Вечер едва начался, но Хай успел куда-то уйти из дома.

На перекрестке, как всегда, при большом стечении народа шли учения ополченцев. И когда кому-нибудь из бойцов удавалось, взобравшись по шаткой пожарной лестнице, точно направить струю брандспойта в круг, обозначавший охваченный пламенем высокий этаж, зрители — в основном детвора — разражались восторженными криками.

Куда подевался Хай? Обычно в это время, когда начинало темнеть, он сам заглядывал к Бао. С того дня, как Хая перестали назначать на дежурство, единственным человеком, у которого он мог узнать обо всех уличных новостях, был Бао. И Хай нередко наведывался к нему. Но сегодня он почему-то не пришел, и дома его нет... Узнал небось, что на собрании решено вывести его из ополчения. А может, дошли до него разговоры о том, будто это он, Хай, разбил дверь в кафе, и он в сердцах решил не ходить к Бао... Что он надумал? Где его теперь искать?

Сегодня была очередь Бао идти на ночное дежурство. Все знали, он перегружен делами выше головы, и потому назначили в первую смену — с девяти до одиннадцати вечера.

Было еще рано. Бао зашел в исполком, в коридоре было полно посетителей, дожидавшихся временной прописки, и он не спеша отправился на набережную — там хоть чуть попрохладней.

Вода все прибывала. На горизонте, с северной стороны, полыхали зарницы. В предгорьях шли дожди, питавшие паводок. Город перед наступлением ночи был объят непривычной тишиной. В небе, усеянном яркими звездами, слышался мерный гул летевшего над рекой патрульного вертолета, и можно было различить темный его силуэт — казалось, вращающийся винт вихрем кружит искорки звезд. Едва ощутимый порыв ветра пролетел над дамбой и затих в удушливой жаркой мгле, как всегда поднимавшейся над рекой во время паводка.

Бао глядел на гребень дамбы. Насыпь казалась черной, как и поднявшаяся почти вровень с нею река. И только смех девушек-ополченок, веселый и звонкий, как-то смягчал ощущение напряженности и тревоги. Потом зазвучала свирель — ополченцы закатили на дамбе целый концерт.

Бао подошел к насыпи. На скате, у самой воды, стоял плавающий транспортер. Так вот она какая, амфибия! Рядом на дамбе толпились солдаты. Они, наверно, только что прибыли и ставили брезентовые палатки — собирались здесь заночевать. Судя по раздававшемуся где-то неподалеку стуку и приглушенным женским голосам, ополченки помогали солдатам вбивать колышки и ставить палатки.

Он подошел поближе. Значит, здесь, как и на остальных ханойских дамбах, будет дежурить амфибия. Бойцы мотопехоты готовы сразиться с наводнением. Да, в нынешнем году против паводка брошены самые современные средства.

Вдруг Бао замер. С берега послышалась чья-то песня и обрывки разговора:

— Эй, товарищ Минь! Ну как, командир дал тебе увольнительную?

«Минь!.. Какой Минь?» — мелькнуло в голове у Бао.

— Ага! — отвечал другой голос.

— Что «ага»?

— Командир помнит, где я живу. Он так и сказал: «Знаю, твой дом здесь, неподалеку, сразу за Часовой башней». Месяц назад он ездил в командировку в Ханой и был у меня дома, виделся с отцом.

— Вот здорово!

— Оборудуем все для отдыха, и я схожу домой...

Точно, это был Минь, его Минь! Бао никак не ждал встретить сына здесь. Он стоял молча. «Так-так, значит, Минь еще в Ханое... Радость-то какая!.. Скоро придет домой... Нет, не буду подходить к нему; ни к чему смущать парня... Посижу лучше, подожду его в сквере... Он все равно пойдет мимо...»

Усевшись на каменную скамью, Бао почувствовал вдруг смутное беспокойство: что-то осталось несделанным сегодня... Само собою, все дела были занесены в записную книжку, и, если какой-то вопрос ре-

шался окончательно, Бао доставал авторучку «Чыонгшон» и, поднеся книжку поближе к глазам, находил соответствующую запись и зачеркивал ее всю до последнего слова. Незачеркнутыми остались лишь несколько строчек — дела Хая, — они казались немым укором.

Фонари, прикрытые колпаками затемнения, бросали на землю неяркий круг света у самого кафе. Минуту назад здесь еще толпился народ, но едва продавщица выдернула пробку из бочки — жест, означавший: пиво кончилось, — люди мгновенно разошлись. Они шагали теперь вдоль улицы, надеясь найти место, где торгуют пивом допоздна.

Опустевшая набережная притихла. В темноте мерцали, как светляки, лишь несколько огоньков в сбитых на скорую руку домиках переселенцев, поднявшихся сюда из затопленной паводком низины. У каждого дома привязан был к дереву бык или корова. Хруст травы — ее усердно жевала скотина — был единственным звуком, тревожившим тишину.

Издалека, с улицы Кувшинов и улицы Рыбного соуса, где теснились разномастные дома, долетал перезвон ведер у колонки и гул бьющей в дно струи — привычные голоса ночного Ханоя, слышные в тишине по всему городу.

Бао откинулся на спинку скамьи. С дамбы, где ставили палатки солдаты, по-прежнему доносились разговоры и смех. Наверно, Минь еще не освободился. Бао задумался о сыновьях, служивших в армии, рассеянно поглядывая в сторону переулка Фатлок. В сорок шестом старший сын вступил в Отряд защиты отечества и сражался, обороняя Первую зону, в самом центре Ханоя. Больше двадцати лет прошло с тех пор, как Столичный полк дрался в районе Серебряного ряда с красными беретами*, прошла, можно сказать, половина жизни. За эти годы враги не раз приходили на землю Ханоя, но народ выгонял их вон. Казалось, сама здешняя земля, словно гигантский фильтр, отделяла и исторгала прочь все лишнее, все чуждое и злое. А может, и время было таким фильтром или народ, сами люди, не случайно ведь дожили они до сегодняшнего дня и живут при новом строе.

---

* Красные береты — отряды особого назначения во французской армии.

Потом мысли Бао сами собой перешли к Хаю. Что же с ним делать? Как научить его обдумывать наперед свои поступки? Тогда он и в коллективе найдет свое место. А иначе проку не будет. Сунется туда-сюда, а его отовсюду вышибут. Нет, теперь самое время сказать ему в лицо: «Кто ты? Чужой, конченый человек или?..» Узнать бы наверняка, он ли разбил это злополучное стекло? Да нет, быть не может... Надо наставить парня на правильный путь. Пусть сам, своим умом поймет, что такое преданность делу, чувство долга. Где только он пропадает второй вечер подряд? Уж не снюхался ли снова со старыми дружками? Много еще шляется по улицам всякой шпаны. Да, дело это, как говорится, сложное. Хай сейчас вроде на перепутье. Загляну-ка к нему попозже.

На темневшей поодаль скамье лежал какой-то человек. Издали не разглядишь, но, судя по песенкам, которые он напевал себе под нос, это был молодой парень. Вдруг он умолк. Наверно, заснул. Нет, парень запел снова. Бао взглянул на него. Небось какой-нибудь приезжий — решил переждать здесь до утра, чтобы быть первым за билетами у кассы. Правда, в отличие от прошлого года, когда из столицы эвакуировалось гражданское население, автостанции и вокзалы не размещались больше в парках и скверах, но многие по-прежнему устраивались здесь на ночлег, дожидаясь утреннего автобуса или поезда. Со всех концов страны люди ехали в Ханой как к себе домой. Приезжие разгуливали по столице, словно где-нибудь на деревенской ярмарке. Оно и понятно: Ханой принадлежит всем. Вот и этот парень дожидается, верно, первого автобуса, который ходит до Известкового ряда. Решил отдохнуть пока на прохладе. Разлегся и ублажает себя пением. Да, Ханой теперь принадлежит всем.

Бао засмеялся своим мыслям. Сам он всегда честил тех, кто понимал свободу на особенный лад: торгуй, мол, себе вволю, дери глотку где душа пожелает, мусори где попало... Нет, Ханой не тот город, чтоб терпеть подобное безобразие.

Парень на соседней скамейке снова запел. Песенка была явно игривого свойства.

Как человек, обязанный заботиться о порядке и спокойствии на улице, Бао насторожился: что за тип? Разлегся ночью посреди сквера и распевает всякую

ерунду! Дело здесь явно нечисто. Да, ну а если это кто-нибудь из соседских ребят просто вышел подышать на ветерке?

Терзаемый сомнениями, Бао встал, подошел поближе. Голос «певца» вдруг показался ему знакомым.

— Хай! — окликнул он парня.

Тот сразу встал. А Бао, разглядев густую шевелюру, понял: он не ошибся. Ну и дела! Хаю небось некуда деться от скуки, вот и прохлаждается в сквере, напевая модные песенки. А кругом все двери заперты, все спят.

Бао расстроился вконец и почему-то почувствовал себя виноватым. Он подошел к скамейке. Хай сидел согнувшись, упершись локтями в колени. В неясном свете фонаря, заслоненном зелеными ветками, Бао не мог толком его разглядеть, но он знал: лицо у Хая сейчас печальное и хмурое, как эта тяжкая жара, как река, безмолвная и темная.

Старый Бао вдруг ткнул рукой куда-то в сторону и задал Хаю вроде бы совершенно нелепый вопрос:

— Ну-ка, скажи, что за стена торчит вон там, у самой дороги?

— Это переулок Фатлок.

— Верно, переулок Фатлок. Именно там когда-то Столичный полк вышел из окружения под носом у красных беретов. Больше тысячи солдат ушло из вражеского кольца, а тэй словно обалдели — и ухом не повели...

— Они обнаглели и потеряли бдительность, — вдруг подхватил Хай. — А сколько еще славных подвигов совершили в ту ночь бойцы Авангарда! И все это произошло на небольшом участке дороги от здешней низины до Тэмса. Верно, дядя Бао? Самый опасный момент был, когда наши пробирались между быками моста Лаунгбиен. Ведь солдаты Иностранного легиона стояли на проезжей части, а быки и пролеты затянули сетью, утыканной пустыми консервными банками: один неверный шаг — гремят банки, и противник открывает огонь...

Бао слушал его и радовался, как будто история эта была для него внове. Но потом, не выдержав, спросил:

— Выходит, и ты знаешь про Столичный полк?

— А как же! — с гордостью отвечал Хай. — Не

вы ли рассказывали нам о его подвигах. Помните Бая, Хоа? Нам, как и Миню, было тогда лет десять... Послушаем вас, а потом спорим до хрипоты: кто, когда вырастет, станет бойцом Столичного полка.

— Да-да, припоминаю, Бай, Хоа и этот... Бан...

— Бан теперь воюет на Западном фронте.

Так, слово за слово, завязался разговор. Грозным голосом вторила им во мраке река. И словно совсем рядом громыхали ведра в переулке Фатлок. К полуночи вода в реке поднялась еще выше. Но город спал спокойно.

Надо же — Хай запомнил историю Столичного отряда, точь-в-точь как рассказывал ее дядюшка Бао. И они, перебивая друг друга, вспоминали подвиги сыновей Ханоя.

Хай родился на свет два года спустя после того, как Столичный полк вышел из вражеского окружения. Совсем еще мальцом услыхал он об этом, а с годами узнал продолжение той давней истории: как полк пробился тогда в Свободную зону и потом, в годы войны с французами, дрался на разных фронтах, штурмовал Дьенбьенфу и с победой вернулся в Ханой. А сегодня... Сегодня Столичный полк тоже сражался с врагом.

— Хай! — сказал вдруг старик.

— Да, слушаю вас, дядя Бао.

— Я завтра работаю вечером. Стало быть, утро у меня свободное, я сам отведу тебя на завод. Все им объясню...

— Дядя Бао!

— Нет-нет, помолчи, сынок. Мне все ясно.

— Но я не хочу, чтобы вы ходили на завод. Лучше сходите, прошу вас, в военкомат, уговорите их взять меня в армию. Я решил стать солдатом!

— Вот это здорово! — воскликнул Бао.

Старик положил руку на плечо Хая, потом вдруг заторопился, подошел поближе к фонарю и раскрыл свою записную книжку. Страница за страницей — сплошь перечеркнутые строки. Старые вопросы, решенные дела... Призыв в армию — имена в алфавитном порядке... Директива восемьдесят девять... Собрание по пропаганде санитарии и гигиены... Он снова и снова перелистывал книжку: наконец-то, вот она, запись с именем Хая — в перечне дел на прошлый месяц.

Бао зачеркнул ее и на странице, помеченной сегодняшним днем, сделал новую запись: «Решить вопрос с Хаем», затем подумал и приписал: «Переговорить в военкомате». И, прищелкнув языком, посетовал про себя: «Вконец обленился я. Наметил кучу дел, а результатов — никаких. Разве время сейчас раскачиваться! Нет, надо быть собраннее!»

Мимо фонаря прошел солдат. Бао глянул ему вслед, но тот уже исчез в темноте. И все же старик был уверен: это Минь.

Соседи все еще прохлаждались на выставленных за дверь топчанах — очень уж душная была ночь. Лишь изредка налетал чуть заметный ветерок, — нет, даже не ветерок, а так — дуновение. Бао подумал: вот сейчас соседи увидят сына. Да и жена, должно быть, не спит еще. Пусть тогда сварит нам по чашке имбирного чая.

1971 г.

НГУЕН ТУАН

КРУГЛЫЙ СЛАДКИЙ ПИРОГ ЗЕО *

Вся семья собралась на праздник лунного Нового года. Маленькой Тхом нравился этот праздник и его название — длинное, из трех слов — Тет нгуен дан. В доме было очень весело. Бабушка ласково кивала всем белой седой головой, а дедушка поглаживал свою белую седую бородку.

Дедушка с бабушкой похвалили Тхом:

— Внученька наша подрастает — с каждым днем становится все смышленее и послушнее.

Нгот, старшая сестрица Тхом, стала подмигивать ей и размахивать руками, будто собиралась запеть веселую песню. А мама обняла Тхом и сказал громко, словно выступая на семейном совете:

— Если в этом году учительница в приготовительном классе похвалит нашу Тхом за прилежание и хо-

---

* Пироги зео из поджаренной рисовой муки готовят в формах; начинку обычно делают из засахаренной дыни и тыквенных семечек.

рошее поведение, я подарю ей чудесный подарок. Мы все втроем, дедушка, бабушка и я, придумаем для вас, доченьки, что-нибудь особенное. Послушай-ка, Нгот, а не устроить ли нам Праздник Середины осени? * Вкусных вещей наготовим! Вот уж будет всем подаркам подарок.

Тхом толком не знала, что за праздник такой — Середина осени. Но название, тоже из трех слов, ей нравилось: Тет чунг тху. Вообще все названия, начинающиеся на «тет», ей нравились, потому что слово это значит — «праздник». Так объяснил ей дедушка. Да она и сама понимала, когда наступает Тет, столы так и ломятся от угощения; взрослые и дети гуляют по улицам нарядные, веселые, улыбающиеся, все приветливо здороваются друг с другом. Даже улица, где живет Тхом, становится чище и наряднее. «А хорошо бы, — подумала Тхом, — чтобы каждый день назывался Тет!»

Но что это все-таки за праздник, Тет чунг тху? И когда он наконец настанет? Мама, конечно, очень любила Тхом, но никогда ничего не могла ей объяснить до конца.

— Ах, доченька, — говорила мама, — и как тебе только не надоест спрашивать? Что за праздник Тет чунг тху?.. Ну-у, главное — в тот день для детей в каждом доме ставят «гору сластей», высокую-превысокую. Там тебе и пироги и фрукты... Вот придет Тет чунг тху, вы закончите учебный год, и, если учительница похвалит тебя, я вам такую «гору сластей» построю! А сейчас некогда мне, я должна идти на занятия и на базар. Ты бы лучше Нгот расспросила, она у нас все знает.

Нгот делала уроки, но, как всегда, с готовностью начала объяснять:

— Праздник Середины осени — это осенний праздник. Ведь осень, как и весна, самое лучшее время года. Осенью очень много фруктов, небо прозрачное и луна красивей и ярче... А всего есть четыре времени года...

---

* Праздник Середины осени (Тет чунг тху) отмечается 15-го числа 8-го месяца по лунному календарю, восходит к культу луны и плодородия; считается праздником детей; празднику сопутствует обычай «созерцания луны». В этот день устраиваются карнавальные шествия, иллюминации и т. п.

— А что такое «время года»?

— Вот пойдешь в школу, как я, и сразу все поймешь. А пока не мешай мне, я еще вон сколько должна повторить.

Да, маленьким жить нелегко: спрашиваешь, спрашиваешь, а мама с сестрой почти не отвечают. Тхом согнула пополам мизинец, поглядела на него и пригорюнилась.

Ладно, ничего не поделаешь. Нгот сказала, что луна бывает большой и круглой двенадцать раз в году. А год?.. Ясно, ясно: год проходит от одного дня рождения Тхом до другого! Но самая круглая и красивая луна, говорила Нгот, бывает в ту ночь, когда празднуют Тет чунг тху. Вот почему, говорит бабушка, чудесные и вкусные пироги зео непременно должны быть круглые, как полная луна.

Хорошо бы каждый месяц праздновать Тет чунг тху!

Стоило теперь Тхом увидать полную луну — и ее нельзя было уложить спать. Она внимательно разглядывала луну, и ей чудилось, будто это вовсе не луна, а круглый пирог, вкусный, сладкий, пахучий, хоть клади его на стол, прямо на гору сладостей. Надо попросить маму, пусть испечет побольше сладких лун. А эта, что висит за окошком, самая большая и красивая, непременно достанется Тхом, когда будут «ломать гору» *.

Луна поднималась все выше и выше и становилась все больше и светлее. Тхом и сама не заметила, как заснула, сложив ладошки на животе. И снилось ей, будто она держит в руках пирог, сладкий и круглый, как луна за окном.

Бабушка и дедушка захотели съездить в деревню, где вся семья жила в эвакуации. Через неделю они вернулись и, едва войдя в дом, воскликнули:

— Ну, внученьки, праздник-то ваш уже на носу!

Тхом и Нгот стали разбирать бабушкин и дедушкин багаж: клетку с курами; торбу пахучего клейкого риса неп — надкусишь зернышко, а в нем капель-

---

* «Ломать гору» — значит разобрать сложенные в специальном порядке лакомства и фрукты и поделить их между детьми.

ка соку, белого, как молоко; фрукты всякие-разные — и крушина, и огромные грейпфруты.

А луна с каждым вечером становилась ярче и круглее.

Проснулась Тхом однажды, смотрит, а на столе красуется множество сладких пирогов зео. Одни пироги круглые, точь-в-точь как луна, а другие — нет.

— Нгот, а Нгот, — спросила Тхом сестру, — что это за некруглые пироги?

— «Некруглые»! Скажешь тоже... Они — квадратные.

— Какие?

— Квадратные! У них все стороны равны и все углы прямые.

— Если прямые, почему же они загибаются?

— Ладно, начнешь учиться в школе, как я, — сразу все поймешь.

— Нгот, а Нгот, а какие вкуснее — круглые или эти... прямые!

— Горе с тобой — одинаковые! Одно тесто, одна начинка...

Значит, круглые пироги и квадратные — все на один вкус, решила Тхом, и каждый ест какие ему больше нравятся.

Она отвернулась от стола и тихонько подошла к маме и Нгот. У мамы ладошки были зеленые-презеленые, как салат на кухне, как листья в саду; а у Нгот — красные, словно праздничные флаги на улице. Мама с сестрой, каждая в своей чашке, красили грейпфруты. Зеленые и красные грейпфруты были куда красивее обычных — блеклых, желто-белых.

— Мама, скажи, пожалуйста, почему лунные пироги делают не круглыми, как луна, а квад... квадратными?

Нгот засмеялась и крикнула:

— Ну-ка, ты, великий геометр, отойди подальше! Испачкаешь платье, потом не отстирается.

А мама сказала:

— Доченька, ты бы лучше сбегала к деду, посмотрела, какие он во дворе фрукты раскладывает. Там и крушина есть, и гуайявы, и хурма без косточек, а грейпфрутов видимо-невидимо.

Около дедушки сидела кошка — белая с черными пятнами. Кошка легонько тронула лапой спелую желтую гуайяву. Она выкатилась из нижнего ряда, вся

горка рассыпалась, плоды раскатились по мощенному красным кирпичом двору. Пришлось дедушке собирать их и мыть заново.

— Знаешь, дедушка, — объявила Тхом, — я не люблю нашу кошку!

— За что ж ты ее не любишь, внученька?

— Уж очень много у нее в лапах колючек. Скажи, дедушка, а кошка ест сладкие пироги? Если ест, пускай берет себе квадратные, ладно?

Дедушка ничего не ответил. Он вытирал полотенцем целую гору тарелок и блюдец. Они были тоже круглые.

— Послушай, дедушка, а бывает квадратная луна и квадратные грейпфруты?

— Да что это с тобой, внучка? Ты же у нас умница — и вдруг болтаешь всякий вздор! Луна всегда круглая, и грейпфруты — тоже.

Тхом очень любила играть и шутить с дедушкой, но дело было серьезное. И она снова спросила:

— А зачем же тогда квадратные пироги?

— Квадратные, круглые — пироги как пироги: мягкие и сладкие... Круглые пироги — это вроде небо или солнце с луной. А квадратные — земля*. Ох, постреленок, все-то тебе надо знать, беги лучше погуляй. Не мешай нам с бабушкой готовить «гору сластей», а то и праздничную луну прозеваем.

«Ну прямо беда, — думала Тхом, — даже дед ничего не захотел объяснить... Разве это объяснение: «земля», «небо».

А на улице все громче и громче грохотали барабаны. Звонкой дробью раскатывался барабан эть с медным корпусом. Гулко гудел бочонок, сотрясавшийся в лад пропущенной сквозь него веревке, которую дергали и трясли с обоих концов парни и девчата. Везде слышались веселые песни, шутки. Тут уж каждому стало понятно: праздник начался.

Тетушка Луна весело улыбалась за окном и светила изо всех сил — ярче, чем солнце в полдень. Но над «горою сластей» у Тхом было еще светлее: маме показалось мало горевших под потолком электрических

---

* Вьетнамцы в древности считали, будто небо имеет круглую форму, а земная твердь — квадратную; поверья эти сохранились до сих пор в некоторых обычаях и обрядах.

лампочек, и она зажгла много-много свечей. От барабанного гула поднялся ветер, и огоньки свечей метались из стороны в сторону. А веселые зайчики от огоньков прыгали в широко раскрытых черных глазах Нгот.

Громкие раскаты барабанов всколыхнули всю столицу. И тетушка Луна, растроганная этой встречей, подмигивала с небес двум сестренкам — Нгот и Тхом.

К ним в гости на праздник пришел старый директор маминой школы. А дедушка пригласил и уличного старшину. Ведь с гостями куда веселее.

Наконец все были в сборе. Мама взяла из «горы сластей» блюдо с пахучим, сваренным на пару рисом, в середине которого желтела затейливо разделанная вареная курица. Нарезав курятину, мама наполнила стопки розоватой наливкой и, как положено, пригласила гостей «сломать гору».

Дедушка погладил свою белую бороду, дружелюбно взглянул на луну и поднял стопку, приглашая гостей к угощению. Бабушка тоже подняла стопку и поклонилась гостям. А мама стала потчевать их разными вкусными вещами. Хотя Тхом, честно говоря, удивилась: мама, хоть и была уже совсем взрослая, не стала пить наливку, а пила только горячий чай.

Барабаны на улице били все громче и быстрее, словно приглашая луну подняться повыше и засиять в полную силу.

— Мама, а мама, — спросила Нгот, — можно я сбегаю к моей подружке Нянь? Мы всем классом давно уже сговорились «сломать» у нее «гору».

Мама улыбнулась и кивнула головой.

— Мамочка, можно я тоже схожу к Нянь? — сказала Тхом. — Она живет рядышком, в нашем переулке. У нее «гора сластей» совсем маленькая — одни грейпфруты, и не так красиво и светло, как у нас. Мне ее очень жалко, потому что на столе у них нет луны. Дай мне, пожалуйста, большой пирог, только обязательно круглый. Я отнесу его ей в подарок. Нет, квадратного мне не надо, я хочу подарить круглый...

Тхом завернула пирог в красивую разноцветную бумагу и со всех ног пустилась бежать по переулку. Она бежала вприпрыжку и приговаривала: «Луна добрая-добрая, веселая-веселая... Луна круглая-круг-

лая, светлая-светлая...» Потом остановилась с разбегу у дома Нянь и напоследок пропела: «Лун много-много...»

НГУЕН ВАН БОНГ

ОРХИДЕИ

Дорогой, я решилась написать Вам, потому что мне так и не удалось сказать Вам все, что хотелось бы. Я пишу, чтобы Вы прежде для себя решили, как нам быть. Иначе могу ли я дать Вам ответ? Посудите сами, какой смысл торопиться с ответом, если Вы не знаете обо мне всего? Нет, сначала Вы все обдумаете, так будет лучше.

Знаете, я обычно встречаю рассвет среди цветов. Проснувшись, я первым делом внимательно разглядываю мои цветы, любуюсь каждым листиком, каждым лепестком. Цветы тоже смотрят на меня. Я одинока, как веточка орхидеи, не нашедшая себе ствола-опоры. А Вы вполне могли бы стать для меня такой надежной опорой. Почему же я не спешу с ответом?

Не думайте, что я полюбила Вас потому, что вдове осточертело одиночество и мне захотелось опереться на Ваше плечо. И совсем не потому, что нелегко устоять перед славой победителя, — хотя я жила при прежнем режиме и была свидетельницей его краха. У меня есть более серьезные основания, чтобы полюбить Вас.

Живя в Сайгоне до освобождения, поневоле приходилось задумываться о том, кто они такие, вьетнамские коммунисты, или вьетконговцы, как их называла здешняя печать. К восемнадцати годам, к тому времени, когда я уже стала студенткой и научилась самостоятельно мыслить, у нас на Юге трудно было сыскать простачка, который бы всерьез верил россказням о том, что вьетнамские коммунисты — жалкие, ничтожные люди. Смешно верить анекдоту, будто «северяне» столь субтильны, что, повиснув вчетвером на хвостике папайи, не в силах переломить этот хвостик. До нас уже доходили слухи, что вьетконговцы предпринимают наступательные операции не только за пределами Сайгона, но порой устраивают переполох и на ближайших подступах к городу и

появляются даже в самом городе. Они вездесущи, как бесовское наваждение... Мы, обитатели дальнего тыла, привыкли не доверять пропагандистским сказкам, которыми пестрели газеты, мы больше полагались на собственную сообразительность. Так, например, в Сайгоне однажды власти устроили выставку оружия, «захваченного у вьетконговцев». И совсем неожиданно выставка эта заставила нас всех усомниться в разглагольствованиях властей о том, что вьетконговцы слабы — только и знают, что отступать. Мы вдруг поняли, что они сильны, коль скоро у них такое оружие.

Иногда нам устраивали встречи со студентами, бежавшими «с той стороны», с солдатами, кадровыми работниками, «пробравшимися» к нам по горным тропам хребта Чыонгшон. Начиналась шумиха в печати, выступления деятелей литературы и искусства... Посмотреть на этих вьетконговцев было любопытно. Их заставляли произносить речи про то, что в Северном Вьетнаме, дескать, «нет свободы», а «интеллигенция, деятели литературы и искусства страдают от репрессий». Нам хотелось не столько послушать, сколько посмотреть на них: зеленые юнцы, у которых вроде бы и нет ничего за душой, выступали с докладами, толковали о свободе, о правах интеллигенции и деятелей литературы и искусства, при этом у них проскальзывало такое понимание сути вопроса, которое приводило нас в изумление. Откровения этих людей, которые «капитулировали, пришли с повинной, вернулись к настоящей жизни», все же помогали нам кое-что узнать о Северном Вьетнаме, о коммунизме, заставляли нас думать, спорить...

На лекциях нас, студентов, беспрестанно пичкали всякими небылицами, но мало кто из нас верил официальным наставникам, разглагольствованиям с кафедр. Мы куда больше верили газетам и журналам, выходившим в Северном Вьетнаме, которые тайком передавали из рук в руки. Одного парня — он мне очень нравился — бросили в тюрьму только потому, что у него нашли северовьетнамские издания. Он был усердным студентом, не ходил на демонстрации, не проводил бессонных ночей за жаркими спорами, не участвовал в студенческих сходках и не пел революционных песен, но его зверски пытали, потом отправили в тюремную больницу. Там он и умер...

Потом я вышла замуж. Этот питомник орхидей

основал мой муж. Помнится, муж как-то показывал мне открытки: на них были орхидеи, выращенные любителями в Ханое, орхидеи, которые выросли в цветнике у самого Хо Ши Мина (теперь я знаю, что эти открытки широко распространялись в Северном Вьетнаме и что Хо Ши Мин увлекался орхидеями уже тогда, когда жил в хижине во дворе бывшей резиденции французского генерал-губернатора в Ханое*, еще до того, как для него неподалеку был построен деревянный дом на сваях, который сейчас превращен в музей). Муж показывал мне и открытки с орхидеями, которые росли около дома генерала Во Нгуен Зиапа, открытки, на которых были изображены орхидеи, украшавшие дула орудий на танках советского производства, воевавших в Южном Вьетнаме, а один танк был усыпан орхидеями, словно его искусно замаскировали. Орхидеи были на вещевых мешках кадровых работников и солдат, преодолевавших перевалы и переправлявшихся через горные ручьи, орхидеи были в крытых пальмовыми листьями жилых помещениях и в военных штабах секретной зоны Тэйнинь, находившейся на территории, контролируемой Фронтом освобождения, орхидеями маскировали нейлоновые палатки в джунглях...

Я расскажу потом, каким образом эти открытки оказались у моего мужа. Благодаря этим открыткам, пусть не покажется это странным, у меня сложилось свое представление о северянах. Помнится, еще муж рассказывал мне, что некий ханойский любитель орхидей окружил свой садик проволокой с электрическим током, но это не помогло, и орхидеи были похищены. Откуда такое пристрастие к цветам у этих людей?

Обмануть меня глупыми баснями про Северный Вьетнам было уже невозможно. Но я не могу сказать, чтобы мы прониклись любовью к нему. Мы относились к нему уважительно, но все же побаивались, считая, что северовьетнамцы слишком далеки от нас, имеют с нами слишком мало общего. Тогда мне бы и в голову не пришло, что я когда-нибудь полюблю коммуниста. Разве можно полюбить человека, которого побаи-

---

* Имеются в виду первые месяцы после возвращения правительства Демократической Республики Вьетнам в октябре 1954 года.

ваешься, с которым не имеешь ничего общего, хотя и уважаешь его. Я уже говорила, что парень, который мне нравился, был замучен в тюрьме. Потом я встретила человека, за которого вышла замуж. Я вышла замуж не по любви (мужа уже нет в живых, и мне не следовало бы так говорить, но что поделаешь, если это правда). Муж был старше меня на семь лет, а обстоятельства в нашей семье были таковы, что мне не приходилось рассчитывать на другие предложения. И я никогда не мечтала о муже министре или генерале. Мне хотелось всего-навсего выйти замуж за самого обыкновенного человека, лишь бы он был порядочным. Мой муж был преуспевающим дельцом, и хотя миллионов у него не было, прилично обеспечить семью он мог. Он хорошо разбирался во многих вопросах, имел обширные связи и был очень привязан к семье. Чего же желать! После того как он стал разводить орхидеи в этом питомнике, наша семья перебралась сюда, подальше от сайгонской сутолоки. Здесь мы жили спокойной жизнью, к тому же в питомнике для каждого нашлось дело.

Мы прожили безбедно до весны 1975 года. В марте — апреле 1975 года в стране развернулись события, которые положили конец нашей тихой мирной жизни. Нас охватил страх, предчувствие беды. И не напрасно: 27 апреля мой муж был зверски убит.

Я овдовела как раз в то время, когда на Юге царила неразбериха, когда одни стремились во что бы то ни стало уехать, сбежать из Вьетнама, а другие, наоборот, возвращались, когда одни тряслись от страха, а другие ликовали. Я носила траур по мужу, и мы с сыном не собирались трогаться с места. За нашим городским домом присматривал надежный человек. У меня оставались кое-какие средства, на них мы с сыном смогли бы более или менее сносно прожить еще несколько лет. Я чувствовала, что уже не смогу расстаться с нашими орхидеями, за эти годы я к ним привыкла. Муж вложил в них столько сил, и я с удовольствием ухаживала за ними. Сын тоже возился с ними с утра до ночи, из-за них он даже бросил институт.

Итак, и после освобождения Сайгона мы с сыном продолжали ухаживать за орхидеями, словно ничего не изменилось. Тогда мы, конечно, и не помышляли о расширении питомника. Часть наших работников сбе-

жала, с нами осталось лишь несколько человек. Они продолжали работать отчасти из чувства долга, отчасти потому, что не нашли другой работы. Во всяком случае, они мало надеялись на твердый заработок. Получилось так, что основными работниками стали мы с сыном.

И вот однажды у нас появились представители из волости. Среди них оказались люди, с которыми нам довелось познакомиться еще до того, как Юг был освобожден. Представьте себе, мы встретили знакомых, которые при американцах были здесь на нелегальной работе. Иногда они появлялись у нас, мы с мужем встречали их как надо и помогали чем могли — они этого не забыли и вот теперь решили навестить меня. Они, оказалось, очень обходительны, бодры и веселы. Мы с сыном поинтересовались дальнейшей судьбой нашего питомника, но они лишь разводили руками: питомник, мол, вам принадлежит, вы и решайте. Конечно, постарайтесь его сохранить, а у местных властей пока на этот счет никаких указаний нет. Судьба вашего питомника в дальнейшем будет решаться городскими властями Сайгона или даже в центре, в Ханое. Мне предложили заняться кое-какой общественной работой, я согласилась. Потом появились представители района, затем города — это была военная администрация. Военные, оказывается, не забыли тот случай, когда после неудачной операции в Сайгоне * целый отряд укрылся в нашем питомнике вместе с «джипом», орудием и минометами. Гости сами напомнили мне об этой встрече, а мне было некогда заниматься воспоминаниями, так как работы у меня было по горло. Дело в том, что отряд уходил из города на рассвете, продолжать путь до наступления темноты не мог, потому-то бойцам и пришлось остановиться у нас. Они нам сказали тогда напрямик, без утайки, кто они такие, и посоветовали не обращать на них внимания и спокойно работать, а сами заняли оборону, скрытно выставив дозоры. Правда, они запретили нам покидать территорию питомника, сказав, что вынуждены будут задержать каждого, кто появится здесь. Мы, конечно, подчинились. К счастью, в тот

---

* Имеется в виду наступление на Сайгон отрядов Фронта национального освобождения Южного Вьетнама зимой и весной 1968 года.

день к нам не наведался ни один солдат марионеточной армии, хотя вокруг нас располагались укрепленные военные посты. С наступлением темноты отряд двинулся в путь, причем с нами вежливо попрощались, поблагодарив за оказанную услугу.

Один американец по имени Джон Тоффер как-то поинтересовался, почему муж подчинился тогда приказу вьетконговцев. Муж нехотя ответил: «Попробуй не подчинись! Они бы разнесли мой питомник, а нас вряд ли оставили в живых». Тоффер криво усмехнулся и понимающе кивнул. О нем, об этом Тоффере, я расскажу потом подробнее.

После того как у нас побывали люди из городской администрации, появились представители Вашего ведомства. Они подробно расспросили о состоянии дел, поинтересовались бумагами, каталогами. Я сказала, что намерена отказаться от питомника в пользу государства, так как одной мне заниматься им не под силу. Ваши коллеги ничего по этому поводу не сказали, но при очередном визите предложили создать смешанную компанию на следующих условиях: государство выделяет дополнительные средства, меня назначают директором компании, сын будет зачислен в штат, старые рабочие, если захотят, могут остаться, но придется взять еще и новых. Словом, питомник нужно расширять. Он будет передан в ведение экспортно-импортной компании, специализирующейся на цветах и фруктах.

Вы появились в питомнике вместе с Вашими коллегами из экспортно-импортной компании. Потом Вы стали часто наведываться к нам, помогали мне наладить работу на новых принципах. Вы с самого начала относились ко мне с очень большим доверием, а потом полюбили меня. И я полюбила Вас. Мы избегали объяснений и старались сдерживать свои чувства. Я — потому, что не хотела опошлять наши отношения, потому, что привыкла уважать себя, и еще потому, что полюбила Вас по-настоящему. А Вы, почему Вы скрывали от меня свою любовь, хотя это причиняло Вам страдания? Ведь Вы знали, что пользуетесь взаимностью, да? Вам кое-что стало известно? Но ведь рано или поздно и Вы, и Ваши коллеги все равно бы узнали... Может быть, Вы знали обо мне и мучились сомнениями? Может быть, Вы считали меня не той женщиной, которая достойна Вашей любви? Если бы я

осталась такой, какой была прежде, я попыталась бы Вам отомстить. Я отомстила бы Вам, расставив любовные сети, из которых нелегко было бы выбраться. Но нет, я теперь совсем другая, да и ни к чему эти уловки, если веришь, что тебя любят. Вы ведь уже готовы были сделать признание... Мне всегда претили легкие, поспешные слова о любви. Выстраданная любовь сильнее. Правда, чем больше страданий доставила нам любовь, тем страшнее признание и приговор. Я не могу больше видеть, как вы страдаете, хотя и делаете вид, что ничто не мешает Вам спокойно работать. В самом деле, почему любовь ко мне должна доставлять страдания? Нет, я не буду делать вид, что ничего не замечаю, не буду дожидаться, когда Вы скажете мне слова любви, потому что я люблю Вас и мне незачем скрывать это.

Вам будет интересно узнать, за что я Вас полюбила.

За Ваше прошлое и за Ваше настоящее. К тому времени, когда мы с Вами познакомились, я уже имела кое-какое, самое общее представление о коммунистах, но очень многое оставалось недоступным моему пониманию. Вы рассеяли мои сомнения, заставили меня поверить в будущее, мне захотелось сотрудничать с Вами. Сначала работа сделала нас друзьями, а потом я полюбила. Я все знаю про Вас: совсем молоденьким парнишкой Вы вступили в армию при перегруппировке войск Народной армии Юга в 1955 году. Вы были направлены на Север, затем демобилизовались по состоянию здоровья, закончили финансово-экономический институт, работали по специальности, занимались вопросами экономики и внешней торговли и, наконец, были посланы сюда для работы в экспортно-импортной компании. В сорок лет Вы еще не женаты. Когда я спросила, почему Вы не женаты, Вы ответили, что просто случая не представилось.

Вы немногословны, но умеете говорить так, что Вам верят и Вас понимают.

Вы не только вернулись с победой, Вы сумели вселить в других чувство причастности к общей победе. Вы помогли мне разобраться во многих вещах, понять, в чем наша сила, но вместе с тем Вы не боитесь говорить о наших недостатках, упущениях, более того — ошибках. Вы умеете доверять другим и увлекать за собой других.

Наш питомник как будто не очень велик, а сколько он доставляет хлопот, какие трудные вопросы приходится решать. К нам зачастили товарищи из волости, нами интересуется районное начальство и городские власти. Более того, у нас побывал сам премьер-министр Фам Ван Донг, посетил нас и товарищ Ле Зуан. Осматривая наше хозяйство, товарищ Фам Ван Донг довольно улыбался, а потом сказал просто: «Очень, очень нужное дело!» Товарищ Ле Зуан тоже заинтересовался нашей работой.

Но проблем и забот у нас много. К примеру, нужны дополнительные капиталовложения, а где их взять? Нужны деньги, а банк отказывает нам в ссуде. Наши орхидеи действительно необходимы, они ведь не только радуют, они могут стать серьезной статьей экспорта и давать стране десятки миллионов долларов в год... С одной стороны, к нам поступают заказы из Советского Союза, ГДР и других братских стран. С другой стороны, у нашего города, у нашей страны есть дела и поважнее, чем орхидеи, которые тоже нужно немедленно решать. Финансирующие организации и банки хотят быстрей получить свои проценты, а для того, чтобы поставлять орхидеи на экспорт, нужно вырастить десятки миллионов веточек, на это потребуется еще пять лет. Вот как все сложно!

У меня порой опускались руки, но Вы каждый раз приходили на помощь, подбадривали меня, давали советы. Как же так получается: в будущем наше предприятие обещает давать миллионные прибыли, а пока приходится выколачивать каждое су. Орхидеям требуются удобрения, без них они гибнут, я не могу этого видеть! Но когда Вы рядом со мной, я обретаю веру в себя и в успех нашего дела, мне все трудности становятся нипочем.

Вы стали мне надежной опорой, на Вас можно положиться во всем. Когда возобновились занятия в вузах, Вы уговорили моего сына продолжить учебу. Но сыну больше всего нравится возиться с орхидеями, поэтому Вы раздобыли для него книги об орхидеях, посоветовали ему заняться самообразованием, учить английский. Он считается с Вами, Ваши советы идут ему на пользу. Я так Вам благодарна, что иногда мне, право, хочется плакать. Разве можно было не полюбить такого человека, как Вы?

За что же полюбили Вы меня? Я красива? Пожа-

луй. Справедливее было бы сказать, что я умею сохранять красоту и ее подчеркивать. Но кто из женщин моего круга при старом режиме занимался еще чем-то, кроме этого? К тому же много таких, которые и моложе и красивее меня и с готовностью увиваются вокруг нового начальства.

Или виною всему тот самый «первородный грех»? В привычках женщин моего круга было при встрече с мужчиной тотчас пускать в ход свои женские чары. Как получилось с Вами? Признаюсь, я кокетничала тонко, не переходя границы, как это и подобает женщине, которой уже за тридцать пять. И, как оказалось, кокетничала не зря... Вы обратили на меня внимание, я Вам понравилась.

Конечно, я знаю, что одним разумом любовь понять нельзя. И все же я обратилась к романам, фильмам, в основном советским или социалистических стран, потому что в Северном Вьетнаме о любви почему-то пишут слишком мало.

Но вернемся к рассказу о моем муже. Он погиб на шоссе при повороте к нашему питомнику, всего метрах в трехстах от него. Погиб от удара ножом в сердце. Его мотороллер «хонда» исчез, портфель был брошен у дороги, деньги тоже пропали, при нем остались только кое-какие бумаги. Мне тогда и в голову не пришло, что это политическое убийство, хотя муж и возвращался от Тоффера. Скорее это походило на убийство с целью ограбления. В те дни, перед освобождением, на шоссе творилось что-то невообразимое, мародеры и грабители буквально свирепствовали. И вот несчастье подстерегло и моего мужа; а он так торопился от Тоффера, чтобы до темноты поспеть домой.

Тогда кругом все были охвачены паникой, шли последние дни апреля 1975 года. А перед этим муж не раз говорил мне, что надо бежать из Вьетнама. Двадцать седьмого вечером он, вернувшись из Сайгона, без обиняков объявил, что надо ехать в Америку и что Тоффер в этом нам поможет.

Помните, Вы еще спросили об этом Тоффере, увидев его имя в списке членов Общества любителей орхидей. Я тогда сказала, что Тоффер свел знакомство с моим мужем именно из-за орхидей и часто наезжал к нам. Он нередко заговаривал со мной, держался изысканно вежливо и тактично. Тоффер владел мно-

жеством акций различных сайгонских компаний и трестов.

А Общество любителей орхидей образовалось в 1973 году, оно устраивало выставки цветов, закатывало роскошные пиры. В руководстве общества числились важные персоны сайгонской администрации. Генерал Зыонг Ван Минь*, высланный из Сайгона послом в Таиланд, значился председателем общества. Мой муж добился в обществе места секретаря, как мне тогда казалось, для того, чтобы расширить свои связи и укрепить свое положение в деловом мире: в те времена в Сайгоне было полным-полно разных обществ и ассоциаций, в которых участвовали американцы и влиятельные люди из крупных фирм и компаний. Национальные общества любителей орхидей раз в три года собираются на свой Международный конгресс. Там устраивают выставки, аукционы растений. Случается, что иные экземпляры продаются за десять тысяч долларов!

Итак, муж настаивал на отъезде. А мне не хотелось. Куда уезжать, зачем? Сказать откровенно, я побаивалась прихода вьетконговцев, но думала, что с моей семьей они не могут поступить жестоко. В самом деле, в чем мы провинились, какое преступление мы совершили? Муж сказал, что при режиме Нго Динь Зьема он служил на флоте инженер-майором. Но это было при Нго Динь Зьеме! Тогда мой муж, морской инженер-механик по образованию, вернулся из Франции, и его сразу же мобилизовали на фронт. Служба ему быстро опротивела, и он вышел в отставку в те давние времена, когда Нго Динь Зьема еще не сбросили с его президентского кресла, почти двадцать лет тому назад!

Я убеждала мужа, уговаривала, приводила серьезные доводы совсем не потому, что у меня исчез страх перед вьетконговцами, или потому, что я поверила в правое дело революции. Нет, просто мне не хотелось уезжать. Конечно, в Америке мой муж сумел бы завязать связи и неплохо вести свои дела. В ловкости ему не откажешь. Ну а я? Что бы там делала я? Да сохранятся ли в этой Америке наши прежние отноше-

---

* Зыонг Ван Минь — впоследствии стал президентом марионеточного сайгонского режима, сменив на этом посту Нгуен Ван Тхиеу за 48 часов до безоговорочной капитуляции, объявленной 30 апреля 1975 года.

ния? А сын? В кромешном хаосе Сайгона я все-таки до сих пор умела держать его в руках, но что с ним станет в Америке — неизвестно. Мне хотелось спокойной жизни, хотелось сохранить семью, я страшилась перемен. И из двух зол я выбрала меньшее и решилась остаться: будь что будет, но мы на родине!

Муж не сдавался, он привел мне еще один довод: ведь, занимаясь делами питомника, он должен был все время поддерживать связи с иностранцами — из Японии, с Тайваня, из Гонконга и, конечно, из Америки. Я отвечала, что и за это ему бояться нечего, ведь он не торговал оружием, боеприпасами или колючей проволокой, не спекулировал рисом, медикаментами, не поставлял обмундирование для американских, сеульских или сайгонских вояк. Когда-то он был торговым посредником по продаже велосипедов с моторами, радиоприемников, телевизоров, потом занимался производством стиральных порошков, рисовой муки и т. д., пока не занялся орхидеями. Никаких преступлений за ним не числится, говорила я. Он виноват не больше, чем каждый из жителей Сайгона.

Муж лишь безнадежно вздохнул в ответ и признался, что его вина и преступление — вот этот самый питомник. Я была просто поражена. А он рассказал мне, что когда в 1972 году его крахмальные фабрики в Баолоке и Ламдонге пришлось закрыть, потому что начали ввозить дешевый и качественный крахмал из-за границы, и ему грозило банкротство, Тоффер предложил на выбор три занятия, пообещав при этом помочь деньгами.

Во-первых, это молочная ферма. Держите какое угодно количество коров, он достанет породистых. Фермы можно построить где-нибудь в провинциях Биньлонг и Фыоклонг, угодий там много. Все необходимые разрешения Тоффер брался выхлопотать сам. Впоследствии, говорил он, поможет наладить производство сгущенки, даст денег и оборудование. Условия? Они просты: работниками на фермах Тоффер назначит своих людей. Только и всего.

— Взгляните-ка сюда, — говорил Тоффер мужу, развернув карту. — Биньлонг и Фыоклонг находятся в центре бывших боевых районов, а вот здесь нынешнее месторасположение руководства Национального фронта освобождения в Тэйпине... Тропа Хо Ши Ми-

на идет вдоль горной цепи Чыонгшон и именно здесь выходит к центральной части Южного Вьетнама. Вот смотрите: эта дорога ведет в восточную часть Кампучии и в Южный Лаос. Надеюсь, все ясно. Мне нужно только, чтобы на ваших фермах работали мои люди.

Муж от такого заманчивого предложения все же отказался, но не потому, что боялся оказаться замешанным в шпионские аферы, а оттого, что ему не улыбалась перспектива забираться в далекие джунгли, где хозяином был Национальный фронт освобождения.

Муж спросил Тоффера, какое же второе дело он может предложить. Оказалось, что речь шла о рыбном промысле. Потом предполагалось наладить производство консервов и ныокмама * с помощью все того же Тоффера.

Рыбаки и рабочие, конечно, будут вашими людьми? — спросил муж.

— О! Вы догадливы! — рассмеялся американец. — Ведь Тропа Хо Ши Мина проходит и по морю, а не только в горах.

Муж попросил Тоффера рассказать, в чем заключается третье занятие.

— В разведении орхидей, — с улыбкой ответил американец и тут же спросил: — Известно ли вам, какова цена орхидей на мировом рынке? — И сам же ответил: — Например, во Франции, которую вы прекрасно знаете, один цветочек стоит пять франков, а на каждой веточке обычно их бывает пять-шесть. Вот и считайте. Из Франции каждую субботу в США и ФРГ отправляют «боинги» со свежесрезанными орхидеями, чтобы утром в воскресенье добрые католики в городах могли бы отправиться на мессу с цветами в руках. Таиланд ежегодно получает по этой статье экспорта сотни миллионов долларов.

Муж был страстным любителем орхидей, и цветник при нашей вилле в Сайгоне вряд ли уступал даже питомнику генерала Зыонг Ван Миня. Но у нас во Вьетнаме орхидеи издавна разводили только ради собственного удовольствия, а для продажи, и то только внутри страны, их разводили лишь в Далате да Сайгоне. Никто не занимался экспортом орхидей за границу. Дело показалось мужу интересным, новым.

* Ныокмам — рыбный соус, вьетнамская приправа.

Но он-то предприниматель, стремящийся получить доходы, а какая корысть здесь Тофферу? Американец протянул моему мужу пачку открыток: это были орхидеи, растущие в разных ханойских домах, во дворе возле дома самого президента Хо Ши Мина, возле резиденции генерала армии Во Нгуен Зиапа. А вот орхидеи на танках, эти торчат из солдатских ранцев бойцов, пробирающихся по джунглям в горах Чыонгшон, другие растут в хижинах и домишках, в которых, где-то в секретном месте, расположились руководство Фронта освобождения и правительство Республики Южный Вьетнам. Американец рассказал, что в Ханое увлечение орхидеями зашло так далеко, что были случаи похищения некоторых великолепных экземпляров.

«А! Вот оно что! — подумал муж. — Но торговать, конечно, следует прежде всего не дикорастущими, а культивируемыми цветами. Так делают за границей, а тем более такой способ больше всего подходит для Вьетнама, поскольку здесь идет война и заготовить в джунглях достаточное количество орхидей на экспорт — дело невозможное. Орхидеи надо выращивать, а дикорастущие следует использовать для селекции. Разумеется, рыскать по джунглям в поисках дикорастущих орхидей будут люди Тоффера. Мое дело и дело нанятых мною рабочих — селекция и уход за растениями. Мое дело — бизнес и только бизнес!» Решив так, муж согласился и занялся устройством нашего питомника. Всю работу делали мы и наши люди, но в штат питомника были приняты три работника — люди Тоффера. Они бродили по джунглям и в установленные сроки доставляли нам дикорастущие орхидеи.

Я трудилась в питомнике, помогала мужу, но, конечно, не знала, что те трое лесных бродяг — американская агентура. Я полюбила наш питомник и со всем усердием занималась им. Ведь раньше муж совершенно не допускал меня к своему бизнесу. Он ежемесячно выделял мне солидную сумму на расходы по дому — вот и все. Я была словно орхидея, бездумно паразитирующая на другом растении. И теперь оказывается, что наш питомник создан на деньги американцев и служит их целям. Если бы я узнала об этом раньше, то, пожалуй, не стала бы придавать этому значения. Да, американцев мы ненавидели и восхи-

щались вьетконговцами, но к этому восхищению примешивался страх. Мы, за исключением немногих людей, не желали вьетконговцам поражения, но никто, в сущности, не верил, что они в силах одолеть американцев. В целом мы считали, что это не наше, а их дело, далекое от нас, дело, которое касается великих держав, борьбы разных «измов», а мы всего лишь пешки в этой шахматной игре, нам следует заботиться только о себе и своем маленьком благополучии.

Так я думала раньше. Но теперь, когда революция вот-вот победит, а американцы уже укладывают пожитки и собираются драпать, от нашей причастности к темным делам янки мне стало не по себе.

— Мне казалось, — сухо проговорила я, — когда придут вьетконговцы, мы сможем честно посмотреть им в глаза и сказать, что мы занимались только своим делом.

Я очень расстроилась, особенно после того, как муж сказал, что видел в офисе Тоффера тех самых трех лесных бродяг. Они умоляли своего хозяина дать им возможность бежать из Вьетнама. Они с плачем говорили, что иначе их здесь ждет верная смерть. Шпионаж в пользу американцев вьетконговцы им ни за что не простят! На это Тоффер с усмешкой ответил, что невелик был прок от их шпионства. После того как марионетки в прошлом году потеряли провинцию Фыоклонг, по расчетам американцев, одним из главных направлений весеннего наступления 1975 года должна была стать южная часть плоскогорья Тэйнгуен. Поэтому они под всеми возможными предлогами засылали туда шпионов, и одним из удобных предлогов оказался сбор дикорастущих орхидей. Трое лесных бродяг на американские деньги нанимали людей, которые обшаривали все джунгли, но доложить своим хозяевам положительно ничего не могли. Вьетконговцы между тем сумели скрытно сосредоточить войска, орудия, минометы, склады и одним махом выбили марионеток из провинциального центра Буонметхуот на юге плато Тэйнгуен. И пошло! Вслед за теми пали города Плейку, Контум — весь Тэйнгуен, весь Центральный Вьетнам, а теперь вьетконговцы подкатились к самому Сайгону...

Все пропало! От этих откровений я похолодела и тут же дала согласие на отъезд в Америку. Мужу надо было срочно встретиться с Тоффером, чтобы дого-

вориться об отъезде, откладывать его уже было опасно. Муж направился было к автомашине, но вспомнил, что вчера у нее барахлил мотор. Он решил ехать на «хонде», велев нам с сыном съездить в авторемонтную мастерскую в Тхудык. Муж уехал на мотороллере, а мы с сыном отправились на машине. Поломка оказалась ерундовой, мы быстро вернулись и стали укладывать вещи. Как мне было тяжко! Я смотрела на орхидеи и готова была расплакаться. Но надо было все бросать и спасать самих себя.

Уже стемнело, а муж все не возвращался. Ужин был готов, но мы не садились за стол. В восемь часов я позвонила в наш сайгонский дом, сторож ответил мне, что муж туда не заглядывал. Я обзвонила всех знакомых, у которых он частенько бывал, — все оказалось безрезультатно. В девять я набрала номер Тоффера. Он сказал, что муж ушел от него около семи часов и, наверное, скоро вернется домой. Он велел мне готовиться к отъезду и пожелал покойной ночи. Но я почти всю ночь не смыкала глаз. Часов в пять утра, когда я чуть-чуть задремала, раздался громкий испуганный крик моего мына. Оказалось, что кто-то обнаружил неподалеку от шоссе труп моего мужа.

Мне казалось, что я схожу с ума... Вместе с сыном и рабочими мы предали тело мужа земле, тут же в питомнике. В девять утра мне позвонил Тоффер и спросил, почему мы мешкаем с отъездом. Я сказала ему о гибели мужа, а в ответ на вопрос, что я намерена делать дальше, объявила, что остаюсь.

Куда мне ехать? Я остаюсь рядом с могилой мужа. В тот момент я не думала о питомнике.

Дорогой! Я рассказала все, теперь решайте сами.

Когда-то я сказала мужу, что останусь и честно расскажу новым властям все о себе, но, по существу, все я рассказала только сегодня в этом письме. В тот день Вы спрашивали меня об истории нашего питомника. Тогда я почти не коснулась роли Тоффера. Вы хотели узнать больше о нем, но я умолчала тогда о главном.

Моего мужа уже нет в живых, но остались я и, конечно, мой сын. Я до времени не хотела откровенно рассказывать все. Но Вы полюбили меня, и я решила сказать правду, потому что я люблю Вас.

Я написала это письмо не только для Вас. Наверное, решить вопрос Вам помогут и Ваши товарищи.

ВО ХЮИ ТАМ

ПАРУС

Возле зеленого островка, вздыбившегося горой, к скале крепко, шестом, причалена джонка. С бортов свисают концы новой сети, раннее солнце играет на белых блестящих поплавках, на не изъеденных еще морской солью свинцовых грузилах.

Посреди джонки — мачта, прямехонькая, из сосны, спущен и сложен светло-коричневый парус. В закрытой кухоньке висит поющая раковина, при помощи которой подают сигналы, несколько связок грибов, несколько вяленых каракатиц. Под лежаком стоит маленький треножник для варки, печка с углями. На кухонной доске — нож с широким лезвием.

Старая Нюан присела и подбросила в печку красных пылающих углей:

— Большой лодке — высокие волны. Смотри, этот парень, председатель артели, опять повел рыбаков в море. А ты, старый, что там стругаешь, вырезываешь? Пошел бы червей накопал для приманки. Сам обещал артели в три раза увеличить улов.

— Они пошли выискивать косяки рыбы. А сынок наш, Кхоат, вырезал для нас отличный флюгер, только вот лис этот малость не такой, как надо, я его немножко подточу, шейку ему вытяну, он будет лучше выглядеть.

— Ну-ка, приделай его к мачте, посмотрим, хорош ли.

Через минуту лис уже красовался на самой верхушке мачты. Стояло безветрие, и лис не шевелился.

— Да, старая, когда я взбираюсь на мачту, чувствую — есть еще гибкость в руках и ногах, могу еще в открытое море выходить.

— Теперь в открытом море тяжко, американские самолеты так и рыщут. Эту поющую раковину надо беречь, бригадир сказал, что оборонить побережье не сможем, коль не будет у нас опытных людей. Здесь, за островками, нас и не видать. Пожалуй, дождемся ветра, а там пойдем под парусом, чтобы грести не пришлось.

Старая Нюан посмотрела на мачту:

— Ни у кого такого красивого лиса нет. Славный у нас сынок. В училище морской паек получает и вот сберег, сахару прислал нам. Ты сам ему написал: мол, на нашей лодке теперь новый парус. Бедный он, бедный, наш Кхоат. За книжкой сидит, а о нас думает, жалеет, что нам веслами работать приходится. Ну, ты правильно написал: артель, мол, большой катер купила и у государства в долг ей брать не пришлось.

Старый рыбак взял мотыгу и сошел на берег, зашагал в сторону песчаной косы — туда, где виднелась гряда зеленых островков.

Старушка с плетеным решетом, наполненным рисом, подошла к борту и наклонилась, чтобы промыть крупу*. Прозрачная вода отдавала синевой, шелуха от рисовых зерен всплыла на поверхность. Она вспомнила: когда ездила в Хайфон к Кхоату, пришлось попробовать рису, промытого пресной водой, — вот уж, право, преснятина! И еще сын сказал, что здесь, в Ха-Лаунге, воздух — как это? — «ионизированный», и они со стариком будут жить долго, словно черепахи. Да, вздохнула старушка, мне умирать нельзя, затоскует старик, и кто заботиться о нем станет? А подругу ему, понятно, теперь уж не найти. Старушка тихонько встряхнула решето. Блестящие мелкие рыбки принялись хватать шелуху от риса.

Закипела вода, старая рыбачка высыпала рис в котел. Да, своего старика она знает: ему нужно немного вина, как говорится, просто губы смочить, и он будет работать с утра до поздней ночи; а много он не пил никогда. Рис любит, сваренный на пару, а разваренный ему не нравится, хоть и не все зубы целы. Она подложила еще хворосту. Стояло безветрие, синий дымок поднимался прямо в небо. Каждый раз, когда супруги останавливали джонку здесь при спокойной прохладной погоде, как сегодня, она вспоминала о том случае, который приключился с ней в молодости. Воспоминания эти с годами не стерлись, не померкли, а становились все ярче, все отчетливее.

Волны едва плескались. Был конец девятого месяца по лунному календарю. Море стихло. Солнце про-

* В залив Ха-Лаунг рукава и протоки Красной реки доставляют огромное количество пресной воды, смешивающейся с морской.

глянуло из-за завесы тумана. По заливу скользила джонка. В ней плыли молодые супруги: жена работала веслом на носу, а муж загребал рулевым веслом. Вдруг оба они, заметив расходящиеся по воде круги, огляделись: прямо к ним, рассекая воды, плыл тигр. Мужчина, оставив весло, взял в руки шест.

— Возьмись за рулевое весло, — сказал он жене. — Придется драться. Иначе — конец.

Лодка медленно остановилась, тигр приближался, с ревом разевая пасть. Мужчина размахнулся шестом и ударил. Тигр опустил голову, но все же ринулся к лодке.

— Назад! Назад! — крикнул мужчина.

Лодка тихо отпрянула. Мужчина целил шестом хищнику в глаз. Тигр опустил голову под воду. Мужчина трижды ударил его шестом. Лодка оказалась рядом с тигром, и тот положил лапы на борт — лодка накренилась.

— Пошел! Пошел! — крикнул мужчина и наотмашь ударил шестом по лапам. Тигр убрал лапы, погрузился на миг в воду, но выплыл вновь и погнался за лодкой. Женщина опять повернула лодку, и опять мужчина вступил в схватку со зверем. Лодка то наступала на него, то отходила назад, двое мерились силами с тигром... И так почти от самого рассвета до заката. Тигр был силен, но, избитый, нахлебавшийся соленой воды, он уже собрался скрыться подальше, а тут подоспели другие лодки, окружили его — и конец...

Старушка передвинула котелок на огне. Прошло больше сорока лет, а кажется, будто это было вчера. Теперешняя молодежь все рассуждает про любовь. Наверно, я тоже любила своего старика. Столько лет с ним прожили вместе, столько бед пережили: были бури и тайфуны, болезни и мор, были французы и японцы. Сколько раз их джонке грозила гибель. Старик добрый и смелый. Старушка взглянула в сторону песчаной косы. Коса неширокая, но белая, а на ней ракушки, добела отмытые волнами морского прибоя. Здесь далеко от устья реки, и на этом скалистом островке нет плодородной почвы, течение не доставляет сюда наносов, и вода остается прозрачной круглый год. В те времена, когда американцы еще не бомбили,

сюда часто приезжали купаться и загорать иностранные инженеры из угольного бассейна.

Солнце сияло над песчаной косой. Старушка сняла с огня котелок сваренного риса. Дети разъехались: кто учиться, кто работать, кто сражаться с врагом. Они бы лучше смогли позаботиться о старом отце. Да ему еще и самому хватит сил в бурю и тайфун поставить лодку на якорь. Он не любит, чтобы руки у него были связаны, не любит и связывать руки другим. Так и разлетелись сыновья. Да и мне не хотелось быть кому-то постылой свекровью, вечной помехой в доме. Вас манит куда-то открытое море, мощный ветер, джунгли, подводное царство? В добрый путь...

Старушка еще раз взглянула в сторону песчаной косы: она заметила, что какая-то долговязая фигура направилась прямо к старику. С беспокойством старушка стала приглядываться. Откуда сейчас здесь вдруг взялся турист? Что-то подсказывало ей, что это враг. Она была и доверчива и подозрительна. Да, все верно, в руках долговязый держал автомат. В войну Сопротивления старик дрался с французами, на своей лодке он вез партизан, которые захватили тогда в плен этого поганого старосту Хе... Смотри, старик отбросил мотыгу в сторону. Помогите ему, божества и духи предков! Сняться с места и удрать, но разве можно оставить сейчас старика? Нет... Старушка смотрела и смотрела на песчаную косу.

Старик и долговязый верзила двигались к лодке.

У американского летчика огромные ботинки, ноги здоровенные, как у буйвола. Летчик ступил в лодку. Старушка ненавидела тех, у кого походка тяжелая, но сейчас она думала не только о лодке. Этот летчик шагал легко, как шагает человек, замысливший недоброе. Неожиданно для себя старушка испугалась. Но, вспомнив о временах прежней войны, постаралась успокоиться. Летчик пробубнил:

— Моя отчен хочет кушат!

С великим трудом выдавил он из себя эти четыре слова. Вспомнив о ноже с широким лезвием, старая рыбачка проворно шмыгнула под навес, вынесла нож и рыбу. Но летчик резким движением наступил ногой на нож. Старик вынул из кармана и протянул ему другой, тот самый, которым недавно обстругивал лиса. Воздушный бандит схватил нож, стал потрошить

рыбу, выбрасывая потроха. На эту поживу тотчас собралась мелкая рыбешка. Летчик как бы невзначай наклонился, подобрал нож с широким лезвием и кинул его в стаю рыбок.

— Пройдите под навес, господин, снимите ботинки, — пригласил его старый рыбак.

Нюан удивленно взглянула на мужа: ведь перед ними не иностранный турист, чтобы разговаривать с ним так церемонно. Летчик не пожелал пройти под навес, тогда старик тихо сказал жене:

— Дай-ка мне сигнальную раковину!

Нюан протянула раковину мужу. Американец, заподозрив неладное, сунул автомат старику в бок. Тот побледнел и опустил раковину. Нюан же, улыбаясь, выкладывала креветки на блюдо. Отец, труби в раковину, чтобы поспешили сюда все рыбацкие лодки. Если он нас убьет, ему ведь все равно не уйти. Старик надел на шею шнур от раковины, но не поднес ее ко рту, а стал раздувать угли в печке. Старушка вздохнула и огляделась вокруг: море было спокойно, далеко-далеко остановились лодки в ожидании ветра, спущены паруса, ослаблены канаты, неподвижны оголенные мачты: лодки казались грибами, разбросанными на сковородке. Вчера внучка, шустрая девочка Нгы, принесла из лесу ядовитых грибов: если уметь, ими можно отлично лечить от свинки. Вот они-то и выручат! Нюан молча поставила блюдо с креветками на поднос: эх, отец, на тебя и смотреть-то жалко — стоит на коленях, угли в печурке разжигает. А в войну Сопротивления его сравнивали с полководцем Йет Киеу *, тем самым, что под водой как по суше ходил.

— Дай мне веер, жена, — голос старика прозвучал слабо и растерянно. — Да поставь нам вина.

Американец, видя, что старый рыбак жарит на углях рыбу, вытащил какой-то платок и, тыча пальцем, стал с усилием читать:

— Нью-Йорк, Юнайтед Стейтс будет заплатить вас этот долг.

---

* Йет Киеу — прославленный командующий армадой вьетнамских боевых лодок во время войны против монгольского нашествия в конце XIII века.

Старик взглянул на платок*: там была надпись по-вьетнамски, он обрадованно принял из рук американца золоченые часы и положил их на лежак. Старушка тем временем поставила сковороду на огонь. Часы тикали возле кучки золы. Старик не спешил сунуть их в карман. За многие годы Нюан успела хорошо узнать его характер: ради золота он не пойдет на неправое дело. Среди всеобщего молчания только часы отбивали свое: тик-так, тик-так...

Поднос с закуской старушка подала на носовую часть лодки. Он ломился от вкусных яств: там были и креветки, и жареная рыба. Нюан принесла вина в сосуде из кожи угря. Старик приподнял лежак. Раньше здесь всегда была граната. Не найдя ее, старик вытащил чашку тонкого фарфора и стакан из чехословацкого стекла. Потом разлил вино, и пилот схватился за большой стакан. Старик, поджав ноги, уселся напротив американца. Глядя на улыбающегося мужа, Нюан нахмурилась: улыбаться можно за дружеской попойкой, а не теперь...

— Вы ешьте как изволите, — жестом показал старый рыбак. — Не умеете палочками, хватайте руками. Я вино смакую, пью маленькими глотками, не пью единым духом.

Нюан подбросила углей в печурку, черты лица ее смягчились: старик хитер, да ведь прежде иначе было и не прожить. Вон он смеется. Бывало, в старину такие рискованные дела делал, власти вокруг пальца обводил. Плавал где хотел, без всяких пропусков и бумаг. А однажды заманил катер с таможенниками прямо на рифы!

Американец поперхнулся, произнес что-то гортанное и поставил стакан с вином обратно на поднос.

— Вино крепкое, господин. Если не можете выпить залпом, пейте, как я, маленькими глотками, — сказал рыбак, попивая вино. — А ты, старая, — просьба его прозвучала словно приказ, — свари-ка нам к креветкам грибков!

Старик велит сварить ядовитых грибов... Он попот-

* Американских летчиков снабжают специальными нейлоновыми платками, на которых отпечатаны на нескольких языках просьбы оказать помощь «гражданину США, которому не повезло»: платок является как бы чеком для оплаты за услуги.

чует ими янки... Поистине, смерть ему в вонючем болоте! Он ведь воздушный бандит, сбитый нашими. Нюан вытащила еще вяленую каракатицу, небось старик постарается затянуть трапезу, чтобы нагрянули рыбаки, возвращающиеся с моря.

Старушка опустила грибы в воду и вздохнула: грибы-то все оказались съедобными. Вот тебе и раз. Ох уж эта шустрая Нгы...

— Прошу отведать, господин, — улыбаясь, потчевал старик «гостя». — Сын сказал, что я буду жить так же долго, как черепаха. Да, видно, сегодня мне придется указать вам дорогу в преисподнюю.

Старик взял блюдо с грибами и половину положил прямо в чашку воздушного бандита. Заметив, что тот не решается есть, рыбак поднял свою чарку, отпил несколько глотков и прихватил палочками грибок. Летчик не ел, верно, потому, что руками брать было еще горячо. На носовую часть лодки повеяло дымком из кухни. Свинцовые грузила на сети начали тихонько стукаться друг о друга. Поднимался ветер. Старый рыбак взглянул на вершину мачты: хвост лиса задергался, лис обернулся мордочкой в сторону Большой земли. Рыбак улыбнулся доброму знаку. Подбитый ас тоже уставился на лиса, потом схватил конец каната и потянул, а старушке сделал жест, чтобы оставалась под навесом.

Расправился парус с рулевой реей, похожий на крыло летучей мыши, под солнечными лучами заиграло его новое светло-коричневое полотнище. Странной казалась в этот миг красота небес и моря. Старый рыбак в мгновение ока прикинул все, что можно было предпринять: поджечь джонку, дать сигнал поющей раковиной, схватиться за нож, накормить «гостя» ядовитыми грибами. Кроме того, оставался еще один выход... Летчик тем временем принялся уплетать грибы. Старик внимательно посмотрел в чашки и не увидел ядовитых. Значит, грибы не сработали. Старик заулыбался, чтобы скрыть растерянность.

Начался прилив, и джонка отошла от зеленого островка, оставалось миновать еще одну-две гряды таких островков, и они окажутся в открытом море, а там подбитого бандита подберет американский катер или вертолет. Правда, как-то раз с вертолета американцы спускали лестницу, но партизаны «сбрили» ее

пулями. Старая рыбачка увидела, что впереди небо сливается с морем, и вздохнула. Наверно, пилот попытается убить их со стариком, чтобы остаться одному в джонке.

Солнце поднялось высоко, сияло ясное небо. Вот он — Купеческий проход, так это место зовется у рыбаков. Когда Нюан выдавали замуж, украшенные джонки проходили мимо этого места. Шелковую нить супружества молодые сплели, стоя на носу двух лодок... Родня жениха опустила весла, остановив лодки, и отвечала на песни-загадки родных невесты... Может, подождать, пока он захмелеет, и постараться вырвать у него автомат? Поджечь лодку? Мысли старой рыбачки прервались. Парус новехонький, в голодные годы хаживали под рваными, кое-как залатанными парусами. А теперь, после революции, и сын уехал учиться морскому делу. Она взялась за рулевое весло. Летчик махнул рукой. Старик же все сидел и по каплям цедил вино. В стороне, где заканчивались пограничные воды, зарокотал вертолет. Старик обернулся к жене:

— Подними еще одну рею!

Та растерялась: неужто старик велит ей погубить и его и летчика сразу? Она знала, что в старину один рыбак сбросил реей в море французского таможенника.

— Что мешкаешь? — голос старика прозвучал сердито. — Скорее, слышишь?

Рокот вертолета приближался. От сильного порыва ветра наполнился и напрягся парус. Старая женщина почувствовала, как колотится у нее сердце, она посмотрела на старика, тот с каменным лицом поднял свою чарку и выпил единым духом. Никогда в жизни он не пил так грубо. Чем я отплачу ему за все хорошее? Этим ударом? Есть ли еще какой-нибудь выход? В холодной воде он сразу пойдет ко дну.

— Поднимай рею! — крикнул старый рыбак. — Я отжил свое, довольно!

Американец схватился было за автомат, но мощным ударом реи его вместе со стариком свалило за борт. Автомат тоже полетел в сторону. А джонка пошла вперед, скользя по воде. Лишь поднялись вокруг прозрачные голубые волны. Старая Нюан перед тем перебрала в уме всевозможные способы справиться с американцем, оказывается, пришлось прибегнуть к

самому простому, но и самому страшному. Пот ручьями тек по ее лицу, она оставила руль и заголосила:

— Вот как ты любишь своего мужа... Ты добрая, ты милая...

Джонку туда-сюда носили волны прилива. В завывании ветра послышалась Нюан песня, которую пела она еще в девичестве:

Золото, минуло тысячи лет,
все остается золотом...

Вода прибывала. Старая рыбачка взглянула на волны: старик отжил свое, и она тоже отжила свое. С моря возвращались джонки рыболовецкой артели. Нюан взялась за рулевое весло: сначала надо известить председателя. Она подумала про автомат и тело старика.

Волны, пенясь, ударяли о борт. Вдруг она заметила старика: он всплыл. Ей показалось, что она бредит. За ним вынырнул американец. Он схватил старика. Нюан тотчас пришла в себя. Подбитый ас своим огромным кулачищем дубасил старого вьетнамского рыбака. Но мешала вода, старик не чувствовал боли. Голова оставалась ясной, он поднял поющую раковину и ударил ею американца, тот отпустил руку. Старик поплыл, широко взмахивая руками. Летчик вытащил кинжал. И тут Нюан успела повернуть рулевое весло: нос джонки она направила прямо в лицо врагу. Она сделала то же самое, что и больше сорока лет назад. Старик плыл, он поднял поющую раковину: «Тиу-ту, тиу-ту-ту-ту-ту», — призывный сигнал вдруг огласил все вокруг, а волны разнесли его по необъятным морским далям.

НГУЕН КОНГ ХОАН

ПУСТЬ ПЕЧАЛЯТСЯ НАШИ ВРАГИ

Конечно, я и до этого случая прекрасно понимал, что с самых первых моих шагов участия в Сопротивлении американским оккупантам рискую многим и ставлю на карту свою жизнь. Но почему-то в глубине души был твердо уверен, что мне не суждено погибнуть от руки врага.

Ведь я стою за правое дело. А справедливость притягивает сердца людей, все больше их присоединяется к справедливому делу. Поддержка людей — великая сила, с ее помощью можно одолеть все злые происки врага, с ней не страшит и самое мудреное современное оружие. Потому-то, встречаясь лицом к лицу с врагом, чувствуя дыхание смерти — именно в такие тяжкие минуты я думаю о правоте нашего дела. И отступает страх, приходит хладнокровие. Я беру себя в руки и нахожу выход из опасной ситуации.

Случилось это в прошлом году, когда меня направили в Милуонг на подпольную работу. Поселился я в доме тетушки Шау. Мужа у нее убили враги. Сына она еще в прошлом году проводила в Армию освобождения Южного Вьетнама. Дома, кроме нее, оставалась только маленькая дочка, которой не было и десяти лет. Тетушка Шау по-матерински заботилась обо мне, делая все, чтобы марионеточные «республиканские» власти меня не обнаружили. Сын ее, перед тем как уйти в армию, вырыл под домом укрытие, в нем можно было, если понадобится, и спрятаться. Укрытие я осмотрел, кое-где подправил. И мне уже доводилось разок-другой им воспользоваться.

В тот день было поминовение отца тетушки Шау, и она вместе с дочкой отправилась к брату в соседнюю деревню. Вышла из дома, когда еще только начинало светать, а вернуться обещала к вечеру.

Через четверть часа после ее ухода вдалеке послышались выстрелы, а вскоре прибежала и сама тетушка Шау. Она испуганно сообщила, что к деревне подходят враги. Чтобы успокоить ее, я улыбнулся:

— Вот чудаки-то: рыщут-ищут вьетконговцев, а грохочут и шумят, будто хотят этих вьетконговцев об опасности предупредить.

Я сказал, чтобы она не беспокоилась и шла бы себе к родственникам.

Спрятав свои бумаги, я собрался было юркнуть куда-нибудь подальше в поле. Но потом подумал, что сейчас очень легко наткнуться на какого-нибудь доносчика или просто напороться на засаду. И потому решил спуститься в укрытие. Понятно, что враг теперь тоже научился отыскивать тайники. Но ему еще далеко до нашего мастерства в подпольной работе. Потому укрытие, вырытое в земле, считается самым надежным для подпольщика. С гранатой в кармане, при-

готовив на всякий случай холодное оружие, я спустился под землю и закрыл за собою крышку люка. Устроился поудобнее и стал ждать.

Вскоре я услышал тяжелые шаги и громкие голоса — кто-то приближался к дому. Это, конечно, были солдаты марионеточной армии. Я напряженно вслушивался: куда они повернут? Сомневаться не приходилось: они остановились точнехонько возле дома тетушки Шау.

Раздался громкий голос, в его интонациях без труда можно было уловить сипловатый крестьянский говор провинции Садек:

— Вольно! Отдохните немного да пойдем с обыском по домам. Командиры поисковых групп, ко мне! — После паузы я услышал: — Вот, взгляните на план. Красным карандашом обозначены зоны действий первой, второй и третьей групп.

Я, конечно, догадывался, что операции прочесывания в одиночку или вдвоем не проводят. Но целых три поисковые группы! Может, это было сказано на жаргоне? Прислушиваясь к голосу начальника отряда, я решил, что он парень лет двадцати с небольшим. Наверно, росточку он небольшого и характером крутой. Дело принимало скверный оборот.

Между тем опять раздался начальственный голос:

— Третья группа производит обыск здесь, но непосредственно этот дом я беру на себя, проверю его лично. Опасное дело — как раз по мне, а вам — что полегче. Наверняка в этом доме полно мин и ловушек. Если у человека нет опыта обращаться с ними, пиши пропало. Эти сволочи вьетконговцы — мастера устраивать разные пакости. Но мы, солдаты республиканской армии, должны противопоставить им мужество. Итак, мужество плюс осмотрительность и дисциплина. Поняли?

— Так точно! — раздались нестройные голоса.

— Напоминаю, заслуги вам всем зачтутся. Сегодняшняя облава — дело наилегчайшее. Ведь как обычно бывает? Ищешь, будто с завязанными глазами, мучение да и только. А сегодня — все ясно: господин Нам Тхёй донес, где и кого искать.

Вот оно что! Нам Тхёй донес! Начальник отряда нечаянно выдал соглядатая. Этого Нам Тхёя я

знал. В прошлом месяце он арестовывался нашими — его подозревали в шпионаже. Но Нам Тхёй так отчаянно плакал, умолял, кричал, будто его оклеветали, что наши решили: эдакий трус в соглядатаи не годится, да и веских доказательств не было, чтобы его задерживать долго. Сделали ему должное внушение и отпустили. Кто думал, что этот подлец продолжает творить свои темные дела. Ну, ничего, теперь ему не уйти от расплаты.

— Если вам, солдаты, — помолчав продолжал начальник, — удастся поймать вьетконговца, помните мой приказ: не бить его, подлеца, не стрелять, брать живым. Понятно? Напоминаю еще раз, если вам попадется малый небольшого роста, толстый, широкий в плечах, с темноватой кожей, на лбу шрам — немедленно надеть ему наручники.

Я вздрогнул. Ведь это мои приметы! Все совпадает: небольшого роста, толстый, широкий в плечах, темноватая кожа и шрам на лбу. Значит, мерзавец Нам Тхёй предал меня и даже приметы описал!

— Итак, — начальственный голос зазвучал с особой твердостью, — запомнили? Немедленно надеть ему наручники. И не слушать его болтовни: что он ни скажет, пропускать мимо ушей. Это опасный преступник. Он главарь здешней банды, которая подстрекает народ устраивать беспорядки. Ни в коем случае не слушать его разговоров: он будет вас убеждать, чтобы вы его отпустили. А вы ведите его прямо ко мне. Понятно? Я ему покажу, что значит иметь дело с офицером республиканской армии. Понятно? Таких, как я, в нашей республиканской армии все больше. Слышали?

«Видно, этот офицеришка отъявленный стервец, — подумал я. — Да еще смеет говорить, что таких, как он, становится все больше. Как это понимать? Не думает же он всерьез, что становится больше сволочей, готовых продать себя за доллары и служить пушечным мясом для марионеток и американцев».

Тем временем во дворе раздалась команда:

— Приступайте. Поисковым группам занять свои объекты. О результатах доложите мне потом здесь же. Желаю успеха!

— Рады стараться!

«Желаю успеха! Мужество! Рады стараться!» Я с сожалением подумал, что эти подонки изъясняются

по-вьетнамски и извращают истинный смысл хороших простых слов.

Нестройный топот ботинок постепенно стал удаляться. Наступила тишина. Я напряженно ждал, что последует за ней. Но кругом все оставалось спокойно.

Видимо, офицер что-то задумал. Конечно, Нам Тхёй донес лишь приблизительно о моем местонахождении, точно указать, где я скрываюсь, он не мог. Тем более откуда ему знать о тайнике в доме матушки Шау? Или офицер хочет обмануть мою бдительность, или он сперва выискивает, нет ли в доме мин и ловушек, а потом уж попытается взять меня живым наверняка.

Не выйдет. Не тешь себя такой надеждой, подлец. Я борюсь за правое дело и, будь спокоен, на такой обман не поддамся.

Вдруг в доме послышались громкие шаги. Оказывается, он неосторожен, этот офицер. Но зачем ему понадобилось сейчас вломиться в дом? Слышно, что он расхаживает по дому не торопясь, вразвалочку, будто на прогулке. Вот зашел в соседнюю комнату, а сейчас приблизился к люку моего тайника. Остановился.

Сердце мое яростно стучало в груди. Но я овладел собой. На цыпочках подошел к люку. «Если ты обнаружишь люк, ну что ж — я готов! — пронеслось у меня в голове. — Ты приподнимешь люк, я спрячусь с другой стороны. Ты поднимешь пальбу, но твои пули пойдут туда, где меня нет. Я не дамся. Попробуй-ка сунуть в люк дуло автомата — я вырву его у тебя. А если только попытаешься достать меня рукой — вот мой нож — ты останешься без единого пальца на руке».

Но офицер, словно слепой, не замечал люка. Слышно было, что его шаги удалялись.

«Ну и болван, — подумал я. — И еще признается, что таких остолопов у них в армии становится с каждым днем все больше».

Шаги удалились, а затем приблизились опять. Я насторожился и изготовился. Но... шаги опять удалились. Я было немного успокоился. Однако шаги опять зазвучали близко. Я опять всполошился.

Должно быть, этот офицер коварный и гнусный садист. Право же, его не поймешь! Я придумывал сот-

ни уловок, чтобы действовать точно, когда наступит решающий момент.

Издалека донесся топот ботинок. Мой мучитель оставил меня и вышел во двор.

— Господин лейтенант, разрешите доложить, — раздался чей-то голос, — третья группа тщательно прочесала участок. Никаких подозрительных лиц не задержано.

Минуту спустя я опять услышал:

— Господин лейтенант, вторая группа вернулась с задания. Ничего подозрительного не обнаружено.

А за ним послышался третий голос:

— Господин лейтенант, первая группа прибыла.

— И вы тоже никого не арестовали? — сердито спросил лейтенант.

— Так точно, никого.

— Как прикажете оценить вашу работу, лодыри? — раздался голос лейтенанта. — Ведь быть не может, чтобы Нам Тхёй сделал ложный донос. Это верный человек. А вот стоит ли доверять вам?

— Если не верите, господин лейтенант, — ответил ему чей-то обиженный голос, — давайте еще раз обследуем участок вместе с вами.

Но лейтенант был очень рассержен и продолжал распекать нерадивых подчиненных:

— От вас вред только один! Сорвали всю операцию. Как я покажусь на глаза начальству? Что доложу? Сейчас идти с повторным обыском — пустое дело: вьетконговцы уже успели улизнуть к чертовой матери. Не станут же они вас, болванов, дожидаться.

Ответом было молчание. Там, наверху это молчание было тяжелым. Здесь же, в моем подполье, у меня с души камень свалился. Пусть марионетки злятся друг на друга, поносят друг друга — мне это только в радость.

— Ладно. Построиться и приготовиться к возвращению в часть. Завтра с утра пораньше проводим операцию в деревне Тхиньдо.

Несмотря на свое нелегкое положение, я чуть было не рассмеялся. Этот остолоп во всеуслышание кричит о военной тайне. Я сейчас же сообщу нашим в Тхиньдо эту новость.

Отряд марионеток двинулся в обратный путь. Прошло четверть часа, полчаса. Вокруг стояла полная ти-

шина. Я осторожно приподнял крышку люка и вылез из тайника. Наконец-то я могу вздохнуть свободно!

Вдруг на крышке люка я заметил листок бумаги, на котором было нацарапано несколько строк:

«В следующий раз не пользуйтесь этим тайником. Он раскрыт. Кроме того, запомните, что крышку люка надо маскировать тщательнее».

Я был поражен. Я читал и перечитывал записку. На лбу выступила испарина.

Выходит, и в марионеточной армии есть люди, сочувствующие правому делу. Наверное, этот лейтенант с характерным крестьянским говором провинции Садек недолго теперь будет служить в рядах сайгонского воинства. И таких, как он, много. Да и не сам ли лейтенант обмолвился, что с каждым днем их становится больше.

ЧАН ЗУНГ

ЛЮДИ ВОКРУГ МЕНЯ

В тот день я, конечно, проснулся раньше всех в доме. Говоря «раньше всех», я имею в виду отца, мать и старшего брата, потому что сестра ушла на ткацкую фабрику, еще когда я только ложился спать. На той неделе она работала в третью смену.

Увидев, что я собираюсь на работу, мама тоже встала и пошла в кухню варить лапшу. Отец, лежа под противомоскитным пологом, спросил: «Разве уже прозвонили?» И больше ничего не сказал. Он не мог не знать, что я всю ночь проворочался, так и не уснув, потому что хорошо понимал душевное состояние человека, готовящегося начать свой первый трудовой день в качестве мастерового.

Позавтракав, я попрощался с каждым в отдельности и вывел велосипед за калитку. Через четверть часа я уже мчался, рассекая воздух, напоенный испарениями, запахами трав и деревьев и милыми звуками пригородной дороги. Предутренний ветерок в осеннюю пору удивительно прохладен. Я чувствовал себя бодро, легко и непринужденно. Невольно я заложил одну руку за спину, выпятил грудь и глубоко вздохнул, улыбаясь, потом взглянул вверх на великолепное

небо со звездами, еще хранившими таинства ночи, небо, которое на востоке начало постепенно светлеть...

На машинную станцию я приехал слишком рано. И сам застыдился: «До чего же я еще юнец!» И тут же промелькнула оправдывающая мысль: «Ну и что ж такого? Ведь это первый рабочий день. Кто в такой день ведет себя иначе?» Вскоре один за другим начали сходиться рабочие. Ребята из бригады транспортников, перекликаясь и громко смеясь, принялись заливать в машины горючее. Я стоял и ошалело смотрел на них, пока чья-то сильная рука не легла мне на плечо.

— Как дела? Сегодня начинаешь у нас работать, а?

Обернувшись, я увидел парня примерно моего возраста, но значительно выше, шире в плечах и подтянутей меня. Он широко улыбался и смотрел на меня дружелюбными, веселыми глазами. Несмотря на это, я старался придать себе вид бывалого человека, улыбнулся добродушно и понимающе и весело сказал:

— Когда начнем?

Конечно, задавая этот вопрос, я точно знал, что начало работы в шесть часов. Еще когда я подавал документы, начальник отдела мне все объяснил. Этого парня я видел в тот день вместе с другими.

— Ты тоже работаешь механиком? — спросил я.

— Ага. Только я на все руки мастер, все могу: и мотор починить, и зажигание, и поковки делать, и слесарить — все. Здесь совсем не так, как на больших предприятиях в городе. Когда занимаешься мелким ремонтом, надо все уметь делать. Но все равно хорошо.

— Мне тоже нравится. Знаешь, я давно мечтал стать таким, как мой отец. Не было в машине или тракторе такой детали или узла, которых не мог бы он отремонтировать. Если требовалось выточить деталь на станке или выковать — отец и с этим справлялся. Он часто говорил: «Мастеровой должен все уметь». Еще когда он не был на пенсии, ребята из автомобильной мастерской прозвали его «старик универсал». До чего же по душе мне это прозвище!

Мой новый приятель кивнул на человека, который неторопливо шел от конторы:

— Это Тиен, наш бригадир. Имеет четвертый разряд, но это, скажу тебе, бог. Нутром чует, если маши-

на требует капитального ремонта. Да ты скоро сам увидишь. Сейчас мы делаем мелкий ремонт МТЗ, а бригадир сидит себе в конторе. Доверяет. Мы его от души любим и никогда не подводим.

Еще до знакомства с бригадиром я почувствовал к нему особую симпатию. Хотел было расспросить о нем подробнее, но не успел: пора было начинать работать. Мой новый приятель повел меня в мастерскую. Стоя под сводами широкого помещения, еще пахнущего известкой, он с гордостью говорил:

— Правда, прекрасная мастерская? Ее построили каких-то два месяца назад. В том конце — токарные и слесарные станки. В следующем здании расположена кузница. Мы везде работаем. В свое время и ты везде побываешь. Прежде машины размонтировали под открытым небом, приходилось работать под палящим солнцем. А в дождь бегали как всполошенные утки: одно накрываем, другое уносим. Кстати, как тебя зовут?

— Чунг.

— А меня Туан. Туан Три Порции. Так меня называют. Я и больше могу умять.

Туан, смеясь, повел меня к ремонтируемой машине. Возле нее стоял Тиен и еще один человек в рабочем комбинезоне. Они курили и что-то обсуждали. Туан громко крикнул:

— Прибыло новое пополнение! «Младший лейтенант», окончил механическое номер двести пятьдесят. А это наш начальник Тиен, ты о нем уже немного знаешь. И Тан, боец-водитель транспортных войск. Он старый вояка, много лет водил машину по кочкам да горбочкам — еще с тех пор, когда КД-35 был на вес золота. Сейчас у него весь хребет хрустит.

Только сейчас я как следует рассмотрел Тиена. Было ему лет тридцать. Лицо худощавое, даже костлявое, но руки мускулистые, должно быть, очень сильные. Что произвело на меня наибольшее впечатление, так это его удивительно большие карие глаза. Я бы сказал, что Тиен грустный, очень грустный, если бы не его веселый, заразительный смех. Он крепко, но не в полную силу, пожал мою руку и похлопал меня по плечу:

— Мне говорили, что ты должен прийти. Вот и прекрасно. Мы только что выполнили задание, получили новую большую партию машин. Будешь рабо-

тать учеником. — Он вынул пачку папирос «Тройные» и стал угощать всех. — Закурим? Не куришь? Хорошо! И не кури, я непременно возьму с тебя пример, вот мои женщины дома обрадуются! Ладно, сейчас, Туан, веди новое пополнение получать «бронированную робу». Поступили очень хорошие, армейские. Парню везет. Быстренько сбегайте и назад... Сегодня надо полностью собрать коробку передач и задний мост, завтра соберем руль, кабину, зальем горючее — и можно испытывать. Вот и весь план!

Странное дело, я с ними еще и словом не обмолвился, а чувствовал себя удивительно свободно, как среди своих. Находиться в такой рабочей обстановке, среди таких людей, как эти, ну как не осуществиться заветной мечте — стать мастеровым-универсалом. Я не мог сдержать довольной улыбки. А Туан подумал, что я в восторге от новенького рабочего костюма. Осмотрев меня, он закивал:

— Вот это да! Просто закачаешься.

Кладовщик тоже осмотрел меня прищуренным глазом и изрек:

— Только не переделывай. Сказать по правде, никак не возьму в толк, почему вам нравятся штаны в обтяжку! Зряшное это дело. Как в таких полезешь под машину? Так нет же, переделываете, будто в штанах да в куртке все человеческое достоинство. Достоинство — оно в твоем нутре, вот как!..

Половина рабочего дня пролетела очень быстро. Надо сказать, я даже не думал, что она так промчится. Не успел оглянуться, уже десять тридцать. Тиен приглашал пойти обедать к нему домой, я сказал, что взял с собой пшеничного хлеба. «Хлеба? Что же это за еда?» — «Мама переложила его мясом», — вынужден был добавить я, и только тогда он оставил меня в покое. Туан отправился в столовую — после того как мы условились, что с завтрашнего дня «наша группировка» будет подкрепляться вместе. «Пока не купил талонов, будешь брать мои».

Оставшись один в мастерской, я взял два мягких сиденья с МТЗ, положил впритык возле машины, сел поудобнее и принялся с аппетитом уписывать хлеб. Ишь ты, с сегодняшнего дня я уже официально мастеровой. Мастеровой всамделишный, а не только по бумажке. Когда я получил свидетельство об окончании училища, меня не покидало приподнятое настро-

ение. Но только сегодня радость стала полной. На днях надо выбрать удобный момент и привести сюда отца с матерью, пусть посмотрят, как работает их меньшой. Отец, конечно, будет во все вникать, а мама будет только утирать слезы. Такая уж она у меня. Как увидит, что сын или дочь уже по-настоящему взрослые или вся семья по случаю какого-нибудь радостного события соберется за блюдами с богатым угощением, она, как уже сто раз было, расчувствуется, разволнуется, вспоминая, как было трудно растить нас троих самой на временно оккупированной территории, в голоде и холоде... Отец тогда был далеко в военных мастерских вблизи фронта... Часто, когда мама начинает всхлипывать, отец нарочито громко говорит ей: «Ну что ты, мать, заладила одно и то же, ты думай о другом», и нам становится ясно, что отец наш и самого себя не раз так утешал. Просто он об этом не говорил вслух. Зато по части воспитания детей отец любил поговорить и говорил больше матери. Тут он был философ. Например, он высказывался так: «Если хочешь, чтобы из железяки что-то вышло, сперва брось ее в горнило». Было у него кредо: сначала три года потрудись рабочим, а потом уже иди учиться. Именно благодаря этому кредо мой брат стал способным инженером, его любят и ценят. Что касается меня, то, хоть я проработал на производстве всего полдня, я тоже неплохо зарекомендовал себя. И, несмотря на всего полдня, жизнь стала мне ближе, а окружающие меня люди будто родные. Итак, отныне я буду стараться как можно лучше работать в моей новой трудовой семье. Буду помогать Туану осваивать программу повышенного уровня (ведь он закончил всего лишь школу второй ступени, а не десятилетку, как я). Буду приглядываться ко всем, постигая тонкости мастерства. Буду перенимать все самое лучшее, самое стоящее. «Учись, пока не научишься!» — этими словами наставлял нас отец, да и сам себе он твердил их не один десяток лет.

За этими мыслями и застал меня Туан. Он поставил передо мной громадную чашку супа:

— Давай лопай, а то ешь сухой хлеб, потом водой обопьешься.

Потом Туан стал агитировать меня пойти полежать в комнате отдыха. Я отнекивался: «Сегодня полежу вот здесь. А в комнате отдыха завтра, а?» Туан, вид-

но поняв, что мне хочется осознать себя в новой роли, сочувственно улыбнулся и сказал:

— И я с тобой!

Когда жара спала и перерыв на отдых закончился, нам работалось так же радостно. Не смолкали шутки да прибаутки, которым, казалось, никогда не иссякнуть. Каждый раскрывал свою бесхитростную душу. Когда я вскользь упомянул о своем доме, о родных, большие карие глаза Тиена странно заблестели. И еще долго после этого я с удивлением отмечал, что его глаза бесконечно грустны. Но вот он поймал мой взгляд, и грусть в его глазах моментально исчезла. Он снова кропотливо проверял сделанное нами, устранял зазоры, помогал заменять детали, тщательно все объясняя. Тут я обратил внимание на Тана. Странно. Все-таки он одних лет с Тиеном, как и Тиен, не первый год работает на машинной станции, но объяснения Тиена слушает с таким благоговением и так сосредоточенно, будто ничегошеньки не понимает. Что до Туана, то он хватался за самое трудное: то развинчивал зады, то волок на себе ось или домкрат. Я сердился, требовал: «Давай я!», а он только посмеивался:

— Нет, я. Ты еще не знаешь, как с ним обращаться. Уронишь, ногу зашибешь — света белого не взвидишь. А я уже ученый.

Примерно в половине пятого Тиен вместе с другими бригадирами ушел на производственное совещание. Тана позвали на консультацию в кузницу, чтобы подсказал, как лучше сделать капот для ДТ. Прежде чем уйти, Тиен сказал нам:

— Соберете вдвоем клапаны коробки скоростей, задний мост, подберете все хвосты — до конца рабочего дня уложитесь. Наведете тут порядок — и можете отдыхать. Да смотрите не уроните чего-нибудь внутрь коробки.

Мы с Туаном стали по одну сторону машины. У меня и в мыслях не было соревноваться с Туаном. В жизни своей я не был еще таким самоуверенным. Единственное, чего я хотел, — это убедиться, что я тоже имею основания называться мастеровым. Туан быстро брал винтик. Я тоже быстро брал винтик. Отверткой крепко ввинчивал его. Левой рукой брал другой винтик и вкручивал его рукой, пока не понадобится помощь отвертки. Мы работали как хорошо налаженные механизмы и при этом весело разговаривали. За-

канчивая ремонт коробки скоростей, мы чувствовали огромное удовлетворение. Особенно я — ведь как-никак завершался мой первый рабочий день, насыщенный впечатлениями и событиями.

— Старик Тиен любит поучать. В порядке профилактики... С чего это вдруг мы уроним что-то в коробку, правда?

Туан сказал это после того, как закрутил последний винтик на «своей» стороне. Я смотрел на него и улыбался, а сам протянул левую руку, чтобы взять последний винтик. Чувствую, мизинцем нечаянно задел винтик, и он покатился. Я вмиг обернулся, стал искать его. Винтика на месте не оказалось. Стал искать на полу. Тоже нет. По спине у меня поползли мурашки. «Не упал ли он в коробку?.. Не может быть!» — подумал я с тревогой, заглядывая в ящик со снятыми частями... Туан, согнувшись от натуги, тащил на задний мост тяжелую стальную пластину.

— Следовало бы сперва накрыть эту штуковину, а потом уже завинчивать. Но ничего, главное, чтобы все было хорошо. Помоги же!

Я поспешно подхватил стальную пластину, и мы вместе уложили ее на место. Мы продолжали работать как ни в чем не бывало, правда, уши мои побагровели. Если бы я хоть капельку опомнился, я бы сказал: «Погоди, Туан, давай посмотрим хорошенько, кажется, столкнул в коробку один винтик». Мы бы пересчитали оставшиеся винтики, и если бы одного не хватило, мы приподняли бы стальную крышку и пошарили внутри. И все было бы как нельзя лучше.

Однако я не вымолвил ни слова.

Чего я испугался? Думая об этом сейчас, я нахожу, что вел себя нелепо. Боялся, что меня засмеют? Боялся, что эти веселые и добродушные парни полушутя-полусерьезно прозовут меня растяпой? Или боялся, что из-за моей невнимательности исчезнет воодушевление, с которым нам работалось?.. Что и говорить, глуп был, многого недопонимал. И не нашел ничего лучшего, как помотать головой, когда Туан спросил:

— Как думаешь, не уронили ли мы туда один винтик? Посмотри хорошенько...

— Вот напасть, — ворчал Туан, — ведь когда разбирали, были все до единого...

Мы с ним, согнувшись, обшарили все вокруг. Лицо мое полыхало. Я видел яснее ясного, какой я подлец. Вот выпрямлюсь и скажу Туану всю правду. Но я по-прежнему не находил в себе для этого ни мужества, ни сил...

Когда возвратился Тиен, Туан сказал ему удрученно:

— Куда-то делся один винтик четырнадцатого калибра.

Тиен в том же добром расположении духа посмотрел на нас, будто ничего не случилось, и рассмеялся:

— Не иначе как благодаря вам он спокойненько лежит в брюхе машины. Когда собирали, где вы клали винтики?.. Ага, тут... Ладно, пустяки, винтик маленький, совсем крохотный... Бывает, спутаешь с кабинными. Что ж, уже отбой. Давайте-ка уберем здесь. А завтра поищем снова. Только впредь чтобы сюда винтики не клали!

Туан удивленно взглянул на бригадира, когда тот сказал «пустяки», и, когда мы наводили порядок на рабочем месте, не проронил об этом ни звука. То ли потому, что рабочий день закончился и лучше подождать до завтра, то ли полагая, что бригадир, как всегда, прав. Собрав инструмент, Тиен подобрал в углу мастерской несколько закатившихся туда деталей. Я стоял позади, совсем близко и нерешительно смотрел на него. Вдруг он обернулся. Наверное, услышал, как я говорил, что дома ждут меня не дождутся — как летчика, только что вернувшегося с боевого вылета.

— Ты, Чунг, иди, не жди никого, не то все яства остынут.

Потом он стал разговаривать с только что подошедшим токарем Биеном. И уже когда я гнал велосипед по дороге, мне стало ясно, почему я оказался рядом с бригадиром, когда он стоял в углу мастерской. Не знаю почему, но мне верилось, что он скажет: «Ничего, завтра отыщем тот винтик. А впредь следует быть осмотрительнее».

Я остановил велосипед и решил вернуться в мастерскую. Но тут же принялся отговаривать себя: «Ладно, завтра уже, а сейчас пусть отдыхают».

Нажимая на педали, я всю дорогу думал об этом. Однако думал я совсем не так, как следовало. Сейчас мне горько из-за этого, донимают угрызения совести...

А тогда маленький винтик, утонувший где-то на дне машинного механизма, не очень-то беспокоил меня. Тем более что Тиен сам сказал «пустяки»! И все же я допустил небрежность, вдобавок лгал... А все были так добры ко мне, так сердечны... А мои домашние, которых я всей душой любил! Мой отец и мать, брат и сестра — они так верили в меня! Каждый из них был твердо убежден, что я с самых первых дней делом докажу, что я из трудовой рабочей семьи... А я так опозорился! У меня и в помине не было достоинств истинного мастерового — гражданского мужества и чистосердечия... До чего ж горько мне было!

Но я также понимал, что не имею права омрачать радость дорогих мне людей. Надо убрать с лица кислое выражение...

Еще далеко за калиткой до меня долетел аппетитный, манящий запах блинчиков с мясом. Отец и брат курили, поглядывая на бутылки пенистого пива рядом с жаренной на вертеле курицей, и обсуждали новости. Увидев меня, оба просияли.

— Привет рабочему классу! — воскликнул брат. — Как дела? Все хорошо?

Я улыбнулся.

— Да.

Мама и сестра из кухни смотрели на меня как-то по-особенному, не так, как каждый день, и весело шутили со мной.

За едой все разговоры в основном были обо мне и моей работе. Я рассказывал о машинной станции и своей мастерской. О Тионе и Туане, о кладовщике, о тягачах на станции и их водителях. Отец ел, пил, слушал мой рассказ и удовлетворенно кивал головой. А брат время от времени задавал такой вопрос или вставлял такое словцо, что все заливались громким смехом. Больше всех смеялась сестра. Сестра часто говорила, что у них на фабрике нет ни единого человека, равного нашему брату. На что брат, по-моему, слишком категорично заявлял: «Это потому, что у вас на фабрике преимущественно женщины, а мужчин — раз, два и обчелся». Отец говорил: «Преувеличиваете вы, дети мои, потому что и жизни-то по-настоящему еще не знаете». Мама вступала в общую дискуссию, прибегая к воспоминаниям. «Нет, Чунг прав, — говорила она. — Когда мой старшенький был совсем еще мальчонкой, он и во сне видел, как пойдет про-

давать жареный арахис, чтобы помочь матери растить малышей...»

Но, увы, каждый поймет, что с чем большей искренностью и взволнованностью рассказывал я все, что знал и думал о своей новой трудовой семье, тем неспокойнее становилось у меня на душе. Какое же я ничтожество! Я не оправдал доверия, я недостоин той любви, которую ко мне проявляли!.. Я так терзался, так раскаивался, что, кажется, с лица у меня даже исчезло глупое выражение...

Когда мы поели, сестра долго оспаривала у меня должность «профессионального мойщика посуды», велев пополоскать рот и идти приниматься за конфеты. Когда я поднялся в дом, брат с отцом сидели пили чай и курили. Мама понесла на кухню кастрюлю с супом. Отец вдруг спросил меня:

— Чунг, так что ты сегодня натворил?

Я вздрогнул и взглянул на отца и брата. Брат все так же благосклонно смотрел на меня, и в глазах его светилась улыбка. Небо, я вдруг подумал, что, когда Тиен пришел с совещания, он смотрел на нас с Туаном таким же взглядом. Это был взгляд взрослого опытного человека, великодушного к ошибкам своего меньшого брата. Естественно, глаза мои наполнились слезами.

— Я... я уронил... последний винтик... в коробку скоростей, — задыхаясь от волнения, еле выговорил я.

— Но его же вынули? — Лицо у отца стало строгим, заостренным.

— Я... Я не признался в этом!

Отец какую-то минуту сидел задумавшись, потом залпом выпил из чашки оставшийся чай и встал. Раскрыл шкаф, вынул оттуда свой комбинезон, в котором работал перед выходом на пенсию, и надел его.

— Старшой, повезешь меня. Чунг, иди бери велосипед. Да живо, пока матери нет. — Повернувшись внутрь дома, он сказал громко: — Мы сходим в кафе!

— Отец! — Я знал, что он очень сердит, и все же попытался его отговорить. — Завтра я все расскажу им. Да и вообще, отец... ничего такого...

— Ничего? В кого ты таким болваном удался? Если бы ты проглотил его, то в самом деле ничего бы не было, а ты уронил винтик в рабочий механизм, заведут мотор — и вся машина разлетится на части!

Ладно, быстрее! Допустил ошибку, сейчас же исправь, не затягивай. Завтра будет завтрашняя работа. План военного времени не допускает проволочек.

Мы с братом, не посмев возразить, последовали за отцом. На вид у брата было все то же хорошее настроение, он с любовью поглядывал на меня, хоть и несколько иначе.

— Что ж, шагом марш! — шутя скомандовал он мне.

Я решил, что, когда мы придем в мастерскую, я скажу отцу с братом, чтобы они подождали, а сам схожу позову Тиена. Но почему в мастерской, как раз на том месте, где стоит ремонтируемая машина, горит яркий свет? Дверь не заперта, и мы втроем вошли. Возле машины Тиен вытирал руки, по самые плечи перепачканные смазочным маслом. Услышав, что кто-то вошел, он поднял голову. И сразу догадался, что со мной старший брат и отец. И не только потому, что мы с братом лицом похожи на отца.

— Здравствуйте, дядя! Здравствуйте! — поздоровался он с моим отцом и братом и неловко улыбнулся. — Какое дело привело вас сюда? И Чунг здесь. — Тиен повернулся к моему отцу. — Он много рассказывал о вас, вашей семье... Не беспокойтесь, дядя, я уже достал винтик.

— А я думал, что вы ничего не знаете, — удивился отец.

Тиен улыбнулся и заговорщически подмигнул мне:

— Да нет, я знал. Чунг парень хороший, не умеет скрытничать. Я видел, что он мнется, порывается что-то сказать. Потом я тщательно обыскал все вокруг и, не найдя винтика, догадался, где он. Вы, дядя, не ругайте его: первый день, парень еще неопытен...

Отец взволнованно стал жать Тиену руку:

— Вы... вы слишком снисходительны. Я бы сразу спросил с него со всей строгостью. Работаешь на благо родины, так будь добросовестным... И никаких поблажек. Сперва обидится, потом будет благодарен... Вы слишком жалеете их!

Тиен примирительно улыбнулся:

— Видите, дядя, я не спросил со всей строгостью именно ради блага родины: наша бригада уже несколько лет подряд является бригадой социалистического труда.

Помолчав немного, он заговорил тише, избегая смотреть на нас:

— Нет, дядя... Он еще не сжился с коллективом. Вот Туан — другое дело, с него я спрашиваю, чтобы он не мучился. В подходящий момент я бы с Чунгом поговорил, так было бы лучше. Но в первый, такой ответственный для него день мне просто не хотелось этого делать...

Я слушал Тиена, и все перед глазами у меня расплывалось. Потом он меня еще много раз доводил до еще большей степени взволнованности и растроганности. И только значительно позднее я узнал, что его мать, отец, брат и две сестры умерли во время страшного голода тысяча девятьсот сорок пятого года *. А его самого подобрала и вырастила одна сердобольная старушка. Было ему тогда четыре года.

ВАН ФАН

ЧЕРЕПАХОВЫЙ БРАСЛЕТ

1

Получив известие о вооруженном нападении на машину члена бюро райкома партии товарища Ба Нгока, все сотрудники группы по расследованию уголовных преступлений, возглавляемой товарищем Ван Тханем, немедленно поспешили на место происшествия.

Около десяти вечера. Широкая магистраль пустынна.

Место происшествия находилось в четырнадцати километрах от города. На обочине в луже крови неподвижно лежал человек в военном. Неподалеку — легковой автомобиль марки «мазда». Трое мужчин стояли рядом с машиной, курили, ожидая милицию. В нескольких метрах был установлен фонарь, бросавший на дорогу красноватые отблески, оповещая водителей проезжавших мимо автомашин о необходимости соблюдать осторожность. Охраняли место происшествия двое бойцов местного отряда самообороны

---

* Во время голода в марте 1945 года во Вьетнаме умерло около двух миллионов человек.

с автоматами в руках и милиционер, очевидно, из близлежащей общины. По обе стороны, метрах в десяти столпились местные жители. Несколько любопытных, проезжавших мимо на мопедах и мотоциклах, специально остановились и присоединились к толпе зевак, чтобы узнать, что случилось...

А произошло все быстро и неожиданно.

Член бюро райкома партии Ба Нгок и его бывший соратник Шау Бан, назначенный недавно заместителем председателя районной комиссии по проведению преобразований частно-капиталистической промышленности и торговли Южного Вьетнама, решили навестить своего друга, проживающего в том самом районе, где в прежнее время они вместе партизанили. Приехав, они попали на застолье: провожали в армию третьего сына хозяина.

Ровно в девять тридцать Шау Бан, видимо беспокоясь за здоровье товарища Ба Нгока и не желая рисковать — возвращаться слишком поздно по безлюдной дороге небезопасно, — решительно поднялся и стал прощаться.

Гостеприимный хозяин просил остаться до утра или хотя бы на некоторое время. Но Шау Бан был непреклонен, он не желал задерживаться и на пять минут и предложил немедленно трогаться.

Однако сразу же после поворота на главную магистраль, ведущую в город, их машина была вынуждена остановиться.

Посередине дороги стоял человек в солдатской форме и вовсю махал рукой. Водитель снизил скорость. Ему не раз приходилось подвозить солдат и работников различных государственных учреждений, спешивших по делам службы. Шау Бан, сидевший на заднем сиденье, сказал шоферу:

— Спроси, чего ему надо.

Белая «мазда» резко затормозила прямо перед солдатом. Тот, видимо ослепленный светом фар, опустил глаза вниз, взгляд его скользнул по номеру машины, после чего он сделал шаг вперед. Вдруг неуловимым движением он выхватил пистолет и, наставив его на водителя, приказал:

— Всем немедленно выйти из...

В эту секунду один за другим раздались два оглушительных выстрела. Налетчик даже не успел закончить начатую фразу.

Дверца автомобиля распахнулась. Шау Бан выскочил из машины, прыгнул в сторону и громко крикнул:

— Ложись!

Шофер успел выключить свет, бросился на сиденье и вжался в него. С другой стороны Ба Нгок почти полностью съехал с сиденья, чтобы его не было видно снаружи. Полная тишина, никаких подозрительных звуков.

Беспросветная тьма и душный влажный воздух быстро поглотили и звуки выстрелов, и крики людей. Лишь вдали раздавалось кваканье лягушек, да бесшумные тени причудливыми зигзагами носились вокруг — летучие мыши.

Ба Нгок вышел из автомобиля.

Подошел Шау Бан, включил подфарники, осветившие лежавшего на земле солдата. Шау Бан сказал:

— Интересно, в одиночку он, что ли, на такое отважился?

Ба Нгок вытащил карманный фонарик, осветил тело:

— Надо бы посмотреть, может быть, еще жив?

Преступник лежал лицом вниз, шея была неестественно изогнута, рука далеко закинута за спину. Все было ясно. Шау Бан уложил его наповал. Водитель, подойдя к убитому, перевернул его на спину, попытался разглядеть его лицо, но, увидев, что из раны потоком струится кровь, невольно отдернул руку, спросил:

— Что же теперь будет?

— А, ерунда! Одной сволочью стало меньше, конец, вполне достойный грабителя с большой дороги. — Шау Бан, хотя и говорил уверенно, но все же повернулся к Ба Нгоку, ожидая, что скажет старший товарищ.

Ба Нгок не колебался:

— Надо вызвать милицию и составить протокол.

— Может, нам лучше... — в голосе Шау Бана чувствовалось волнение, — не подвергать ненужному риску Ба Нгока, да и себя тоже? Уехать побыстрее из этого опасного места? Заедем в райком, оттуда позвоним в милицию, они сами разберутся.

— Верно, верно, — поддержал его водитель. — Прошу вас, товарищи, садитесь в машину.

Ба Нгок внимательно осмотрелся по сторонам, потом спокойно заметил:

— Да нет, думаю, нам не стоит так торопиться. Подождем милицию здесь и на месте составим протокол. Так будет намного удобнее для расследования.

— Да что тут расследовать-то? — поднял голову Шау Бан. Лишь сейчас он впервые за последние минуты опустил дуло пистолета К-59, который по-прежнему на всякий случай крепко сжимал в руке. — Или поступим так: пусть Ба Нгок возвращается, а я подожду милицию и помогу составить протокол.

— Ладно, ладно, повременим немного, потом вместе поедем.

Помолчали, потом водитель сказал:

— Быстро вы, товарищ Шау Бан, среагировали. Еще бы немного, и конец мне. Увидев дуло пистолета, я весь оцепенел, как кролик перед удавом. Наверное, рукой не смог бы пошевелить.

— Да чего там! Просто ночью в этих местах надо соблюдать осторожность и быть готовым ко всяким неожиданностям, — заметил Шау Бан и, повернувшись к Ба Нгоку, продолжил: — Ты ведь знаешь, годы партизанской и подпольной борьбы выработали у меня такую привычку.

— Надо признать, ты действительно оказался предусмотрительным. А я вот, — сам себя покритиковал Ба Нгок, — не подумал захватить с собой оружие. Не будь сегодня тебя, кто знает, что могло бы с нами случиться!

Выстрелы на шоссе были услышаны в ближайшей деревне. И дежуривший там милиционер, немедленно собрав бойцов народного ополчения, поспешил к дороге. Узнав, в чем дело, все были рады, что ответственным работникам удалось справиться с преступником, и не жалели восторженных эпитетов в адрес героя всего случившегося — заместителя председателя комиссии, который проявил и бдительность, и завидную быстроту реакции.

Так как дело было абсолютно ясным, да и присутствие работника райкома партии помогло, составление протокола не заняло много времени. Единственное, чего не знал никто из присутствовавших — это личность убитого бандита.

* * *

Прежде всего предстояло выяснить, была ли акция в отношении ответственных работников звеном в

цепи заговора, результатом деятельности какой-либо реакционной организации или же это неопытный грабитель-одиночка пытался совершить вооруженный разбой.

При распределении обязанностей между сотрудниками группы расследования этого дела Ван Тхань учитывал обе версии. Каждая из них требовала самостоятельной проработки. Но все-таки, исходя из безопасной в целом обстановки в районе, он скорее склонялся к мысли, что нападение на автомобиль не является результатом деятельности реакционной организации. Видимо, это была обычная попытка грабежа, на которую решился преступник, учитывая благоприятно сложившиеся, как ему казалось, обстоятельства.

Ван Тхань не был до конца уверен в своей правоте, но решил ничего серьезного не предпринимать до тех пор, пока не будет установлена личность убитого и выявлены его связи. Без всякого сомнения, преступником он стал не в тот момент, когда вышел на магистраль и остановил машину, а намного раньше.

Ван Тхань решил, что следует разобраться во всем обстоятельно, не спешить. Он положил его в кипу других дел с пометками: «Требуется дополнительное расследование».

У него были немалые основания поступить так. Сравнивая это дело с предыдущими, которые ему приходилось расследовать, Ван Тхань все больше и больше убеждался, что это преступление только на первый взгляд кажется однозначным, случайным. Уж слишком оно представлялось простым. Немало бывших солдат и офицеров марионеточной сайгонской армии скрылись от возмездия и теперь бродят поодиночке и группами по всей территории Южного Вьетнама, превратившись в убийц, разбойников и грабителей. Подобные розыски часто приостанавливались и не потому, что в них не было нужды. Расследования не приводили ни к каким результатам.

В протоколе, помимо описания всего случившегося на дороге со слов участников происшествия и фотографий места преступления, были и скупые данные осмотра тела убитого: «...документов, удостоверяющих личность, не обнаружено. Труп принадлежит мужчине, возраст — немного более 30 лет. Рост — 1 метр 65 сантиметров.

На правом запястье татуировка:

«Не забуду мать родную. 10.V.1948 г.».

На зубе 4 стоит коронка.

Убитый одет в форму военного образца защитного цвета, у него обнаружен пистолет К-54 № В24895 и магазин к нему с шестью патронами...

Смерть наступила в результате двух пулевых ранений, что привело к тяжелым повреждениям внутренних органов, разрывам печени и желудка...»

Первое, что решил сделать Ван Тхань, прежде чем отложить дело в сторону, в кипу других дел, требующих расследования, — это разослать ориентировку во все местные отделения милиции, чтобы там немедленно приступили к поискам сведений о преступнике.

Но бандит и после своей смерти, кажется, не хотел быть забытым. Не успела еще его могила зарасти травой, а дело, попавшее в архив, покрыться хотя бы тонким слоем пыли, как начали поступать данные об этом разбойнике, и его прошлое было извлечено на свет.

2

Начальник отдела Ле Хунг несколько минут сидел молча, видимо размышляя о различных сторонах этого дела, затем обернулся к молодому офицеру, сидевшему в конце длинного стола, спросил, как бы повторяя слова своего подчиненного:

— Если я правильно понял, вас удивляет, как это преступник осмелился в одиночку ночью остановить автомобиль, будучи вооруженным одним лишь пистолетом, да к тому же еще спокойно разглядеть номер машины? — Он покачал головой и продолжил: — Объясните, товарищ Тхинь, свою мысль яснее, чтобы мы вместе могли обсудить все «за» и «против» и посмотреть, есть ли в ваших словах рациональное зерно.

Шло обычное еженедельное «большое» оперативное совещание, на котором все скучают, так как и без того хорошо знают о ходе расследования дел в своей группе, да и у товарищей, потихоньку поглядывают на часы в ожидании перерыва или окончания работы. Еще бы, жара стоит страшная, все мысли о том, как бы побыстрее покинуть душный кабинет и пойти промочить горло, а тут их заставляют задерживаться неизвестно на сколько времени, да еще из-за того, что у какого-то мальчишки лейтенанта, только вчера при-

шедшего с институтской скамьи, не имеющего ни опыта, ни авторитета, возникли, видите ли, сомнения по делу, явно не представляющему никакого труда. Все с неудовольствием поглядывали на него.

Тхинь поднялся, оглядел присутствующих, по его лицу пробежало некоторое подобие улыбки, затем он сказал:

— Мне кажется, что некоторые поступки преступника не сообразуются с логикой обычного грабителя, промышляющего на дорогах... Что бы ни предпринимал преступник, он, как правило, старается обеспечить себе преимущество в силе, прикидывает свои возможности, думает о том, что сможет противопоставить его гипотетический противник. Зачем надо было преступнику в этом деле так рисковать?

Некоторые не выдержали и прервали Тхиня:

— Это одни теоретические выкладки!

Ван Тхань, сидевший рядом с младшим лейтенантом, заметил:

— Ты бы лучше подумал о том, как все это можно объяснить.

Тхинь продолжал дрожащим от волнения голосом:

— Именно поэтому я не согласен с тем, что это обычный случай попытки грабежа или разбоя. Без сомнения, нападение на автомобиль было подготовлено заранее и мотивы его совсем другие. Мне кажется вполне вероятным, что преступник знал, кто сидит в машине. В противном случае, зачем бы ему было так внимательно вглядываться в номер автомобиля? Видимо, прежде чем начать действовать, он хотел удостовериться, что это именно та машина, которая ему нужна.

— В машине сидели два ответственных работника нашего района, — отметил Ле Хунг, — значит, вы, товарищ Тхинь, думаете, что это дело носит политический характер?

— Не исключаю такой возможности.

Все участники обсуждения были невольно захвачены начавшейся дискуссией, чему в немалой степени способствовало то, что сам начальник отдела принял в ней участие.

Кто-то переспросил:

— В машине сидели член бюро райкома партии и заместитель председателя комиссии по проведению преобразований?

Ван Тхань не сдавался:

— Но в таком случае нападение выглядит еще более нелепо и неразумно. Если это был запланированный террористический акт против двух руководящих работников, то тем более преступник не отважился бы на него в одиночку, раз вы считаете, что даже грабитель не решился бы.

— А откуда мы знаем, что преступник действовал один? — воскликнул кто-то. — Кажется, у нас нет доказательств, что не было целой шайки, которая, увидев, что дело не выгорает, успела вовремя скрыться.

— Было бы ошибочно недооценивать наших врагов. Если преступнику помогала целая шайка, то они, прежде чем скрыться, наверняка выпустили бы в людей на дороге хотя бы одну обойму.

— Все только одни «если» да «если»!..

Мнения разделились, каждый отстаивал свою собственную точку зрения.

— В нашем районе положение спокойное, и мы хорошо контролируем обстановку. Тщательно спланированная террористическая акция против ответственных работников вряд ли возможна — нам наверняка стало бы что-нибудь известно.

— Это субъективный подход. Кто может поручиться, что нам известно абсолютно все, происходящее в нашем районе?

— Да, пожалуй, и у этой точки зрения есть свои слабые стороны.

— Возможно, — заметил молодой офицер, сидевший в углу комнаты и не принимавший до этого участия в общем разговоре, — это реакция на начало проведения социалистических преобразований в Южном Вьетнаме, и направлена данная акция прежде всего против заместителя председателя комиссии по проведению преобразований.

— В этом есть доля истины! Сложные экономические преобразования не могут обойтись без острой борьбы.

— Боюсь, что это дело так и останется нерасследованным.

Ван Тхань не выдержал, вскочил и воскликнул:

— Кто это там уже ставит крест на нашем расследовании?

Дискуссия продолжалась не менее оживленно, все

уже давно позабыли, что совсем недавно хотелось побыстрее покинуть душный кабинет.

Наконец начальник отдела Ле Хунг решил, что обсуждение пора заканчивать. Он постучал карандашом по графину с водой, чтобы умерить пыл не в меру разошедшихся спорщиков.

— Мы должны признать, — сказал он, — что сомнения, высказанные только что товарищем Тхинем, представляются вполне обоснованными. Необходимо все тщательно проверить.

— Разрешите доложить, — поднялся Ван Тхань, — нами уже разослана ориентировка с фотографиями преступника для его опознания. Мы думаем, начинать надо именно с этого: узнать, кто он такой, выяснить его прошлое, связи, знакомства.

Из разных концов комнаты раздались голоса:

— Направить-то вы направили, да мы знаем, что никаких результатов пока нет.

— Разослали указания в разные концы страны и сидят теперь сложа руки.

— Кто это там говорит, что мы сидим сложа руки? — обиделся Ван Тхань. — Да знали бы вы, сколько у нас сейчас дел находится в работе!

— Ладно, ладно, хватит вам спорить, — остановил их Ле Хунг. — Так или иначе, всем совершенно ясно, что в этом деле необходимо навести ясность. Думаю, что надо усилить группу товарища Ван Тханя.

Кто-то предложил:

— Может быть, как раз товарища Тхиня и прикрепить к группе?

— Я готов, — живо откликнулся молодой человек.

— Вот и отлично. — Ле Хунг на прощание всем пожал руки и сказал: — Значит, товарищ Тхинь поступает в непосредственное распоряжение товарища Ван Тханя для участия в расследовании этого дела.

3

Сомнения лейтенанта и развернувшиеся по этому поводу споры оставили неприятный осадок в душе Ван Тханя. Он боялся, что его не совсем правильно поняли. Надо бы объяснить этому юнцу, что Ван Тхань не новичок в милиции, что за три года, прошедшие после полного освобождения Юга страны, ему пришлось побывать в опаснейших переделках, да и

опыта расследования ему не занимать. Естественно, все те мысли, которые высказал Тхинь, приходили в голову и ему.

Что касается самого лейтенанта, то его мало беспокоили сомнения начальства. Он с головой окунулся в расследование порученного дела и в первую очередь попытался установить личность убитого преступника.

— Неужели мы должны спокойно сидеть и ждать ответа? — спрашивал он Ван Тханя.

— Если у тебя есть дельные мысли по этому поводу, то давай их обсудим. — Ван Тхань не хотел оказывать давление на своего подчиненного, ему было интересно послушать, что скажет молодой коллега.

— Я думаю, — начал Тхань, — что прежде всего следует обратить внимание на татуировку на руке преступника. Вполне возможно, что это дата его рождения. Мало кому из мужчин его возраста удалось избежать службы в марионеточной армии. Надо бы хорошенько поработать в архиве, без сомнения, там что-нибудь да найдется...

— Но ведь не исключена возможность того, что преступник приехал откуда-нибудь с Севера.

— Вряд ли. Судя по коронке на зубе, преступник из какого-нибудь южновьетнамского города.

— Вывод довольно спорный. — Ван Тхань покачал головой и засмеялся.

— Кроме того, у нас в руках пистолет К-54 № В24895!

— Надо будет обратить внимание и на пистолет, но, как показывает опыт, для определения личности преступника он часто бывает недостаточно надежным источником.

— Значит, надо как-то надавить на местные органы милиции, чтобы они побыстрее дали ответ.

— Подстегнуть их, конечно, стоит, но только для этого разве стоило мне просить дополнительно людей в группу?

Тхинь даже покраснел.

— Тогда я не могу понять, к чему вы клоните.

Тут Ван Тхань, видя, что Тхинь попал в затруднительное положение и совсем стушевался, не выдержал и широко и открыто улыбнулся.

— Да все правильно! Раз нам дали дополнительно людей, значит, от нас ждут активной работы, и мы действительно должны работать и работать.

— Так что же делать? — Тхинь с сомнением посмотрел на начальника.

— Делать все то, о чем ты сейчас с таким энтузиазмом говорил.

— А! — сказал Тхинь. Наконец-то он понял, что более опытные сотрудники просто более реально смотрят на многие вещи, а в остальном похожи на него. Надо лишь действовать сообща, помогать друг другу, и все будет нормально.

Их совместная работа началась следующим образом: Ван Тхань и Тхинь согласовали план мероприятий, которые необходимо было провести на первом этапе расследования. Тхинь тут же начал внимательнейшим образом изучать дело с той тщательностью, на которую способны лишь вчерашние выпускники высших учебных заведений, делающие первые самостоятельные шаги.

Архив и ряд других учреждений дали Тхиню коекакие сведения.

В списках марионеточной сайгонской армии и полиции было зарегистрировано 103 человека, родившихся 10 мая 1948 года.

Из 36 полицейских 12 служили в отряде полиции особого назначения. На этот факт и надо было обратить самое пристальное внимание, и Тхинь это прекрасно понимал.

Следовало проверить каждого из этого обширного списка, запросить местные органы милиции о каждом. Но в первую очередь надо проверить этих двенадцать.

Вьетнамская пословица говорит: «Даже если собираешься пройти вдоль всего хребта гор Чыонгшон, путь все равно начнется с одного первого шага». Расследование преступления — это долгий и кропотливый поиск, однако на этом пути бывают свои счастливые моменты, которые ускоряют ход расследования, приближают развязку. Не вдаваясь в подробности, скажем, что Тхиню действительно повезло на первом этапе расследования: ему удалось довольно быстро установить личность преступника. Видя радостную улыбку младшего лейтенанта, Ван Тхань тоже улыбнулся и затем сказал:

— Поздравляю. Но особо не обольщайся. Не забывай, что мы не испытываем недостатка в случаях, когда приходится проследить путь каждого с юга на

север и обратно, а в результате так ничего и не находишь.

Итак, преступника звали Ле Ванг. Он родился в городе Бьенхоа *, был третьим ребенком в семье служащего. Дома его обычно звали Ты Шун. Окончив одиннадцать классов средней школы, Ты Шун поступил в полицию.

В 1969 году после прохождения шестимесячной учебы на курсах он начал работать в отряде полиции особого назначения района Зядинь **.

То ли он не справлялся со службой, то ли не смог сохранить в секрете место своей работы, то ли еще по какой-нибудь причине, но спустя шесть месяцев по распоряжению американского советника он был уволен из полиции особого назначения. Ты Шун обратился к друзьям с просьбой помочь ему вернуться на службу и потом поступил в районе Говап в государственную полицию...

Что он делал после освобождения, где находился и прочие сведения предстояло выяснить.

Тхиню еще раз здорово повезло. Ему удалось разыскать показания Ты Шуна, которые он давал как бывший работник полиции после освобождения Южного Вьетнама, когда все списки сайгонской администрации попали в руки революционных властей.

В показаниях Ты Шуна о его борьбе с революционным подпольем содержалось много интересного, особенно относительно того этапа, когда он в отряде особого назначения работал вербовщиком.

4

«...В течение нескольких месяцев я был приставлен к американскому советнику, который работал в отделении Генерального консульства США в городе Шокчанге. Мы лазили с ним по деревням, пытаясь подыскать хорошего осведомителя, однако наша работа пока не давала никаких результатов. Американец, а его звали Джим, не отчаивался и напутствовал меня:

---

* Бьенхоа — город в Южном Вьетнаме, недалеко от города Хошимина.

** Зядинь — пригород город Хошимина.

— Приятель, надо быть терпеливым и настойчивым. У меня иногда на вербовку одного агента уходило много месяцев и даже лет. Правда, потом я мог спокойно отдыхать и стричь купоны. Такой хороший агент работал на меня многие годы.

В это время Джим гонялся за одним человеком, которого мы знали под именем Нам Хоанга. Тот работал в какой-то важной организации на стороне революционеров. Нам Хоанг был известен своей смелостью. Для него поход из джунглей в город был обычной прогулкой. Полиция много раз устраивала засады и нападения на него, однако ничего не удавалось сделать. Много донесений о нем мы получали от наших агентов и осведомителей, немало рассказывали о нем и спекулянты, которые торговали в районах, прилегавших к освобожденной зоне. Американские шпионы могли лишь мечтать, чтобы он перешел на нашу сторону.

Однажды я с сомнением спросил Джима:

— Не понимаю, как можно поймать такого человека на крючок? Он достаточно умен и предусмотрителен. Деньгами его не купишь, в правоте своего дела он убежден. Не зря ли мы за ним охотимся?

Джим сдвинул на затылок шляпу, усмехнулся и сказал:

— Зато уж если заарканишь такого человека, то он долго будет служить тебе верой и правдой. Надо только знать, как это сделать...

Американец возлагал большие надежды на человека по имени Там Тео, являвшегося секретным агентом полиции особого назначения. Этот Там Тео еще в те времена, когда служил в одном подразделении с Нам Хоангом, всячески искал пути для сближения с ним. Но теперь Там Тео был чем-то напуган, и, сколько Джим ни уговаривал его, он ни в какую не соглашался пойти на прямой контакт с Нам Хоангом, чтобы завербовать его. Ни обещания, ни очень щедрые подарки не могли заставить Там Тео забыть свой страх перед смелостью и авторитетом Нам Хоанга. С американцами все обстояло наоборот: чем выше становилась известность этого человека, тем больше они хотели заполучить его, не жалея для этого ни огромных денег, ни времени.

Однажды, когда я играл в домино с одним своим приятелем, меня неожиданно вызвал Джим. Он был

одет в гражданскую одежду, на голове мягкая летняя панама. Джим был полуазиатом — сыном американца и китаянки, а в таком наряде его трудно было отличить от вьетнамца. Он сам сел за руль, и мы помчались по дороге номер четыре в сторону городка Кешать. Там остановились. Мне было жаль прерванной партии в домино, и я очень неохотно следовал за патроном. Мы зашли в дом старосты. Там уже находился Там Тео.

Используя меня в качестве переводчика, он сообщил Джиму адрес, по которому проживали мать и младшая сестра Нам Хоанга. Агенту стоило немалых трудов и узнать адрес, и прийти сюда, поэтому, закончив свой доклад, он попросил разрешения немедленно отправиться в обратный путь. Джим задержал его, достал туго набитый бумажник, отсчитал тридцать тысяч донгов и протянул их осведомителю.

— Это тебе в подарок на покрытие всех расходов.

Там Тео двумя руками принял деньги, подобострастно выразил благодарность и тут же удалился.

Я был раздосадован и чувствовал уколы зависти из-за такой крупной подачки агенту.

По пути обратно Джим гнал машину во всю мочь. Он был очень доволен. Толкнув меня в бок, спросил:

— Сегодня такой удачный день, а ты, приятель, кислый какой-то.

— Может, для вас и удачный, а для меня — не очень. — Тут я испугался, что американец неправильно истолкует мои слова как недостаточную преданность, и продолжил: — Приходится всем жертвовать ради борьбы с этими красными.

Джим расхохотался, потом достал бумажник и протянул мне десять тысяч донгов:

— Твои жертвы требуют компенсации.

Американцы старались зря денег на ветер не бросать. Неужели сведения Там Тео, которые я, машинально переводя, пропустил мимо ушей, стоили так дорого? С тех пор я стал более внимателен к каждому поручению и после некоторого времени работы с Джимом мои вознаграждения значительно увеличились.

В условленное время Там Тео отправился к матери Нам Хоанга и, используя свое старое знакомство с ее сыном, сообщил, что один подпольщик, занимающийся работой агитационного характера, очень хочет

встретиться с ней. Ему удалось убедить ее поехать с ним. Он привез старуху в тихое место, неподалеку от маленького заводика на дороге номер четыре, в общину Дайтхюи.

Мы с Джимом спрятали наш «джип» метрах в пятистах и пешком отправились на встречу. Мамаша, кажется, не была расположена беседовать с нами. Там Тео под удобным предлогом удалился.

По разработанному Джимом сценарию я сказал примерно следующее: мы, мол, из другого подразделения, но много слышали о Нам Хоанге. Нам очень хочется с ним познакомиться и вот сегодня, используя удобный случай, решили сначала познакомиться с его уважаемой матушкой, а заодно передать письмо Нам Хоангу.

Старуха оказалась крепким орешком. Она повторяла одну и ту же заученную фразу:

— Хотя Нам Хоанг и мой сын, но он давно уже покинул меня. За последние несколько лет он ни разу не навестил нас. Поверьте мне, — твердила она, — я ничего о нем не знаю.

Несмотря на исключительную осторожность старухи, мне удалось всучить ей заготовленное заранее письмо для Нам Хоанга. В письме было лишь несколько слов о нас как о подпольщиках, пожелание всех благ и различные соответствующие эпитеты в адрес храбрости Нам Хоанга. Мы выражали пожелание установить контакт с ним или, по крайней мере, обмениваться периодически письмами.

Я просил мамашу при удобном случае, вдруг сын заедет или она встретит его друзей, передать ему это письмо. Старуха засомневалась, но отказать не решилась. Я договорился с ней о встрече через месяц, она лишь молча кивнула головой.

Через месяц мы с Джимом снова встретились с бабкой. Она по-прежнему твердила, что не видела сына, он, мол, так и не появлялся, а ей трудно идти искать его. «Он сегодня в одном месте, завтра в другом, где его найдешь?» Да к тому же все время стреляют, бомбы падают, она страшно боится и не осмеливается далеко уходить. Она принесла с собой письмо, которое я ей прошлый раз передал, и сказала, что лучше нам его забрать, так как она не хочет рисковать.

Я оказывал давление на мамашу, просил ее разыс-

кать сына и передать письмо. Джим за это время незаметно ее сфотографировал, а потом подарил для нее и ее дочери Лиен большой отрез красивой материи и всякую домашнюю утварь. По дороге домой патрон сообщил мне, что у него созрел другой план.

И вот в один из майских дней 1970 года Лиен, младшая сестра Нам Хоанга, была арестована сайгонскими солдатами в числе других жителей деревни во время работы в поле. На другой день их всех доставили в концентрационный лагерь на допрос. Родные, пришедшие их навестить, были здорово испуганы и взволнованы.

Мать Нам Хоанга потеряла мужа, когда была еще совсем молодой. У нее осталось двое детей. Нам Хоанг давно уже покинул родной дом, а Лиен была ее единственной привязанностью в жизни, единственной заботой и утешением. Не прошло и нескольких дней после ее ареста, как старуха собралась в путь, не в силах больше выносить разлуки с дочерью и неизвестности.

Джим сказал мне, что пришла пора действовать. Как будто случайно мы встретили мамашу недалеко от места содержания заключенных. Я расписывал ей наше всемогущество, проявил заинтересованность в спасении дочери, обещал устроить все так, чтобы ей вернули свободу. Старуха еще не успела вернуться домой, а мы уже отдали распоряжение выпустить Лиен. Около половины пятого она была отпущена. Выйдя из тюрьмы, она оказалась в глухом и пустынном месте, к тому же пользующемся дурной славой. Машины сюда не заезжали, никакого транспорта не было. Начало смеркаться. Много ли надо восемнадцатилетней деревенской девчонке, впервые оказавшейся вдали от родных мест, чтобы насмерть перепугаться!

Когда мы с Джимом подъехали к ней на машине, она побледнела, но, узнав наши намерения, вздохнула с облегчением.

Но лишь когда мы доставили ее в целости и сохранности до самого порога ее родного дома, девушка впервые подарила мне взгляд, полный благодарности и радости.

По пути Лиен ответила на некоторые мои вопросы о ее матери, о ней самой и о ее известном брате. Хотя и отвечала она односложно, однако такого ледяного тона, как вначале, уже не было.

Рядом с домом девушка вышла из автомобиля. На прощание я сказал ей:

— Так будет спокойнее, теперь ты дома. Учти, лучше, чтобы тебе не задавали лишних вопросов. А если кто спросит, скажи, что тебя освободили около четырех часов, а добралась на попутной машине. Может быть, послезавтра я сумею заскочить к вам. Передавай привет маме.

— Обязательно! Большое спасибо.

Не включая фар, Джим рванул с места, и мы умчались.

С тех пор я стал частым гостем в доме Лиен и ее матери.

Старуха, правда, по-прежнему осторожничала и наотрез отказывалась организовать мне встречу с Нам Хоангом. Однако чувство благодарности, которое она испытывала за спасение дочери, помогало мне беспрепятственно встречаться с Лиен.

Я еще не забыл то время, когда был студентом в городе и вел разгульный образ жизни, к тому же благодаря деньгам Джима мог свободно делать любые подарки, не стесняясь в средствах. Ясно, что молодая деревенская девчонка, только-только оперившаяся, которая на мир смотрит сквозь розовые очки, не могла устоять.

Через некоторое время Лиен дала мне на память браслет, сделанный из панциря морской черепахи, — подарок старшего брата ко дню ее рождения.

Я не сомневался в том, что Нам Хоангу известно все, что творится в его доме, возможно, он даже знал, кто я на самом деле, однако у него, видимо, не было никакого способа нам помешать.

Вскоре Лиен написала брату письмо, приглашая на нашу свадьбу. У меня не было намерения жениться на девчонке, предложение ей я сделал по указке Джима. Получив приглашение, Нам Хоанг не мог больше уклоняться от встречи, он сообщил, что вынужден приехать домой, чтобы «решительно воспрепятствовать осуществлению гнусных замыслов врагов».

Я был опьянен своей победой над деревенской девчонкой и поэтому, когда она пригласила меня навестить их дальних родственников в деревушке Дуойка, я не задумываясь согласился и даже не предупредил об этом Джима. Вот так во время моей первой

встречи с Нам Хоангом я оказался совершенно один. Я был настолько загипнотизирован рассказами о Нам Хоанге, что, когда неожиданно я увидел его лицом к лицу, у меня перехватило дыхание и по спине забегали мурашки. Я чуть не упал в обморок от страха, когда он прямо в лоб заявил мне, что я агент ЦРУ, и добавил, что он намерен меня достойно наказать!

Лиен, хотя и была потрясена всем происходившим, нашла в себе силы вступиться за меня. Ей, видимо, невмоготу была мысль о том, что парня, которого она по-настоящему любила, к тому же первый раз в своей жизни, у нее на глазах могут пристрелить как собаку. Она поклялась, что навсегда порвет со мной, но все равно продолжала умолять брата оставить меня в живых.

Нам, хотя и был человеком суровым и безжалостным, горячо любил свою младшую сестру. Я понял, что для меня забрезжил призрачный огонек спасения.

Ни секунды не колеблясь, я согласился на его требование вернуть сестре черепаховый браслет и навсегда прекратить всякое общение с ней, а своим хозяевам из ЦРУ объявить, что их дешевая авантюра завершилась полным провалом и что их разоблачили.

Не успел я еще опомниться после встречи с Нам Хоангом, как попал из огня да в полымя — мне надо было отчитываться перед Джимом. Я прекрасно понимал, что начисто загубил все, что с таким трудом было сделано, и надеяться мне не на что. ЦРУ может не простить и разделаться со мной безжалостно.

У меня не было другого выхода, как только каяться и умолять о снисхождении. Самое удивительное, что Джим как будто не очень сердился, он молча слушал мой рассказ, время от времени кивая головой.

— Значит, ты говоришь, вид у нашего подопечного был достаточно серьезный? — неожиданно спросил меня Джим.

— Ужас! Меня чуть кондрашка не хватил! — Я надеялся хоть немного разжалобить своего патрона, чтобы облегчить себе игру со смертью.

Джим снова кивнул. Затем он усмехнулся и пробормотал:

— Все же странно и достаточно приятно, что он позволил тебе вернуться невредимым.

— Еще бы, я рад до смерти!

— Мне так лично радостно не из-за тебя, а из-за Нам Хоанга.

— Что-то я не совсем пойму, о чем это вы?

— Значит, у нас еще есть надежда...

— Ради бога, только меня от этого увольте...

— Именно тебе, — Джим посмотрел на меня взглядом, не допускающим возражения, — необходимо вновь пойти на встречу с Нам Хоангом.

— Нет, нет, я умоляю вас!

— Да успокойся ты, наконец. Раз он в первый раз тебя не убил, то во второй у тебя намного больше шансов остаться в живых. Слушай!

Когда я немного пришел в себя, Джим рассказал мне, что Нам Хоанг, хотя и решительный, бесстрашный человек, но тоже имеет слабые стороны, которые надо попытаться использовать.

Для проверки своей версии Джим отправил меня на новые испытания.

Дня через два я снова пришел к матери Нам Хоанга. Несмотря на мои мольбы, старуха и слышать не хотела о том, чтобы мне встретиться с сыном или дочерью. Но Джим предупредил меня, что, если не удастся встретиться с самим Нам Хоангом или с Лиен, то достаточно поговорить и со старухой. Я вовсю лил слезы и просил ее выслушать меня.

— Я всего лишь жертва, как многие вьетнамцы. Если меня после всего, что случилось, не уничтожат, то я буду проситься в джунгли вместе с Нам Хоангом. Жизнь для меня уже ничего не значит, да и недолго осталось мне дышать этим воздухом, империалисты не простят мне и убьют. Я хочу лишь в последний раз увидеть Лиен, чтобы потом самому покончить с жизнью одним выстрелом в голову...

В конце концов старуха смягчилась.

Поздно вечером я встретился с Лиен.

Во время разговора с ней я еще больше распустил нюни, бесконечно жаловался на свою горькую судьбу, полную бессмысленность дальнейшего существования. Мне удалось разжалобить девушку. Раз ей стало меня жаль, то она больше поверила, внимательнее слушала.

— Но самое большое несчастье моей жизни совсем в другом, — горько заключил я, повесив голову на грудь. Я заметил, что Лиен затаила дыхание и прислушалась к моим словам. Я догадывался, что ста-

руха скорее всего не пропускает ни слова из нашего разговора, подслушивает из соседней комнаты. — Я как зараза, как чума, приношу несчастье всем, кого касаюсь. Мне бесконечно жаль, что из-за меня наверняка пострадает и твоя мать, и ты сама, и брат.

— О чем ты говоришь? — в волнении воскликнула Лиен.

— Отношения вашей семьи со мной вышли за рамки личных связей. Агенты ЦРУ уже не раз сфотографировали всех нас вместе, известно, что вы получали помощь от ЦРУ в виде подарков, которые я дарил. Если все эти документы получат огласку, то Нам Хоангу больше не будет доверия у своих. Такое очень даже возможно.

— Какой ужас! — в страхе закричала Лиен.

В эту секунду дверь распахнулась, в комнату влетела старуха и набросилась на меня:

— Ты не имеешь никакого права так говорить! Я...

Я с трудом выдавил из себя слезы и ответил мамаше:

— Я и сам не мог об этом подумать, но Джим сказал мне. Успокойтесь и выслушайте меня.

— Не будем мы тебя слушать, убирайся немедленно! — Она стала решительно выталкивать меня за дверь.

— Дайте же мне сказать хоть одно слово!

— Нет! Лиен, пойди позови ребят, чтобы они помогли выпроводить его отсюда.

— Не надо, Лиен! Дайте мне сказать хоть одну фразу. Джим просит предоставить ему возможность встретиться с Нам Хоангом на несколько минут в обстановке полной секретности для того, чтобы кое-что с ним обсудить. Вам не следует волноваться. Они гарантируют безопасность. Но если вы не согласитесь, то трудно себе представить, что может случиться. ЦРУ может все сделать чужими руками. Этот район относится к тем районам, которые они жестко контролируют.

Мамаша немного поутихла, задумалась.

Ободренный ее молчанием, я продолжал:

— Что может случиться, если такой человек, как Нам Хоанг, встретится с ними на несколько минут? Встреча не может продлиться долго. Я приду сегодня вечером...

Джим, кажется, был не очень доволен моими методами работы, однако он все равно смеялся. Мы с ним разговаривали на явочной квартире у старосты, при этом присутствовал и Там Тео. Когда я сообщил американцу сведения о месте и времени встречи, он сказал мне:

— Ты можешь взять машину и возвращаться.

Я даже не стал задумываться над тем, кто заменит меня в качестве переводчика для американца. Там Тео не знал ни слова по-английски, а Джим слишком слабо понимал по-вьетнамски. Может быть, сам Нам Хоанг говорит по-английски? Да черт с ними, плевать я хотел на них. Я был так рад, что мне предоставляется возможность сбежать от Джима, что немедленно распрощался и тронулся в обратный путь.

Вскоре после описанных событий Джим, под предлогом того, что я играю в азартные игры, причем покрупному, да к тому же не обладаю должными качествами для службы в отряде полиции особого назначения и не справляюсь со своими обязанностями, выгнал меня с этой работы...

...С тех пор я больше ничего не слышал о деле Нам Хоанга. Однажды, правда, когда я по делам своей новой службы в государственной полиции района Говап попал в уезд Кешать, я вспомнил о Лиен и решил зайти к ним. Но я никого там не нашел, а на мои настойчивые расспросы соседи ответили, что она с матерью уже давно направились в освобожденные районы. Другие сообщили, что, кажется, обе погибли во время одной из карательных операций».

В третьем по счету документе, содержащем показания Ты Шуна, тот размышлял о том, почему Джим перестал его использовать.

...«Думаю, что слишком грубы и очевидны были мои просчеты как секретного агента. Мои отношения с Лиен вышли за рамки нашей операции, в определенной степени у меня к ней были действительно искренние чувства, и американец это понял. Я был слишком мягок. Короче говоря, у меня не было способностей к этой работе, из вербовщика я превратился в обыкновенного дешевого доносчика.

С другой стороны, меня могли выгнать именно изза этого дела. Джим, видимо, нашел другой путь к достижению своей цели, непосредственно, без моего участия. Принцип внедрения заключается в том, что

чем меньше людей об этом знают, тем лучше. Известно немало случаев, когда в целях сохранения секретности ЦРУ устраняло вербовщиков — посредников после выполнения ими своей миссии. Поэтому, избежав их участи, я ни о чем другом не думал, как о сохранении своей собственной безопасности.

А возможно, вся наша затея провалилась. И Джиму не удалось завербовать Нам Хоанга. Он разозлился, решил отыграться на мне и выгнал меня за все допущенные мной промахи...»

Дело Ты Шуна содержало много интересного, но никакого света на дальнейшие события не проливало. Не были найдены ни Лиен, ни ее мать, не установлено, кто скрывался под именем Нам Хоанга. Папка с пометкой «Требуется дополнительное расследование» ждала своего часа в архиве...

А что касается самого Ты Шуна, то после курсов по перевоспитанию солдат и офицеров марионеточной армии он вместе с семьей поселился в городе Хошимине.

5

Жена Ле Ванга — Ты Шуна, — которую звали Чан Тхи Тхоа, торговала в розницу сигаретами на проспекте Августовской революции. Это была худая, изможденная женщина, обремененная тремя детьми, с нездоровым цветом лица, свидетельствовавшим, видимо, о каком-то тяжелом недуге, но с живыми и проницательными глазами. Узнав о том, что ее собираются расспросить о муже, женщина тяжело вздохнула:

— Да что тут рассказывать! Ничего себе, веселая и спокойная у нас семейка! Если бы Ты Шун заботился о нас, вместе с нами переносил все трудности и лишения, то мы смогли бы и досыта накормить и поставить на ноги наших троих детей. Да только у него ветер в голове гуляет. Вроде бы и работает, а все время шляется где-то со своими дружками, играет, развлекается. В прошлом году случилась у него неприятность, еле-еле избежал тюрьмы, отделался дисциплинарным наказанием, просил за него даже дядюшка Нам. Теперь вот, судя по всему, опять угодил в историю...

Я сама ничего не знаю. Все собиралась пойти к нему на работу, расспросить дружков, да так пока и не собралась. В тот день, о котором вы спрашиваете, он был сильно чем-то встревожен, и я побоялась лезть к нему с расспросами. Я легла спать, а он все сидел, пил кофе и курил сигареты. Под утро я проснулась и увидела, что он все так же и сидит. Спросила:

— Чего ты все сидишь, здоровье губишь, тебе разве не идти на работу?

Он не ответил, а через минуту спросил:

— Ты куда девала мой черепаховый браслет?

Тхоа продала прохожему пару сигарет и продолжила свой рассказ:

— Так вот. Еще с вечера, видя, что он такой расстроенный, я подумала, что у него неприятности на работе, так как к нему в этот день заходил какой-то человек, с виду похожий на работника заводской администрации, после разговора с которым он и скис. Но теперь же, услыхав, что муж требует черепаховый браслет, я не на шутку рассердилась. Без сомнения, этот браслет — подарок какой-нибудь его девки. Этого я вынести не могла. Ему лишь бы погулять да развлечься! Он этот браслет не случайно так долго хранил. Видно, сейчас решил навестить свою старую подружку. Браслет был у меня. Я считала, что вполне имею право на это. Мне и без того приходилось несладко, и я не хотела, чтобы еще и браслет ему что-то напоминал и отваживал от меня. Долгое время он о нем не вспоминал, а теперь вдруг потребовал. Что мне было делать?

Разъяренная, я вскочила с кровати и встала напротив Ты Шуна. Меня всю трясло от одной мысли об этой девке, которая так для него важна. Он тоже рассвирепел.

— На кой черт тебе браслет? Для чего ты хочешь его взять?

— Какое твое дело? Сказано, дай, значит, дай!

Я видела, что он не в себе, но решила ни за что не уступать. Если не скажет, зачем ему браслет, то даже силой не заставит меня отдать его. Я совсем вышла из себя. Мало того, что некоторые его дружки, решившие бежать из страны через сухопутную границу или морем, оставляли ему деньги, которые не могли перевести в ценности, теперь он, видно, сам решил сбежать от меня и от детей, для этого и просит брас-

лет, хочет взять его с собой на память. Обо мне небось не подумал, как я тут одна останусь.

Перебранки, подобные этой, доходившие до кулаков, были не редкостью в нашей семье. Многие дружки Ты Шуна пропадали целыми неделями, не показываясь дома. И поэтому, когда он бил меня и при этом говорил очень обидные слова вроде «чтоб я тебя в жизни больше никогда не видел», «сама расти детей и не смей потом жаловаться» или что-нибудь в этом роде, я не придавала особого значения.

Но на этот раз после его ухода я не на шутку разволновалась. Я испугалась... Может, он и в самом деле больше не вернется. Хоть мы и ругались, и жили неважно, но я его любила.

Но я хорошо знала ему цену. Он был в состоянии бросить и мать и детей и вместе с таким же охламоном сбежать за границу. Наверное, для этого и хотел взять браслет, чтобы сохранить его как память...

— А какого числа он ушел из дома? — спросил младший лейтенант Тхинь.

— Шестнадцатого июля.

— С тех пор, как он пропал, никто им не интересовался?

— Числа двадцатого пришел человек с фабрики и сказал, что Ты Шун должен выходить на работу. Я ответила, что его нет. А он говорит, пусть выходит на фабрику, когда вернется. Я у него спросила, может, у мужа какие неприятности на работе, он говорит, вроде нет, все как обычно. Как раз на днях я собиралась сходить к ним и расспросить поподробнее.

— Значит, вы говорите, приходил лишь один человек с фабрики. Вы его запомнили, можете описать, как он выглядел?

— Помню. Такой, лет сорока, сигарету курит, одет в военную форму. Я его ни раньше, ни потом не видела.

— Вы еще упомянули, что какой-то дядюшка Нам просил за мужа.

— Да, это дядюшка Нам Винь, дальний родственник мужа, он раньше уезжал на Север, а сейчас работает здесь, в какой-то центральной организации. Он действительно просил за мужа.

— А что, этот дядюшка часто навещает вашу семью?

— По правде говоря, я сама только слышала о нем, но ни разу не видела его.

— Если вы думали, что Ты Шун собирается бежать за границу, то почему не сообщили куда следует, чтобы его арестовали?

— Да нет, наверняка я не знала, так, подозревала. Я ждала, надеялась, может, он все-таки вернется, как это не раз уже бывало.

— Вы не могли бы показать нам черепаховый браслет?

— Пожалуйста...

* * *

Все личные дела работников бумажной фабрики Намфыонг были в полном порядке. Когда Тхинь встретился с кадровиком и поинтересовался Ле Вангом — Ты Шуном, кадровик тут же полез в шкаф и извлек оттуда объемистую папку:

— Вот личное дело Ты Шуна, если нужны комментарии, дополнения или разъяснения, то я дам вам их устно.

Тхинь поблагодарил и принялся за изучение дела.

Он узнал, что Нам Винь — дальний родственник Ты Шуна — действительно был отозван для работы в Северном Вьетнаме, а после полного освобождения Юга возвратился сюда. Он был профессиональный кадровый военный, никаких темных пятен в его биографии не нашлось. Небольшая помощь, которую он оказывал Ты Шуну, объяснялась лишь родственными узами и ничем другим.

Ты Шун работал на складе, трудился нормально. Правда, он не прочь был частенько поразвлечься со своими дружками, случались у него и прогулы. Находились люди, которые сомневались в честности Ты Шуна, поговаривали, что он отправляет материалы «налево», приторговывает ими на стороне. Но долгое время прямых доказательств не было. Ты Шун держался довольно нахально, резко отметал все подозрения. Но когда в конце концов он попался с поличным на краже 80 килограммов соды, которые он пытался вынести с фабрики, то спеси у него поубавилось.

На первый раз дело решили не доводить до суда,

наказали его в дисциплинарном порядке и взыскали стоимость соды по рыночным ценам. Ты Шун всячески изображал раскаяние. Не все этому верили, считали, что Ты Шун умеет хорошо устраиваться и выходить сухим из воды.

В последнее время, как и повсеместно в Южном Вьетнаме, началось осуществление социалистических преобразований в экономике. Ты Шун казался очень озабоченным и часто не выходил на работу, а потом и вовсе пропал. Те, кто работал вместе с ним, сделали вывод: наверняка те частные предприятия, которые теперь закрываются, имели доступ к складу материалов бумажной фабрики через Ты Шуна, и теперь он решил замести следы, чтобы избежать наказания. Другие считали, что раз в экономике и на предприятиях наводится строгий порядок, воровать практически невозможно, то Ты Шун, недолго думая, махнул за границу.

Младший лейтенант самым внимательным образом изучил дело Ты Шуна, долго говорил с кадровиком и не нашел ни одного свидетельства причастности Ты Шуна к какой-нибудь реакционной организации. Жизнь его в основном проходила на виду, было маловероятно, чтобы он примкнул к тайной шайке грабителей.

Тхинь не удержался и сделал кадровикам внушение. Его возмутило, что прошло уже две недели со дня исчезновения работника фабрики, никто не знает, где он находится, а они не удосужились сообщить об этом в милицию. Вернувшись в отдел, Тхинь поделился своими соображениями с Ван Тханем. Он особенно упирал на то, что слабо поставлена работа по оповещению органов милиции. Если мы, говорил он, не будем своевременно узнавать обо всем, что необходимо для органов милиции, то наши расследования будут затягиваться неизвестно на сколько времени.

6

Всю оперативную работу по расследованию дела лейтенант выполнял практически один. Однако общее руководство осуществлял Ван Тхань, и поэтому каждый вечер они вместе подводили итоги и намечали план дальнейших действий.

Когда Тхинь вернулся с бумажной фабрики, то лицо его отнюдь не выражало той радости, которую он испытывал после чтения показаний Ты Шуна. Ван Тхань налил ему стакан лимонада и то ли спросил, то ли сказал утвердительно:

— С Нам Винем, судя по всему, ничего не вышло...

Тхинь улыбнулся и ответил:

— Откуда вы знаете, что с Нам Винем ничего не вышло?

— Да так мне показалось.

— Вчера, кажется, и в вашем взгляде было больше надежды.

— Пожалуй, вчера я действительно с бóльшим оптимизмом рассматривал эту версию.

Дело заключалось в том, что, тщательно проанализировав показания жены Ты Шуна, Ван Тхань и Тхинь обратили особое внимание на дядюшку Ты Шуна, который просил за него, когда тот попался на краже. Это было совершенно естественно, учитывая сходство имен Нам Хоанг и Нам Винь. Версия была примерно следующей: предатель Нам Хоанг (если он действительно предатель) встречает Ты Шуна, помогает ему устроиться на предприятие и оказывает покровительство... Однако в действительности все оказалось не так.

Тхинь допил лимонад и после этого сделал безрадостное заключение:

— Нам удалось установить личность преступника, а больше мы фактически ничего не знаем.

— Что значит — ничего? — спросил Ван Тхань. Похоже, он задал этот вопрос автоматически, думая о чем-то другом.

Тхинь не ответил. Что такое «ничего», вполне ясно. Ты Шун не так прост, чтобы безрассудно бросаться грабить машину на дороге, да еще ни с того ни с сего, а потом так примитивно и глупо погибнуть. Лейтенант сидел и напряженно размышлял. Неожиданно в голову ему пришла простая мысль: а может быть, именно так просто все и было? Запутался Ты Шун в своих махинациях на заводе, видимо, чувствовал, что все скоро раскроется, к тому же дома повздорил с женой, кровь взыграла, он вышел на дорогу, остановил первую попавшуюся машину, тут его и ухлопали. Вроде все логично. Значит, дело можно закрывать? Нет, это делать преждевременно, убеждал сам себя

офицер. Почему бы не прояснить вопрос с предательством Нам Хоанга? Интересно также, что это за человек приходил к Ты Шуну, «похожий на представителя администрации», после разговора с которым Ты Шун, кажется, переменил все свои планы? Наконец, браслет, из-за которого он вдрызг разругался с женой? Зачем ему вдруг потребовался браслет? Тхинь чувствовал, что значение браслета намного больше, чем считала ослепленная ревностью жена Ты Шуна.

Но как ответить на все эти непростые вопросы? Найти бы перспективное направление расследования или хотя бы какую-нибудь зацепку для того, чтобы распутать весь клубок.

Ван Тхань прервал ход мысли Тхиня:

— Надо бы нам определиться в отношении того, завербовало ли ЦРУ Нам Хоанга.

— Легко сказать! — Он поднял глаза на начальника.

— Что значит «легко сказать»? Нам необходимо все выяснить о Нам Хоанге. — Ван Тхань поморщился, как будто проглотил горькое лекарство. — Согласен, это все равно, что искать иголку в стоге сена. Но искать все равно придется.

Лейтенант медленно промолвил:

— Трудно вести расследование, опираясь лишь на показания Ты Шуна. Один раз уже предпринималась попытка разыскать мать и сестру Нам Хоанга, но она окончилась неудачей. Сын окончательно скрылся из виду, когда мать вернулась в общину Дайтхюи. Соседи не знали его подлинного имени, они привыкли называть его просто Намом. А по имеющимся у нас спискам подпольщиков невозможно установить человека, зная лишь его прозвище, да еще такое распространенное, как Нам Хоанг! Каждый, кто был на нелегальной работе, имел не по одному десятку различных прозвищ, которые нигде не были записаны.

— Тогда нам остается только отложить расследование до лучших времен. Придется ждать, пока появится возможность установить личность этого человека.

Они замолчали.

У каждого в голове было много различных идей, но как бы ни развивалась мысль, она неизбежно заходила в тупик. Одно с другим никак не вязалось.

7

Тот факт, что следствие, начавшееся так многообещающе, зашло в тупик, было неудивительно. Практически каждое расследование на каком-нибудь этапе встречается с бóльшими или меньшими трудностями. Только для молодого работника, каким был Тхинь, этот тупик стал серьезным испытанием. И дело даже не в том, что приостановилось наступление на преступников. Для него это было делом чести. Он хотел доказать старшим, более опытным товарищам, что и молодежь чего-нибудь да стоит. Если следствие не придет ни к каким результатам, то он окажется пустомелей, зря заварившим всю эту кашу.

Тхинь смотрел телевизор, чтобы немного отвлечься, но ничего не видел, мысли его были далеко. Потом он лег, но сон не шел к нему. Около одиннадцати часов он неожиданно вскочил, быстро оделся, завел мотоцикл и поехал домой к Ван Тханю.

Не успел тот открыть дверь, как Тхинь прямо-таки набросился на него:

— Нам надо срочно браться за разработку направления с пистолетом!

Ван Тхань повернулся лицом к дивану и повалился на него. Лейтенант вдруг понял, что начальник не разделяет его энтузиазма в отношении этой идеи. Но Тхинь никогда сразу не сдавался:

— Где мог взять Ты Шун пистолет К-54, № В24895?

— А-а, — протянул Ван Тхань, — конечно. — Он взял сигарету и стал разминать ее пальцами. — Ты хочешь определить, откуда взялся пистолет в стране, которая тридцать лет непрерывно воюет? Это даже не иголка в стоге сена, это капля воды в океане! Из-за этого ты не даешь мне спать? Давай-давай ищи, может, после этого немного успокоишься!

Почему у Ты Шуна оказался пистолет К-54? Этот вопрос не давал Тхиню покоя. Ведь в ходе всего расследования они не встретили ни одного упоминания о каком-либо имевшемся у него огнестрельном оружии. Пистолет неожиданно возник в тот момент, когда преступник остановил машину.

— Значит, надо искать с другой стороны. — Тхинь говорил и одновременно воодушевленно жестикулировал.

— Это перспективно! — иронически заметил Ван Тхань. — Давай забросим все дела и попробуем проследить судьбу нескольких миллионов пистолетов, накопившихся в нашей стране за десятки лет!

— Надо попробовать исходить из основной особенности этого пистолета!

— Что же это, по-твоему, за особенность такая?

— Без всякого сомнения, пистолет, которым воспользовался Ты Шун, был украден...

— А ты не думаешь, что пистолет мог быть утерян во время войны с сайгонским марионеточным режимом? Если мне не изменяет память, пистолет этой марки они одно время применяли в своих войсках, правда, недолго. — Ван Тхань улыбнулся: — Одно можно сказать совершенно точно: пистолет из Южного Вьетнама.

Но Тхинь защищал свою точку зрения:

— И все же, я думаю, стоит попробовать. Давайте для начала ограничимся теми пистолетами, которые были утеряны или украдены в период после освобождения. Думаю, шанс у нас есть.

— Ладно, шанс, хотя и небольшой, действительно есть. Действуй.

Такова уж была манера Ван Тханя. Любую версию, идею он в первую очередь подвергал тщательному анализу, становился на критическую позицию, выставлял контраргументы, чтобы проверить, насколько высказываемые предложения реальны и близки к действительности. Если же ему нечего было возразить, то он становился самым горячим поборником этой версии. Коллеги по работе знали об этой его особенности и привыкли к ней. Более того, она значительно помогала в работе, приучала скрупулезно проверять каждую деталь дела, каждую догадку.

Ван Тхань неожиданно поднялся и сказал Тхиню:

— Теперь предлагаю выйти на улицу и попробовать где-нибудь перекусить, чтобы погасить голодный огонь в твоих глазах. Спать ты мне все равно не дашь.

Тхинь вышел за начальником на улицу, удивляясь его догадливости. Кажется, он забыл сегодня поужинать и чувствовал себя страшно голодным.

* * *

Для лейтенанта было невыносимо в бездеятельности ждать результатов запроса во все отделения милиции относительно пропажи пистолета К-54 № В24895, поэтому он сам бросился на поиски. Он потратил семь дней на изучение сообщений о фактах утери или кражи огнестрельного оружия в городе Хошимине, особенно обращал внимание на пистолеты. Только один вокзал Биньчиеу отнял два дня. На восьмой день, когда лейтенант работал в порту, его неожиданно позвали к телефону. Звонил начальник группы:

— Есть! Приезжай немедленно!

Ван Тхань протянул ему один из полученных ответов на их запрос. Отделение милиции района № 12 сообщало, что 17 июля милиционер по имени Чан Ван Зау, охранявший банк, написал рапорт о пропаже у него в тот день пистолета К-54 № В24895 в кобуре. Пистолет исчез в то время, когда он возвращался с вокзала Биньчиеу к себе на службу. Отделение своими силами провело расследование, но ни к каким результатам не пришло.

17 июля? Тут надо было разобраться. Ведь накануне, 16 июля, Ты Шун именно этот пистолет держал в своих руках, и оружие в тот же день было приобщено к делу. Как это могло произойти?

Вскоре явился и сам Чан Ван Зау. Он держался совершенно спокойно, подтвердил, что у него действительно пропал пистолет с таким номером, и сообщил следующее:

— Я возвращался из Бьенхоа. Поезд прибыл в Хошимин 17 июля после обеда. Это все хорошо известно моим коллегам. Кроме того, у меня сохранилось командировочное удостоверение и билет на поезд. Единственное, что я не могу сказать, это точное время пропажи пистолета — на вокзале или по пути в отделение.

Тхинь внимательно посмотрел на Чан Ван Зау, пытаясь отыскать на его лице признаки неуверенности или страха, но не увидел. Парню было лет двадцать пять. Симпатичный, круглое, открытое лицо, прямой взгляд. К таким обычно испытываешь доверие.

Но Тхинь твердо знал, что парень лжет.

Он снова поднял глаза на собеседника и медленно спросил:

— До пропажи пистолета когда ты видел его в последний раз?

— В Бьенхоа, когда я клал его в кобуру. Я опасался надевать его на себя. Надо ехать поездом, там толчея, на вокзале тоже много разного сброда, потом надо было добираться на моторикше. Вот я и решил, что пистолет мне не понадобится. Поэтому и убрал его в вещмешок. Это, конечно, моя ошибка, признаю...

— Какого числа ты поехал в Бьенхоа?

— Я отправился утром 16 июля. Именно в этот день...

— Слушай, Зау, — довольно бесцеремонно прервал его Тхинь, — а ведь ты мне правды не рассказываешь!

Зау возмущенно вскинул голову:

— О чем вы говорите! Меня еще довезли на машине нашего отделения. Я...

— Да нет, ты лжешь в отношении пропажи пистолета.

У Чан Ван Зау был такой вид, как будто его жестоко оскорбили. Он положил руки на стол и строго взглянул на Тхиня:

— Вы являетесь представителем власти и должны нести ответственность за свои слова!

Лейтенант промолчал. Он порылся в столе и достал пакет, завернутый в полиэтилен. Развернув его, он положил перед Зау пистолет.

Зау вздрогнул от неожиданности, растерялся, потом спросил:

— Значит, вам удалось отыскать его?

— Посмотри сначала повнимательнее — твое оружие?

Зау взял пистолет, слегка дрожащими руками поднес его поближе к глазам, прочитал номер, потом внимательно осмотрел, улыбнулся и ответил:

— Точно, мой пистолет. Но...

— Но пропал он у тебя не на вокзале Биньчиеу 17 июля.

— Я... возможно, не очень точно помню.

Тхинь внимательно смотрел на Зау, тот — на пистолет. У парня вся радость с лица сошла, видно, он начал понимать, что из-за этого пистолета может попасть в неприятную историю.

— Позвольте мне еще раз все рассказать.

— Ты лучше объясни, зачем тебе понадобилось скрывать от меня правду?

— Я... да... действительно, я... — Этот неожиданный вопрос поставил его в тупик, он не был готов отвечать на него. Парень растерянно смотрел на Тхиня и бормотал что-то бессвязное. Наконец он сказал:

— Оружие пропало в нашем отделении. Дело в том, что я, как и многие мои коллеги, живу в общежитии, фактически на территории отделения. Пистолет исчез перед моим отъездом в Бьенхоа. Но я не хотел, чтобы все знали о моем промахе, да к тому же такой случай бросил бы тень на все наше отделение, я бы всех подвел, вот я и сказал, что потерял его на вокзале после возвращения из командировки.

— Думал, ложь поможет тебе замазать собственные грехи?

— Мы боремся за переходящее Красное знамя, а такой случай наверняка бы перечеркнул все наши надежды.

— А откуда ты знаешь, что пистолет пропал именно в твоей комнате?

— Вечером пятнадцатого, после ужина, я отправился к себе собираться в дорогу. Сложил вещмешок, положил пистолет и запасной магазин в кобуру. На следующий день утром, когда надо было выезжать, пистолета я нигде не нашел.

— Расскажи подробно, что ты делал тем вечером с того момента, когда положил пистолет в кобуру, и до момента обнаружения пропажи.

— Когда я заканчивал свои сборы, у меня находились двое ребят из нашего отделения, одного зовут Там, а другого Лам. Потом Лам предложил пойти посмотреть телевизор, я отказался, и он ушел. Зашел на минутку младший лейтенант. Около восьми часов пришел Шау. Он для меня как старший брат, мы с ним даже побратимы. Раньше он был капитаном в армии, а сейчас занимается вопросами экономики, кажется, торговлей. Он иногда навещает меня. Я пошел заварить еще один чайник чая. Младший лейтенант ушел. Там тоже отправился к себе в комнату. Я заварил чай и пригласил своих соседей посидеть, поболтать с нами.

Мы пили чай до половины десятого, потом разошлись. Я проводил Шау до ворот, потом вернулся к себе в комнату и лег спать. На другой день я про-

снулся очень рано. Сделал зарядку, позавтракал и собрался уже трогаться в путь. Стал завязывать свой вещмешок и не нашел там пистолета. Я перерыл всю комнату, но так и не обнаружил его нигде!

— Как ты думаешь, кто мог взять твое оружие?

— После этого случая я старался повнимательнее приглядеться ко всем, кто был в моей комнате, но так ничего и не заметил. Младший лейтенант, о котором я говорил, работает в районном отряде милиции, Шау я полностью доверяю, он проверенный человек, кадровый работник. Да и у всех у них есть оружие, зачем бы они стали брать мой пистолет? — Зау смотрел прямо в глаза Тхиню и говорил, похоже, искренне. — Верьте мне. Разве только какой-нибудь грабитель забрался и унес пистолет?

— Значит, когда ты выходил заваривать чай, в комнате на некоторое время оставался один Шау?

Зау задумался. Ему было неловко признаваться в собственных ошибках.

— Вообще-то нас постоянно предупреждают о необходимости соблюдать дисциплину и внутренний распорядок и не приглашать посторонних в наши комнаты. Но мы это не очень-то соблюдаем, часто делаем поблажки друг другу, особенно в отношении надежных людей. Шау иногда даже ночевал у меня, а уж совместный обед — это было обычное дело. Он сам меня не раз предупреждал раньше о необходимости соблюдать осторожность при хранении оружия.

— Как настоящее имя Шау?

— Его настоящее имя Лам Ван Хюинь, — с гордостью сказал Зау. — Раньше он был подпольщиком, известным своей смелостью и бесстрашием, у него много заслуг. После освобождения он работал где-то в торговле, но затем, так как он хорошо знает буржуазную психологию, к тому же сам очень инициативен, его перевели на проведение преобразований в частнокапиталистической промышленности и торговле.

Стараясь не выдать своего волнения, Тхинь как можно безучастнее спросил:

— Что, у этого Шау есть какие-нибудь еще прозвища?

— Говорят, что в те времена, когда он был подпольщиком, у него было много разных псевдонимов, но мне известно лишь два — Хюинь и Шау.

— Ну а что касается тебя самого, — голос лейтенанта стал строже, — то теперь сам видишь, к чему приводит нарушение дисциплины. Думаю, тебе надо хорошенько подумать о своем поведении. Пусть с тобой разбираются в твоем отделении. Мы, конечно, тоже сообщим свое мнение.

* * *

Тхинь был удовлетворен результатами разговора с Чан Ван Зау. Но он прекрасно понимал, что Ван Тхань по своему обыкновению задаст кучу вопросов и каждое его слово подвергнет тщательному анализу. Он сознавал, что в принципе начальник прав, но иногда хотелось, чтобы поверили просто его интуиции, а не проверенным до конца данным. Лейтенант был уверен, что на этот раз интуиция его не обманывает.

Выслушав рассказ Тхиня о пропаже пистолета, который лейтенант старался изложить как можно более объективно и не намекать на Шау Бана, хотя это имя все время вертелось у него на языке, Ван Тхань неожиданно определил его мысли:

— Я так понимаю, у тебя есть твердое убеждение: Лам Ван Хюинь и Шау Бан — это одно и то же лицо! Если это так, то...

— То мой пульс от волнения увеличится до двухсот ударов в минуту, — засмеялся Тхинь и приложил руку к левой стороне груди, как бы проверяя ритм сердца, — все сходится так же точно, как при стыковке космических кораблей.

Ван Тхань кивнул в знак согласия, но не смог удержаться, чтобы не охладить пыл лейтенанта:

— Все же не будь слишком оптимистичен. Пока есть только дым, огня еще нет. Если Шау Бан украл пистолет, то как он оказался у Ты Шуна и зачем тот направил его против самого Шау Бана и Ба Нгока? Достаточно еще неясных вопросов.

— Чем больше темных пятен, тем интереснее дело! Надеюсь, допрос Шау Бана очень многое прояснит.

— Прямо так, быка за рога? Ладно уж, даю добро, — сказал Ван Тхань, — заканчивай побыстрее все формальности, потом вызывай Шау Бана, посмотрим, что даст этот допрос, может статься, все станет на свои места.

— Именно так все и должно быть!

8

После нападения на дороге на автомашину заместитель председателя комиссии по проведению преобразований Шау Бан еще больше сдружился с Ба Нгоком. Чуть ли не ежедневно он заезжал в райком партии, и многие сотрудники с удовольствием пересказывали и комментировали события той памятной ночи, восхищаясь хладнокровием и быстротой Шау Бана. А сам он при каждом удобном случае напоминал, насколько важна, ответственна и, главное, сложна работа по проведению преобразований в экономике Южного Вьетнама, и часто просил помощи райкома. Не только Ба Нгок, но и другие партийные работники старались помочь ему. Своей энергичной деятельностью он завоевал определенный авторитет, и уже поговаривали о том, что ему уготовано место начальника отдела торговли в райисполкоме.

В тот день, вернувшись к себе в контору из райкома, Шау Бан был вынужден уже в который раз рассказывать перипетии происшествия, так как присутствовали несколько новичков, которые не слышали этой истории и хотели все узнать из первых рук. Вдруг секретарша вспомнила, что на имя Шау Бана пришла повестка. Пробежав ее глазами, он пробормотал: «Знаю, знаю» — и поднялся.

— Что случилось, Шау? — проявил кто-то из присутствующих участие.

— Да ничего особенного. Наверное, милиции понадобились опять какие-нибудь подробности. Я им все уже рассказал, а они снова вызывают, — ответил он.

— Наверно, статью в газету хотят написать, — предположил кто-то.

— Надо бы заскочить в райком и предупредить Ба Нгока, пусть тоже пойдет. В ту ночь он был участником всего происшествия от начала до конца, все видел своими глазами. Ему наверняка тоже прислали повестку.

Ба Нгок был удивлен, узнав, что приглашают одного Шау Бана. Он решил, что здесь какое-то недоразумение, к тому же Шау подлил масла в огонь: «Тебе тоже надо поехать, так будет больше пользы». Ба Нгок отложил все свои дела и отправился в милицию.

А там его не ждали и были удивлены. Пришлось

самому Ван Тханю выйти, извиниться и объяснить, что дело касается одного лишь Шау Бана.

Ван Тхань провел Шау Бана в кабинет. Тот не забыл поздороваться за руку с молодым человеком, который там находился, затем достал пачку сигарет и предложил закурить. Но ни Ван Тхань, ни лейтенант не курили.

— Это товарищ Тхинь, — представил Ван Тхань, — наш молодой перспективный работник, выделенный нам для усиления группы.

Шау Бан взял инициативу в свои руки и расспросил Тхиня о его родных, откуда он родом.

— Я сам неоднократно бывал в Бакнине, на вашей родине. Это было еще в годы подпольной работы.

Ван Тхань сел за стол, давая понять, что пора приступать к делу. Он начал официально:

— Сегодня мы пригласили вас... я вынужден назвать вас настоящим именем — гражданин Лам Ван Хюинь — по делу, имеющему к вам самое непосредственное отношение...

— Я готов, — Шау Бан прикурил от газовой зажигалки, — ответить на любые ваши вопросы, за исключением, естественно, тех, на которые я не знаю ответа.

— Что вы так давно не навещали своих родных? — спросил вдруг Тхинь.

Услышав, что вопрос задал молодой лейтенант, Шау Бан снисходительно улыбнулся:

— Это неудивительно. Вам трудно себе представить, сколько у меня дел, нет ни одной свободной минуты.

— А мать очень беспокоится за вас.

— Откуда вы это взяли? Где вы ее видели?

— Я только что вернулся из провинции Тэйнинь. Мне было необходимо встретиться с вашей матерью и сестрой. Когда я назвал вас по имени Шау, то Лиен сказала, что не знает такого. Я ей объяснил, что Шау и Нам — одно и то же лицо, раньше вас звали Нам Хюинь или Нам Хоанг, после этого она узнала вас.

— Вы ведь знаете, я долгое время находился на нелегальном положении. Но я что-то не пойму, куда вы клоните, к чему приплетать мою семью?

Ван Тхань немедленно вступил в разговор:

— У вас ведь есть названый брат по имени Зау. Так вот он сообщил, что у него пропал пистолет.

— Вот в чем дело! Да, этот растяпа потерял пистолет на вокзале Биньчиеу, он говорил мне об этом... Но...

— Но он потерял его не на вокзале. Пропажа произошла вечером в тот день, когда вы были у него, то есть пятнадцатого июля.

— Об этом мне ничего не известно.

— Самое странное заключается в том, как пистолет, который потерял Зау, оказался тем самым оружием, с которым Ты Шун пытался напасть на вашу машину шестнадцатого июля.

— Что за странные вещи вы рассказываете?!

Тхинь улыбнулся одними уголками губ и переглянулся с Ван Тханем. Потом он обратился к Шау Бану:

— Странные для нас, но совсем неудивительные для вас, вы об этом знаете намного лучше.

— Не следует вам меня впутывать...

— Мы как раз не впутываем, а распутываем.

— Я вас спрашиваю совершенно серьезно: что вы от меня хотите?

— Хотим, чтобы вы рассказали о своих отношениях с Ты Шуном. Тем самым, который остановил вашу машину и которого вы застрелили.

— Я его не знаю, стрелял в грабителя. Это может подтвердить товарищ Ба Нгок. Боюсь, как бы вам не пришлось нести серьезную ответственность за то, что здесь происходит! — Шау Бан не на шутку рассердился и даже встал. — Я отказываюсь вести с вами разговор подобным образом. Я буду вынужден обратиться в райком партии, чтобы пригласили ваше начальство для беседы. Сами ничего толком узнать про преступника не можете и устраиваете какой-то дешевый фарс, разве не так?

— Не надо кипятиться, Шау Бан. Где бы нам ни пришлось с вами беседовать, главное ведь не форма, а содержание, а оно не изменится, — Тхинь по-прежнему говорил с улыбкой, но тоже поднялся и теперь стоял напротив Шау Бана, — потому что мы знаем немало об этих самых ваших отношениях.

Шау Бан опустил глаза и медленно сел. Видимо, нервы его, напряженные до предела, не выдерживали. Тхинь следом за ним опустился на стул. Он открыл ящик письменного стола, достал оттуда какой-то предмет и протянул его Шау Бану:

— Весь наш разговор крутится вокруг одной ма-

ленькой вещицы — вот этого самого черепахового браслета.

Шау Бан побледнел как полотно, капли пота выступили на его лице. Как умный человек, он понял, что проиграл, и у него не оставалось сил сопротивляться дальше. Он уронил голову, обхватил ее руками и закачался на стуле.

Ван Тхань быстро налил стакан воды и протянул его Шау Бану.

— От такого человека, как вы, Нам Хоанг, я не ожидал подобной слабости. Ну что же, теперь все стало на свои места.

* * *

Когда прошло первое потрясение, Лам Ван Хюинь, он же Нам Хоанг, он же Шау Бан, признал себя виновным и начал давать показания:

— Я работаю в комиссии по проведению социалистических преобразований, и по роду моей деятельности мне приходится постоянно быть в разъездах. Надо изучать положение, которое сложилось на различных промышленных объектах. Однажды я прибыл на бумажную фабрику Нам Фыонг. Встреча с Ты Шуном была для меня неожиданностью. Наши взгляды встретились, и я понял, что он меня узнал. Он тут же скрылся за воротами, но все и так было ясно. На фабрике я быстро навел нужные мне справки. Оставить все как есть было невозможно, надо было что-то предпринимать. К моему несчастью, Ты Шун был очень неуравновешенным и нервным человеком. Я это заметил во время первой же встречи с ним, когда еще работал в революционном подполье. Я всегда испытывал к нему неприязнь. Теперь же эти черты его характера становились для меня опасными. К тому же он легко подвергался влиянию других. Сохранение моей тайны теперь зависело в первую очередь от него, и я не мог быть спокоен.

Совсем расстроенный, я пришел к своему названому брату Чан Ван Зау. Я размышлял о том, как бы мне его получше использовать для того, чтобы найти выход из тупика. Я знал, что он горячий человек и его на многое можно увлечь... Но он собирался ехать в командировку. Зау вышел на минутку из комнаты, чтобы заварить чай, я увидел пистолет и решил вос-

пользоваться предоставившейся мне возможностью. Тогда я еще не знал, как смогу его использовать, но чувствовал, что оружие может мне пригодиться.

Когда пистолет попал ко мне, план родился сам собой. Это было не самое лучшее решение, но я торопился, выбирать не приходилось, и я пошел на риск.

Вечером я навестил Ты Шуна. Достаточно было лишь напомнить ему о его прошлых делах и запугать новыми бедами, чтобы он струсил. Я сказал ему примерно следующее:

— Сейчас набирает силу кампания по проведению социалистических преобразований, так что тебе не поздоровится. К тебе особое отношение, как к бывшему полицейскому марионеточного режима, да и сейчас на производстве ты уже наворотил дел. Меры к тебе будут предприняты самые суровые, уж это я точно знаю. Надо тебе немедленно смываться за границу.

Увидев, что он очень заинтересовался этой идеей, я разыграл всемогущую личность и стал распалять его:

— От тебя самого требуется лишь достаточно мужества, чтобы некоторое время прожить без своей семьи, потом мы что-нибудь придумаем. А что касается переправки тебя, то можешь на нас положиться, организация у нас крепкая и проход работает безотказно.

— Слушай, Нам, — ответил он, — я беспокоюсь лишь о надежности перехода границы и о безопасности. Что касается моей семьи, то я вполне без нее обойдусь.

Я засмеялся:

— Ты, мой милый, всегда недооценивал американцев! Во-первых, у них есть определенные обязательства перед тобой и передо мной, а они их всегда выполняют. Во-вторых, они заинтересованы в тебе, ты знаешь английский и имеешь опыт сотрудничества с ЦРУ.

Ты Шун обрадовался и говорит:

— Я очень надеюсь на твою помощь, Нам.

Я сделал важный вид и обещал:

— Я непосредственно сам буду заниматься этим делом.

На другой день, когда Ба Нгок согласился ехать

со мной в гости, я снова пришел к Ты Шуну и приказал ему:

— Сегодня поздно вечером, от девяти тридцати до десяти тридцати, ты должен быть на четырнадцатом километре главной магистрали. Увидишь белую «мазду» номер 51 В-23-29, поднимешь руку, остановишь машину, прикажешь всем выйти. И когда шофер вылезет, пристрелишь его. Я буду сидеть на заднем сиденье и займусь вторым, одним довольно ответственным работником. Машина будет наша, и мы в два счета доедем до Вунгтау. Там все готово, нас будут ждать. Теперь возьми это, обращайся осторожно и смотри, чтобы никто его не увидел и ничего не заподозрил.

И я дал ему пистолет К-54.

Как все произошло, вы прекрасно знаете.

Закончив свой рассказ, Нам Хоанг в изнеможении откинулся на спинку стула. Руки у него тряслись, голова свесилась на грудь. Ван Тхань снова налил ему стакан воды. Выпив его одним глотком, Шау Бан сказал:

— Что касается моей агентурной деятельности, то дайте мне спокойно об этом подумать. Позже я расскажу все полностью, ничего не скрывая.

ХОАНГ ТХИ ЗИЕУ

ПОД НЕБОМ СЕМИГОРЬЯ

...Она родилась в городе Хюэ накануне Нового года в бедной семье. У девочки не было ни своей колыбели, ни матрасика, ни шерстяных шапочек и носков. Единственное, что смогли сделать родители, — это дать ей красивое и благозвучное имя в надежде, что когда-нибудь оно принесет ей счастье. Дочку назвали Нгуен Тхи Суан Фу *.

Росла она в голоде и нищете. И даже в веселый праздник Нового года Тет печальное выражение оставалось на ее лице. Повзрослев, она опускала пониже на лоб конусообразную белую шляпу из пальмовых листьев — нон, чтобы никто не видел ее грустных глаз.

* Суан фу — «благодатная весна».

Суан Фу рано вышла замуж за единственного наследника богатой семьи. Жизнь молодых супругов протекала размеренно и спокойно. Она училась. Муж был внимателен к ней, провожал в институт и по вечерам на своем мотоцикле привозил домой.

...Однажды, устраиваясь на заднем сиденье мотоцикла, она услышала раздавшиеся сзади смешки: «Только погляди на эту картину! Размазня за рулем!»

По правде говоря, ее муж, хотя и считался военнослужащим, но пороха, как говорится, не нюхал. Сразу же после окончания обязательных девятимесячных курсов в военной школе мать выхлопотала ему теплое местечко в канцелярии штаба.

Но на этом она не успокоилась. «Что такое в наше время сержант? — рассуждала она. — Коль у нас есть деньги, употребим их с пользой, так, чтобы сын стал младшим лейтенантом».

Деньги сделали свое дело, и муж Суан Фу сначала получил звание младшего лейтенанта, а потом и лейтенанта. Отутюженная военная форма, идеальная складка на брюках, белый воротничок, начищенные до зеркального блеска ботинки... Но, несмотря на франтоватый вид, он выглядел жалким и растерянным в водовороте бурливших событий.

Во второй половине дня он обычно привозил Суан Фу домой, и она торопилась на кухню. Он же выходил в сад, садился в тени деревьев и, потягивая пиво, читал газеты в ожидании обеда. Вечерами они отправлялись в город, бывали в кино, заходили в кафе послушать музыку и поужинать. Жизнь их катилась по накатанной колее.

Лишь к весне 1975 года, когда события стали меняться со стремительной быстротой, Суан Фу начала понимать всю бессмысленность подобного существования. Их семья оказалась среди беженцев, позади осталось самое дорогое, что у нее было, — родной город, потянулись дни бессмысленных скитаний.

Утро 30 апреля, когда по всей стране разнеслась весть о победе, семья Суан Фу встретила в Сайгоне в доме ее старшей сестры, в маленькой комнате на втором этаже. Все были растерянны и подавленны.

Муж, совершенно удрученный, сидел перед раскрытым чемоданом, вокруг которого в беспорядке валялись вещи, тупо разглядывая ненужную теперь военную форму. Суан Фу, не в силах вынести его отсут-

ствующий взгляд, подошла и резко захлопнула крышку чемодана. Свекровь, не выдержав, воскликнула:

— Убери ты этот мундир, наконец, выбрось его куда-нибудь ради бога.

— Зачем же выбрасывать, пригодится на тряпки... полы мыть, — мрачно ответил ей сын.

Наступило долгое молчание. Наконец свекровь прервала его и обратилась к сыну:

— Оставь меня здесь, я как-нибудь выпутаюсь. А тебе надо бежать.

— Бежать? И куда? Вы знаете, где можно скрыться? — Суан Фу покачала головой: — Нет, мама, пусть он явится с повинной.

Глаза матери сузились от гнева.

— У тебя нет ни капли жалости к нему...

— Я прошу вас, мама...

— Ну, хорошо, пусть идет, только что с ним станет... — запричитала свекровь.

Муж в полном отчаянии простонал: «О, господи!»

Суан Фу повернулась к нему:

— Послушай, десятки тысяч людей, которые являются с повинной, наверняка правы. И если сегодня ты попытаешься скрыться, то никогда не избавишься от страха, он отравит тебе жизнь, иссушит душу...

На следующий день муж Суан Фу явился с повинной. Она шла рядом с ним, подтянутая и строгая.

Проводив мужа в лагерь по перевоспитанию, Суан Фу прожила еще несколько дней в маленькой комнатушке на втором этаже. Проснувшись однажды утром, она положила в сумочку удостоверение личности, документ о направлении мужа на перевоспитание и отправилась в педагогический институт.

Ее принял один из руководителей института.

— Я пришла сюда в надежде, что меня поймут, — начала она свой взволнованный рассказ. — Мой муж — бывший военнослужащий марионеточной армии, я беженка из Хюэ и понимаю, что недостойна сострадания. Но я хочу жить, учиться, хочу стать полезным для общества человеком!

Вот так Суан Фу стала студенткой педагогического института города Хошимина и переехала жить в общежитие. Она собиралась навестить мужа и, чтобы заработать деньги на поездку к нему, брала на дом работу — вышивала скатерти.

К середине третьего учебного года он сам приехал

в отпуск на две недели. Выглядел он похудевшим, но был загорелым, обветренным и смотрел ясно и спокойно. Это был новый, совсем другой человек.

Когда они прощались возле автобуса, у Суан Фу комок подступил к горлу:

— Я буду тебя ждать, — просто сказала она.

Через два месяца Суан Фу узнала, что носит под сердцем ребенка. День рождения ее сына отмечало все общежитие. Каждый, кто приходил ее поздравить, радовался здоровью матери и младенца.

...Суан Фу смотрела на листок бумаги с грифом «Отдел образования провинции Анзянг». Это был приказ о направлении ее на работу. Спрятав его в сумочку, она задумалась. Из оцепенения ее вывел крик малыша из соседней комнаты. Всю вторую половину дня она провела с ним, но в голове неотступно вставал вопрос: «Что же предпринять? Видимо, придется ехать с малышом в новые места».

На другое утро мать и сын отправились в дорогу. Весь день автобус бежал по раскаленному шоссе и лишь к вечеру достиг пункта назначения. На землю опустился туман, стало прохладно. Раскачиваемые ветром вершины деревьев выглядели абсолютно черными на фоне темного южного неба. Малыш спокойно спал у нее на руках. Дежурный внимательно посмотрел на новую учительницу, помог ей донести тяжелые чемоданы и предложил ей с характерным мягким южновьетнамским выговором:

— Присядьте, отдохните с дороги.

Он с любопытством взглянул на сверток в ее руках.

— Это мой сын! — пояснила Суан Фу.

— Вот тебе на... — только и протянул дежурный.

Он вызвал директора школы второй ступени Семигорья, где должна была преподавать Суан Фу. Время шло, малыш беспокойно заворочался на руках у матери. Она еле стояла на ногах от усталости после длинной дороги и двух бессонных ночей.

— Вам будет трудновато здесь, — сказал ей директор, сочувствуя молодой учительнице. — Если хотите, то я могу направить вас обратно в провинциальный отдел образования и вас переведут в другое место.

— Мое положение не дает мне права на какой-либо выбор, — ответила женщина, и голос ее при этом дрожал. — Мой малыш пока совсем крошечный, но

он подрастет. Любая земля, которая кормит других людей, прокормит и моего сына.

— Ну, как хотите, — согласился директор. — Школа обязана подыскать вам жилье, обеспечить питанием вас и ребенка. Думаю, что в общежитии вам будет неудобно. Мальчик еще мал и, видно, слаб, за ним требуется уход...

Он представил ей находившегося здесь же молодого человека:

— Тхань — ваш коллега, он местный житель и поможет вам с ребенком обосноваться.

...Тхань привел Суан Фу на маленькую улочку, утопавшую в зарослях бамбука и вьющихся растений.

— Здесь живут старики Нам, — пояснил он. — У них нет детей, вернее, теперь нет, было двое, да погибли. И внуков у них нет, но они очень заботятся о нашей школе. Сам старик принадлежит к «старой гвардии», да к тому же он грамотный.

Суан Фу остановилась:

— Не знаете ли вы другого места? Не примут меня старики... Дети у них погибли, а мой муж находится в лагере по перевоспитанию.

— Ничего! Не волнуйтесь, все обойдется, — ободрил ее провожатый.

Дом под соломенной крышей находился в конце переулка. Маленький зеленый дворик был весь увит плющом, ветви фруктовых деревьев были усыпаны зрелыми плодами. Выслушав рассказ Тханя, старик Нам спросил:

— Так это, значит, учительница из Сайгона? А где ее муж и что он за человек, если отпустил ее сюда одну?

На этот вопрос Суан Фу ответила сама:

— Мой муж находится в лагере по перевоспитанию.

Воцарилось молчание.

— Так, так... Чей же, выходит, малыш?

— Это мой сын. В прошлом году муж получил отпуск и приезжал к нам, после этого и родился мальчик.

Ребенок на руках матери засмеялся, потянулся к ней. Старики тоже заулыбались.

— Печально все это! — заметила бабушка Нам. —

Выходит, он с самого рождения и отца-то не видел. Садись, — предложила она. — Сейчас будет чай.

— Тесновато у нас немного, — сказал старик, — но, как говорят, в тесноте, да не в обиде...

Глоток терпкого чая согрел и освежил Суан Фу. Глубоко тронутая вниманием хозяев, она пробормотала слова благодарности.

Через несколько недель после того, как Суан Фу приступила к работе, погода резко ухудшилась, и малыш, которого приходилось брать с собой в школу, простудился и заболел воспалением легких. Стоял октябрь, ночами дул сильный холодный ветер с гор. Кашель ребенка тупой болью отдавался в сердце матери.

Три ночи, ни на секунду не смыкая глаз, провела она у постели сына в сельской больнице. Через неделю мальчику стало лучше. Под утро Суан Фу проснулась и, не увидев рядом с собой сына, кинулась во двор. У крыльца сидел старик Нам и курил. Увидев ее, он спокойно сказал:

— Твой малыш спит сейчас вместе с бабкой. Ночью он сильно плакал, а ты была такая усталая... Я качал его на руках, потом меня сменила жена. Так что все хорошо, ты иди отдыхай...

Огонек трубки светился в темноте. Суан Фу почувствовала, что из глаз ее текут слезы. Она тихо плакала, не в силах объяснить старику, как много значат для нее два простых слова «дед», «бабка», породнившие ее с Семигорьем.

В воскресенье вечером, когда Суан Фу просматривала свои записи, готовясь к завтрашнему уроку, старик Нам присел рядом и тихо попросил:

— Сынок твой выздоровел. Когда пойдешь в школу, не бери его с собой, оставь дома с нами, с его дедом и бабкой. У тебя много работы, и мы позаботимся о нем. Пусть он согревает нашу старость.

...Однажды ночью в конце 1978 года враги нарушили границу, захватили и разрушили Батюк — тихую, утонувшую в зелени деревеньку Семигорья. Вечером этого дня у Суан Фу было два урока на курсах по ликвидации неграмотности.

Не успел прозвенеть звонок, извещавший о конце занятий, как раздались выстрелы, начали падать снаряды. Один из них разорвался где-то совсем рядом. Услышав крик: «Наверное, угодил в дом учительницы!», Суан Фу бросилась бежать по направлению к убежищу, где со стариками Нам находился ее сын. У самого входа в пещеру она попала в объятия бабушки Нам. Из глаз ее текли слезы. Ужасное несчастье нежданно-негаданно пригнуло ее к земле: был убит дедушка Нам. Когда начался обстрел, он успел втолкнуть сына Суан Фу в пещеру, а сам погиб. Суан Фу опустилась на колени, руками обхватила неподвижное тело старика и горько заплакала...

Потом она поднялась и пошла в сторону разрушенной деревни. Повсюду валялись камни, битый кирпич, небогатая домашняя утварь... То тут, то там слышны были рыдания — крестьяне оплакивали своих погибших близких. Жгучая ненависть к врагу, глубокое сочувствие к людям, с которыми ее свела судьба, переполняли душу Суан Фу.

Постепенно жизнь возвращалась в привычное русло. За последнее время сын Суан Фу заметно окреп, и она спокойно оставляла его с бабушкой Нам. Рос он симпатичным, ласковым и общительным мальчиком.

Иногда проведать их заходил Тхань.

Вот и сегодня он пришел, чтобы сообщить Суан Фу, что ей разрешили навестить мужа.

При этом известии глаза ее засияли, она не смогла скрыть радости. А Тхань, играя с малышом, говорил:

— Я хотел бы, чтобы твой муж вернулся и жить тебе стало полегче, чтобы кончилось твое одиночество. Я успел привязаться к твоему сыну. Когда ты уедешь в Хошимин, я буду часто вспоминать вас обоих. Как ты думаешь, в этом году твой муж уже должен вернуться? Я ведь вижу, что ты много думаешь о нем, не так ли?

Ну что за странный вопрос! Она улыбнулась, затем лицо ее вновь обрело серьезное выражение:

— С семьдесят пятого года я жила лишь надеждой, и все это время мне приходилось очень трудно. Теперь жизнь наладилась, у меня есть работа. Почему же ты думаешь, что, когда вернется мой муж, я обязательно уеду из этих мест? Никто не запрещает и мужу работать здесь. К тому же я полюбила Семигорье,

привязалась к людям, которые живут тут, и по-прежнему собираюсь учить их детей. Как ты считаешь, правильно я решила?

НГУЕН ТХАНЬ ЛОНГ

МОЛЧИТ ГОРА ШАПА

Проехав километра четыре после моста, автобус начал подниматься в гору. Облака, словно белые веера, прикрывали долину. Впереди сквозь зелень леса мелькало желтое треугольное пятно, которое пассажиры увидели, едва автобус втянулся в ущелье. Когда проехали еще немного, всем уже приходилось высоко задирать голову, чтобы рассмотреть желтую вершину горы. Молчавший сосредоточенно до сих пор водитель повернулся к пожилому пассажиру, сидевшему рядом, и сказал:

— Только что проехали лесничество, оно там, у водопада, а скоро уже и Шапа. Вы там еще не бывали? К нам сюда художники часто приезжают! Здесь, конечно, есть что рисовать. Я-то эти места хорошо знаю, лет тридцать уже по этой дороге езжу. Еще до Августовской революции сюда художников возил — То Нгок Вана, Хоанг Киета... Тоже, как вы, рисовать сюда приезжали.

Пожилой пассажир ничего не сказал в ответ, лишь улыбнулся.

В Лаокае, перед самым отправлением автобуса, шофер пригласил его сесть между собой и молодой девушкой, увидев, что юные супруги в национальных костюмах горцев мео, которым удалось купить только один билет на этот рейс, никак не решаются расстаться. Как только он устроился на своем месте, шофер, внимательно посмотрев на него, спросил:

— Вы ведь художник, верно?

«Видимо, сюда часто приезжают художники», — подумал пассажир про себя. А вслух сказал:

— Смешно, но вы угадали. Когда я был молодым, я много ездил с мольбертом, но никто не называл меня тогда художником. Теперь беру с собой в дорогу только блокноты и карандаш, да и то держу их в кармане, но все почему-то угадывают мою профессию.

Вот моя спутница вчера тоже сразу угадала, верно? — Он повернулся к соседке.

Девушка улыбнулась, согласно кивнув. После суток, проведенных рядом в переполненном вагоне поезда, который перенес их из Ханоя в места, где не было иного способа доставить свой багаж до сельской гостиницы иначе, как связав все в один тюк и подвесив на длинную палку, которую они несли на своих плечах, путешественники относились друг к другу почти как родственники. Художник, как и все люди его возраста, воспринимал девушку как дочь.

— На этой неделе домашние собирались отметить мой выход на пенсию, — продолжал он. — Но я попросил отложить торжество до конца следующей недели. Очень уж хотелось мне совершить путешествие в прошлое. Наверное, у каждого художника в жизни бывает два самых прекрасных периода: юность и то, что я переживаю теперь. Чувствую прилив сил, могу писать, как в лучшие дни молодости. И есть у меня все для работы, чего не было тогда. Я не пессимист, но и иллюзий особенных насчет себя не питаю, поэтому думаю, что еще десяток лет проживу. Значит, надо спешить, надо успеть написать все то, что любил всю жизнь, верно говорю?

Художник вдруг почувствовал, как ему легко говорить со своими случайными попутчиками о том, что было у него в душе и чего из скромности никогда не высказал бы своим коллегам.

Он уже знал, что его спутница недавно получила диплом инженера и теперь направлялась по распределению в Управление сельского хозяйства в Лайтяу. Она впервые покинула Ханой, после напряженных студенческих лет вступила в полную неожиданностей жизнь и все воспринимала радостно и искренне. Сейчас она смотрела в окно автобуса и не могла сидеть спокойно — так ее все увлекало. Она молода, полна энергии, может ехать куда угодно, делать что хочет. Ее не беспокоили ни будущая зарплата, ни то, как ее встретят на новом месте... Успела она уже и полюбить, как ей показалось поначалу, но, поняв, что ошиблась, рассталась с этим чувством.

— Для человека, который жаждет простора, отбросить чувство влюбленности не очень трудно, — сказал художник, услышав вчера от своей попутчицы рассказ об этом. — Конечно, девушки переживают,

когда вдруг поймут, что человек, которого нарисовало их воображение, на самом деле не таков. Но с этого момента между двумя людьми возникает непреодолимая стена.

— Вот и Шапа, узнаете эти места, папаша? — прервал его мысли голос шофера.

— Конечно! Шапа начинается с той вон рощи, персиковой. Сразу же за тем полем батата в долинке вдоль дороги. Ведь это место зовут Тафинь?

— Ну да. А вы как, собираетесь здесь, в поселке, остановиться или на горе?

— Конечно. Но буду и здесь рисовать. Так пока планирую. Но не сейчас, разумеется.

— Боитесь, горы сейчас мрачноваты?

Художник рассмеялся:

— Ну да, кому же нравится такая печаль? * Печаль грызет, как таракан. Лучше ее на холсте избегать.

Но улыбка быстро сошла с его лица, и он замолчал. Притихла и его спутница, пораженная необычайной красотой и величием открывшегося впереди пейзажа. Утренние лучи яркими бликами пронзали лес. Высокие сосны своими светлыми вершинами выделялись на темной зелени леса. Утро разогнало облака, недавний туман прядями висел на мокром от росы кустарнике, роса лежала и на асфальте шоссе, и на кузове автобуса.

Неожиданно мотор прервал свою надрывную песню, машина остановилась.

— Что случилось? — Несколько голосов прозвучали одновременно. Водитель поднялся со своего места и пошел к выходу.

— Остановимся здесь ненадолго. Нужно залить воды в радиатор. Позавтракайте пока. С полчаса простоим.

Салон ожил, пассажиры начали доставать свои припасы. Обращаясь к художнику, водитель сказал:

— А я вас сейчас познакомлю с самым одиноким человеком в мире. Кто знает, может, он вам понравится и вы даже захотите нарисовать его портрет.

При этих словах он почему-то бросил короткий

* Имеется в виду, что на вершине Шапы лежит снег. Белый цвет у вьетнамца — цвет траура и печали.

взгляд на попутчицу художника, отчего та безо всякой видимой причины покраснела.

— Здесь, на высоте 2600 метров, работает один метеоролог, молодой парень двадцати семи лет, — пояснил шофер. — Года четыре назад я так же вот ехал по дороге и вдруг увидел ствол дерева, который словно шлагбаум перекрывал дорогу. Остановился. Тут словно из под земли появился этот парень, подошел, поговорил со мной и пассажирами и убрал дерево, чтобы мы могли проехать. Я его еще тогда спросил, откуда здесь этот «шлагбаум», а он только покраснел в ответ. А дело в том, что тогда его сюда только назначили, вот он и не мог никак привыкнуть к одиночеству. Здесь ведь только лес, трава да холодные тучи вместо друзей. Тяжко одному ему, видно, было. Вот он и придумал останавливать машины, чтобы с людьми поговорить хоть немного. Да вон он сам, вон! Видите?

Художник, подняв взгляд, увидел спускавшегося по крутому склону горы стройного юношу с правильными чертами лица и почувствовал почему-то сильное волнение. Он заметил, как крепко ухватилась за его рукав девушка. Услышанное от шофера возбудило в ней острое любопытство, но, увидев метеоролога, она испугалась, сама не понимая почему.

Подойдя к ним, юноша поздоровался и передал шоферу небольшой сверток.

— Что это здесь? — спросил тот.

— Это для вашей жены, ведь вы говорили, что она больна, эта настойка ей поможет. Жаль, что я не сразу отыскал нужный корень.

Шофер, в свою очередь, сунул руку в кармашек на дверце автобуса и извлек оттуда пакет:

— Это книги, которые ты просил.

Смущенный юноша принял подарок, улыбаясь одновременно пассажирам, которые уже выбрались из автобуса, расправляя затекшие от долгого сидения спины и плечи. Шофер легонько подтолкнул его к художнику и девушке.

— Познакомься с почтенным художником. А эта девушка — инженер по сельскому хозяйству. Ты бы пригласил их к себе в дом, чаем угостил. Пожилому человеку нельзя без чая. Время у нас еще есть. Чай сделай на дождевой воде, как его заваривают у тебя на родине, в Йеншоне.

Юноша смущенно покраснел.

— Да, да, конечно. Пожалуйста, прошу в мой дом. Это вон там, на горе. Идите прямо по этой тропинке, а я побегу вперед, вскипячу воду. Пойдемте, пойдемте.

И он исчез в зарослях так же внезапно, как и появился.

— Сходите к нему ненадолго. Может, вам захочется его нарисовать, — снова повторил шофер.

«Наверное, парню нужно навести порядок в доме», — подумал про себя художник и был очень удивлен, когда, поднявшись по узкой тропинке, увидел, что юноша срезает цветы. Его спутница тоже ахнула от неожиданности. Действительно, было чему удивиться. Почти два дня они в дороге, уехали от Ханоя за четыреста километров, и вдруг здесь, где облака встречаются с радугой, увидели пышные георгины — золотые, фиолетовые, красные, — нежные розы, пурпурные гладиолусы, вокруг которых кружились пчелы из стоящих неподалеку ульев. Несмотря на прохладу, здесь было лето, радостное и волнующее. Забыв о смущении, девушка подбежала туда, где хозяин сада срезал цветы. Тот непринужденно, будто старому знакомому, протянул ей букет, и она так же просто приняла его.

— Сейчас я срежу еще цветов. А если хотите, рвите сами сколько угодно, хоть все, если они вам понравились. У меня еще никогда не было такого радостного дня, как сегодня. Вы — первые гости в моем доме после новогоднего праздника. А девушка из Ханоя здесь вообще впервые за все четыре года.

Девушка прижала букет к груди, подняла глаза на хозяина сада. Тот перехватил ее взгляд, стряхнул с лица капельки пота и почему-то спросил, слегка растягивая слова:

— Вы, похоже, комсомолка?

— Да.

— Ясно, я так и думал. — И вдруг решительно произнес: — Ну, хватит с цветами. Шофер дал нам только полчаса. Я вам быстро расскажу о своей работе. У нас еще есть минут двадцать, чтобы попить чаю, поговорить. Мне очень хочется с вами поговорить. Моя работа — вся здесь, да еще этот сад — и только. Сады вообще есть на любой метеостанции.

Он замолчал на мгновенье и продолжил безо всякой видимой связи:

— Знаете, эти горы очень сильно влияют на погоду всего северо-запада. Поэтому здесь надо наблюдать за температурой, ветром, облачностью, колебаниями почвы, чтобы можно было делать предварительный прогноз погоды, который нужен всем. Вон там все мое оборудование. Вот это прибор для измерения количества осадков, вы, наверное, видели такие в других местах. Дождевая вода собирается в этом сосуде с делениями. А это — фотометр. Лучи проходят через это стекло и попадают на бумагу. По следу самописца можно судить об интенсивности солнечного излучения. А здесь — прибор для измерения силы ветра. Ночью, когда нет туч, я наблюдаю за силой ветра или за луной и звездами, определяю их яркость. По этим данным можно прогнозировать облачность и силу ветра. Вот здесь внизу — аппарат для регистрации колебаний почвы. Все сведения я ежедневно сообщаю вниз по телеграфу: в четыре часа утра, в одиннадцать, девятнадцать часов и ночью в час. Работа в общем нетрудная, главное — соблюдать точность. Тяжелее всего снимать показания приборов в час ночи: холодновато здесь в это время. Потом полночи спишь вполуха, ожидаешь звонок будильника. Главное, не дать себе поблажки и не выключить звонок. Вскакиваешь с постели, зажигаешь лампу. Выходишь в сад, а здесь только ледяной ветер и тишина вокруг, будто ты один на целом свете. Так тихо, что можно испугаться. Ветер резкий и со всех сторон, так и кажется, что сейчас превратится в ураган, все сметет на пути. В общем, закончишь работу, вернешься в дом и уже до утра уснуть не можешь.

Юноша замолчал. Художник, давно тихо подошедший к ним и молча слушавший рассказ, почувствовал какую-то растерянность. Может быть, оттого, что увидел, как его попутчица вся сжалась, испуганно замерев среди цветочных клумб, забыв про букет в опущенной руке, вся сосредоточившись на рассказе? Или потому, что неожиданно услышал то, что искал, и какой-то интонации оказалось достаточно, чтобы понять состояние души этого парня, почувствовать желание немедленно взяться за карандаш. И это сразу придало смысл всей его долгой поездке.

— Рассказывай, рассказывай, это очень интересно, — сказал он.

— Все, рассказ окончен! — Лицо парня вновь за-

светилось улыбкой. — У нас осталось еще только двенадцать минут. Прошу в дом. Чай, наверно, уже готов.

Времени действительно оставалось мало, и художник тоже заторопился. Он последовал за хозяином в дом, быстрым взглядом окинув все убранство, прежде чем сесть. Небольшая, чисто прибранная комната: три стула, книжная полка, таблицы, счетная машинка, телеграфный аппарат. Направо от входа через открытую дверь в жилую комнату были видны узкая кровать, рабочий стол, этажерка с книгами. Художник одним взглядом осмотрел корешки стоящих на этажерке книг, а его спутница подошла к этажерке и стала внимательно рассматривать книги, присев на стул перед небольшим рабочим столиком. Она переворачивала страницу за страницей и вновь возвращалась к только что просмотренному. Хозяин налил чашку чая художнику, повернулся, ища глазами девушку, и, увидев ее погруженную в чтение, поставил чашку на стол перед ней.

Художник с видимым удовольствием пил ароматно пахнущий чай. Быстро выпив первую за эти путешествия чашку и даже не разобрав вкуса, сразу же налил себе еще и сказал:

— Давай договоримся так. Через десять дней я вернусь, и мы продолжим наш разговор. Я вернусь, честное слово. Мне тоже очень хочется послушать ночную тишину. Но пока мы еще здесь, расскажи нам о себе. Почему тебя называют самым одиноким человеком?

Юноша заулыбался:

— Это все ваш шофер. Но он не прав: уж если кто действительно самый одинокий человек — так это мой друг, что работает на метеостанции на самой вершине горы — три тысячи сто сорок два метра над уровнем моря. Вот он действительно самый одинокий человек и к тому же романтик...

Он понизил голос и с сердечной теплотой заговорил о том, что, видимо, было обдумано много раз:

— В самом начале, когда я еще не втянулся в работу, я смотрел ночью на черное небо, видел одинокую звезду и думал, что я так же одинок, как она. Но это прошло. Я понял, что когда ты делаешь какое-то дело, то ты уже не один — вас уже двое: ты и твое дело. Разве можно тогда говорить об одиночестве?

Потом моя работа связывает меня со столькими людьми, с товарищами там, внизу. Как бы ни было трудно, отнимите сейчас у меня мое дело, и я, наверное, умер бы от тоски. У каждого человека должно быть любимое ремесло, верно? Что ты даешь другим людям, для кого трудишься? — вот что я сам у себя часто спрашиваю. Так что я здесь совсем не одинок. К тому же мой друг-шофер по пути в Лайтяу обязательно останавливается здесь. Я, если не снимаю в это время показания приборов, спускаюсь вниз, к дороге. Иногда мне кажется, что это малодушие — все время внутренне ждать машину, людей. Как-то решил даже себя преодолеть, не выходить к дороге. Автобус подошел, мой друг долго звал меня, а я не шел. Так он в следующий рейс сам поднялся ко мне на станцию. Тогда уж я спросил его, как он меня спрашивал когда-то: «Вы что, тоже без знакомых скучаете?»

Он повернулся к девушке, которая листала книгу и в то же время внимательно слушала его.

— Видите, у меня здесь всегда есть хорошие собеседники. Я имею в виду книги.

— А откуда ты родом? — спросил его художник.

— Из Лаокая. В прошлом году мне в виде поощрения разрешили съездить домой. У меня отличный отец. Мы с ним вместе писали заявление с просьбой отправить нас на фронт. Его взяли, а старшего сына — меня, значит, нет. Переживал я очень, пока перед новогодним праздником не побывала у нас на Шапе группа военных летчиков. Один из них тогда сказал: «Благодаря вашим прогнозам мы провели успешную операцию и сбили несколько американских реактивных самолетов над мостом Хамжонг». Для меня, признаться, это было неожиданностью. Мне как-то и в голову не приходило раньше, что воздушные бои как-нибудь связаны с моей работой. И мне было так хорошо, когда этот летчик сказал: «Мы сражаемся как один экипаж». С тех пор я чувствую себя нужным, и я счастлив.

Тут он заметил, что художник что-то быстро рисует в своем блокноте.

— Вы что, меня рисуете? Не надо, прошу вас. Честное слово, есть для этого более достойные люди.

Из вежливости он остался на своем месте, чтобы не мешать художнику работать, но еще раз попытался протестовать:

— Напрасно вы тратите свои силы на меня! Здесь у нас есть такие люди! Если хотите, я вас познакомлю с одним селекционером-овощеводом. Он работает на плантации, выращивает в наших условиях капусту кольраби. Каждый цветок считает при цветении, каждое растение окучивает. А у него их сотни. Все это для того, чтобы растение лучше акклиматизировалось здесь, на севере, чтобы все местные жители могли выращивать кольраби на своих огородах. Вы знаете, какие у него получаются плоды? Вот чей портрет надо нарисовать! А какие у нас люди внизу на метеостанции работают, вы бы знали. Один товарищ изучает грозы, так всегда готов забраться в самый эпицентр! Одиннадцать лет не уезжает никуда отсюда. Даже не женился из-за этого. Боится, что стоит ему уехать, так он непременно пропустит что-то очень важное. У него цель — сделать карту грозовых районов всей страны. С такой картой можно будет прогнозировать тайфуны. Представляете! Такая карта скоро будет, я уверен. Вообще-то многие, слыша слово «Шапа», вспоминают только здешний курорт. Но люди здесь и работают для своей страны.

Художник сделал еще несколько штрихов, и первый набросок портрета был готов. Ему понравился этот юноша. Рисуя, он все время думал о том, что услышал только что. О том, как преодолел молодой метеоролог одиночество здесь, в безлюдном высокогорье. О том, как тянется молодой человек к людям. Постепенно его мысли перешли на всех, кто живет здесь, на Шапе, на земле его молодости, на земле, которую он любил, но которую смог снова посетить лишь теперь, на закате своей жизни.

То, что задело художника, взволновало и его спутницу. Все, что она услышала здесь, что открыла для себя, бегло листая страницы книг и записей метеоролога, ошеломило ее. Словно лучи света высветили его характер, раскрыли его простую и вместе с тем героическую жизнь, мир тех людей, о которых он рассказывал. Она сравнивала свои ощущения с пережитым недавно в Ханое, и всем сердцем поняла, точнее, оценила мелочность прожитого, уже спокойно одобрила ранее принятое решение.

Чувство глубокой благодарности к этому человеку охватило ее душу. Не только за прекрасный букет, который будет сопровождать ее в первом в жизни само-

стоятельном путешествии. Но за все букеты, которые еще, несомненно, будут в жизни. За все прекрасное и настоящее, что она сейчас даже не могла представить себе. Она лихорадочно стала шарить в своей сумке. Художник еще вернется сюда, на метеостанцию, но она-то, наверное, уже не приедет никогда, и ей очень хотелось оставить этому парню что-нибудь на память о себе, об этой их встрече. Ей хотелось подарить ему что-то такое, что бы напоминало ему о нежности, ласке. Какую-нибудь маленькую вещицу, способную вызвать цепь воспоминаний... Но, как назло, в сумочке не было ничего подходящего.

— Ну вот! Наше время кончается, осталось всего пять минут! — Юноша сам, казалось, вздрогнул от своего голоса, в котором, несмотря на улыбку, звучала грусть. Он вышел в другую комнату, но тут же вернулся с корзиной в руках. Художник встал, за ним поднялась и его спутница.

— О! Вы забыли платок! — воскликнул метеоролог и, чтобы не заставлять гостью возвращаться, сам взял платок, оставленный между страниц книги, и подал ей.

У девушки дрогнули губы — то ли она рассердилась, то ли попыталась улыбнуться. Густо покраснев, она взяла платок и резко повернулась к выходу.

— До свидания, — остановившись у двери, художник пожал руку хозяину. — Я непременно к тебе еще заеду. Разрешишь недолго у тебя пожить?

Девушка, в свою очередь, тоже протянула руку хозяину, и он осторожно, словно боясь раздавить, пожал ее.

Она снова, как в саду, посмотрела прямо в лицо молодого человека, от которого она скоро будет далеко и с которым, наверное, никогда больше не увидится:

— До свидания.

Но на этот раз юноша отвел взгляд. Он передал корзину художнику и торопливо проговорил:

— Это вам на обед. Вам и шоферу. Извините, что не могу проводить вас до автобуса — мне пора снимать показания приборов. До свидания. Так вы приедете?

Художник молча кивнул в ответ... Когда он со своей спутницей спустился по крутой тропинке к автобусу и посмотрел наверх, юноша уже входил в дом.

С корзиной и большим ярким букетом они вошли в машину и молча сели на свои места.

Солнце уже поднялось выше вершин, и, усыпанные пурпурными соцветиями, деревья казались огромными факелами. Под яркими лучами словно еще сильнее расцвели цветы в букете, и вместе с ними как-то похорошела девушка.

Вдруг, словно что-то вспомнив, художник посмотрел на часы и тихо пробормотал про себя:

— Странный парень. И вообще эта молодежь как мотыльки. Ведь когда еще будет одиннадцать часов? Почему он не проводил нас до автобуса?

Его спутница, видимо расслышав это ворчание, бросила быстрый взгляд, вздохнула и ничего не ответила.

Золотые колокола: Слово о Вьетнаме говорят
З 81 вьетнамские прозаики разных поколений и молодые поэты, а также советские журналист и художник. Сборник. — М. : Мол. гвардия, 1985. — 287 с.

1 р. 50 к. 100 000 экз.

Героическую борьбу вьетнамцев за свободу и мирный труд, высоту их человеческого духа и глубину культуры раскрывают в книге стихи, рассказы, публицистика, произведения изобразительного искусства вьетнамских и советских авторов.

З $\frac{4701000000-050}{078(02)-85}$ 222—84

ББК 84.5В
И(Вьет)

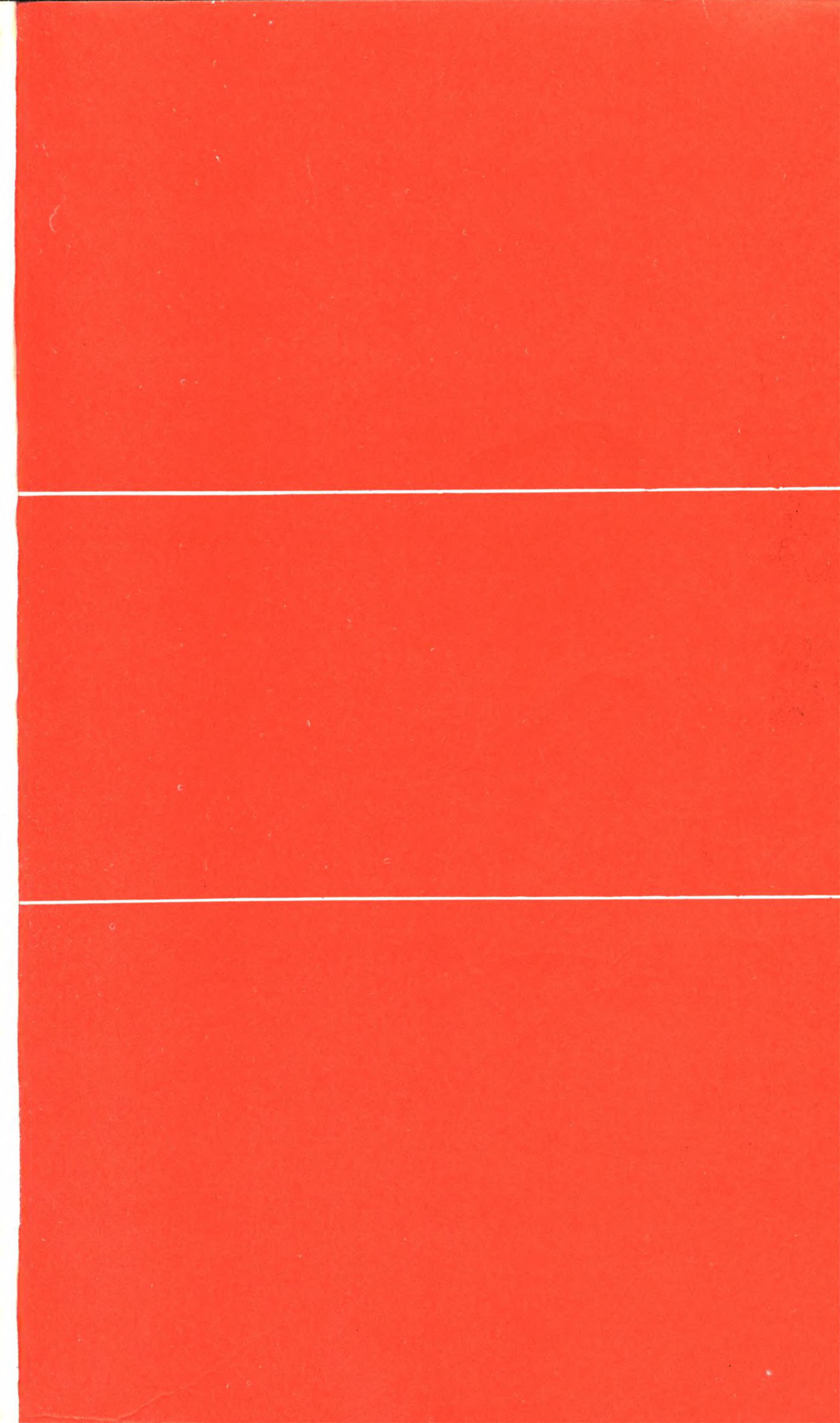
ИБ № 4427

ЗОЛОТЫЕ КОЛОКОЛА

Редактор **Св. Котенко**
Художественный редактор **А. Степанова**
Технический редактор **Н. Носова**
Корректоры **Н. Самойлова, Г. Василёва, Т. Крысанова, В. Назарова**

Сдано в набор 18.07.84. Подписано в печать 26.12.84. А08274. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12 + 1,68 вкл. Усл. кр.-отт. 17,4. Учетно-изд. л. 17,1. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 50 к. Заказ 1035.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

1 р. 50 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЗОЛОТЫЕ КОЛОКОЛА